

Александр Абдулаев

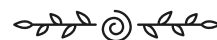
Командировка к морю

*В оформлении обложки использована
работа Михаила и Инессы Гармаш*

Ижевск 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-4
А13

КОМАНДИРОВКА К МОРЮ

Абдулаев А. Ш.
А13 Командировка к морю: рассказы. — Ижевск: МарШак, 2021. — 276 стр.

Александр Абдулаев – прозаик, автор девятнадцати книг. В его эпических произведениях отражена реальность событий и наше недалёкое прошлое без иллюзорности и преувеличений.

В новом сборнике рассказов «Командировка к морю» писатель показал обыденную жизнь разных людей. Любовные линии в произведениях прописаны несколько схематично, предоставляя свободу выбора, что свойственно «мужской» прозе.

16+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-9904224-6-9

© А. Ш. Абдулаев, 2021
© М. Гармаш, И. Гармаш, 2021
© Оформление. Типография «МарШак», 2021

Глеб Чистов сидел в своём кабинете и просматривал график строительства гостиницы в небольшом приморском городе. Офис располагался на седьмом этаже высотки, и сквозь окно ясно просматривались застройки. Глеб любил в вечернее время выключать свет, подвигать ближе к окну кресло и смотреть на лежащий внизу город с подсветкой зданий. Строительная фирма «Глобус», в которой он работал ведущим инженером, выиграла тендер на возведение современной трёхэтажной гостиницы с бассейном. Как признался в приватной беседе с ним директор фирмы Сергей Перегудов, он сумел договориться с заказчиком перед рассмотрением тендера на строительство. Шеф и Глеб когда-то учились в одном строительном институте, только в разное время.

Телефон на столе зазвенел, отвлекая Глеба от работы, он не любил, когда дёргали по пустякам. Снял чёрную трубку и, не прикладывая к уху, стал слушать. Говорил директор Сергей Перегудов и просил срочно зайти к нему.

Глеб отложил в сторону график, выключил компьютер и вышел из-за стола. Упругой походкой бывшего спортсмена прошёл к двери, на ходу прикидывая причины срочного вызова. Только потянулся к ручке, как дверь распахнулась, и перед ним возникла секретарша директора Светлана Звонарёва, молодая женщина с красивым овалом лица, тонкой, почти осиной талией и высокой грудью. Она привычно, как всегда, мило улыбнулась, обнажив резцы, и эта улыбка на некоторое время держалась на её лице:

— Глебушка! Тебя шеф срочно зовёт к себе, он что-то сегодня с утра не в духе. Приехал заказчик гостиницы, и у них состоялся острый разговор, — она придвинулась

к нему ближе, и от неё пахло свежим ароматом французских духов. Её волнительная грудь почти касалась Глеба.

— Сейчас приду, только покурить схожу. Нужно ведь собраться с мыслями.

— Ты не задерживайся, иначе шеф будет сердит, а ты знаешь, что это такое, — кивнув головой, она пошла по коридору.

Глеб проводил Светлану глазами и спустился на межэтажную площадку, где обычно курили сотрудники фирмы. Там никого ещё не было, он достал пачку Camel, держал её в руках и засунул обратно в карман. Курить что-то расхотелось. Он прислонился спиной к стене, прикрыл глаза и вспомнил, когда он несколько лет назад пришёл работать в фирму по приглашению Перегудова и случайно столкнулся со Светланой в узком гардеробе на первом этаже. Стояла сырая осенняя погода. Дождь нудно капал с небес, то мимолётно проглядывалось солнце среди тяжёлых серых туч, то снова начинался дождевой поток. Глеб снял с плеч новый польский плащ коричневого цвета, повесил его на крючок и собрался уже выйти, как мимо него прошла молодая женщина в кожаной куртке почти неземной красоты.

Светлана бросила на него мимолётный взгляд и прошла дальше. Как ему показалось, она просто повела плечами, и куртка сама спала — на ней было обтягивающее зеленоватое шерстяное платье. Она пошла к выходу, оставляя запах свежести и романтизма. Потом он узнал, что её любимыми духами были на тот период Nina Ricci. Тонкие щиколотки, в меру худощавые ноги и походка... У Глеба на время остановилось сердцебиение, и он позабыл, как дышать. Через месяц у них завязался бурный служебный роман, хотя оба были обзаведены семьями и имели детей. Они настолько притянулись друг к другу, будто атомы, и были намагничены физической страстью.

Жена Лида почувствовала колющую в груди женскую тревогу, когда Глеб стал задерживаться на работе. Уезжал по выходным на какие-то срочные совещания.

В тот злополучный вечер он вернулся домой поздно, тихо прошёл в детскую, поцеловал спящую дочку и прошёл на кухню, где его поджидала жена. Она сидела, подперев ладонью подбородок, и пристально посмотрела на него. В её глазах читалась боль. На столе стоял разогретый ужин: гречневая каша с бифштексом и яйцом, стакан яблочного сока. Глеб вяло пожевал, отодвинул тарелку и посмотрел на Лиду виноватыми глазами. Она молча убрала со стола, повернулась и пошла в спальню. Глеб зашёл в ванну, встал под горячий душ, его сильное тело, перекрученное мышцами, было создано для жизни и любви.

Вышел из ванны, насухо обтёрся махровым полотенцем, подошёл ближе к запотевшему зеркалу и посмотрел в него. Он увидел мужчину тридцати лет с сероватыми глазами, упрямыми губами и высоким лбом, с зачёсанными волосами назад. Справа на шее краснел небольшой Светин засос. Притронулся кончиками пальцев, словно хотел его стереть с упругой кожи, покачал головой, обречённо вздохнул и пошёл в спальню. Лида не спала, лежала, ждала его, натянув одеяло на самые глаза. Как только Глеб появился в дверном проёме, она щёлкнула выключателем настольной лампы, и мягкий свет расстелился по комнате.

— Глеб, — суховато, словно простуженным голосом произнесла она, — скажи мне, у тебя появилась женщина?

— С чего ты это взяла? — ответил как можно спокойнее Глеб, хотя у него в груди ёкнуло сердце. Подойдя к постели, он прилёг и хотел придвинуться ближе к Лиде, но она отодвинулась от него дальше, закутываясь в одеяло.

— Я это чувствую по тебе! Ты стал равнодушным ко мне и пустым в душе, — Лида тихо заплакала, утирая слёзы пододеяльником. — Если действительно есть

женщина, просто скажи, и мы с дочкой уедем к родителям в Пермь. Скажу откровенно, ты стал другим, и однажды я почувствовала от тебя запах женщины, хотя ты усердно мылся в душе. И сегодня ты пришёл с засосом на шее.

Лида привсталась, откинув одеяло с Глеба, ткнула указательным пальцем в шею.

— Это что такое? Или соври мне, что упал, когда шёл домой с работы, или придумай что-нибудь другое. Например, что тебя местные хулиганы душили в подъезде дома, требуя денег. Идиот! Так, слушай! Я решила, что мы с дочкой послезавтра уедем к родителям. Поживи пока один и подумай, нужны ли мы тебе.

Глеб жил уже полгода один. Приходил после работы в пустую квартиру, и накатывалась где-то внутри такая тоска, что хоть волком вой. Чтобы заглушить душевную пустоту, он доставал из холодильника финскую водку и наливал себе в стакан. Выпивал одним глотком, затем ложился на диван и прикрывал глаза. Тёплая волна окутывала сначала его голову, затем спускалась вниз живота, и он засыпал на короткое время. Проснувшись, смотрел тупо в потолок, собираясь с отрывками мыслей, брал с пола сотовый телефон и звонил жене. Лида долго не отвечала, потом послышался её суховатый, даже чужой голос. Разговор не клеился, и Глеб понимал, что скорой встречи у них не будет... жена помнила свои обиды.

Зайдя в приёмную директора Перегудова, Глеб увидел, как Светлана подкрашивает губы красной помадой, стоя перед зеркалом. Роман у них прекратился уже несколько месяцев назад, и они создавали вид, что ничего между ними не было. Увидев Глеба, Светлана повернулась к нему и натянуто улыбнулась, сощуриив по-кошачьи глаза.

— Иди, шеф уже ждался тебя! Приехавший заказчик промывает ему мозги, видимо, хочет закрыть финансирование строительства. Ты побольше молчи и кивай

головой, как китайский болванчик, и всё будет славно, — Светлана, сказав напутственные слова, продолжила подкрашивать пухлые губы, вытянув их вперёд.

У Перегудова в кабинете сидел за столом мужчина в тёмном костюме с почти аскетическим лицом. Поблёскивали линзами очки. Сухие жилистые кисти с узловатыми пальцами лежали на полированном столе, и он слегка ими отбивал барабанную дробь.

— Садись поближе. Будет серьёзный разговор, — пригласил Перегудов Глеба.

Перегудов включил напольный вентилятор, и большие пластиковые лопасти стали гонять по кабинету тёплый воздух. Снял трубку прямой связи с приёмной.

— Светлана, принеси охлаждённой минералки да и свари нам по чашке кофе. Меня нет до конца дня, я на совещании.

Представитель заказчика ослабил тугой узел красного галстука, налил себе минеральной воды из стеклянной бутылки. Кадык на тонкой шее несколько раз дёрнулся, когда он глотал воду. Глебу почему-то захотелось ударить его ребром кисти по кадыку. Мужчина не вызывал у него признаков симпатии. Он блеснул очками в сторону Глеба и, повернувшись к Перегудову, начал перечислять нудным голосом, загибая пальцы, недостатки строительства гостиницы. Глеб прикрыл глаза, думая, когда же он закончит свой полёт мысли. Наверное, мужчина готовился к тому, что сказать, когда ехал на поезде более полутора суток.

Перегудов поджал полные губы, свёл хмуро брови над переносицей, сердито постучал карандашом по столу:

— Глеб Данилович, прошу не отвлекаться! Тем более тебе придётся ехать на неделю в командировку, а может, и больше. Там на месте разберёшься с ситуацией и контролируешь ход строительства объекта. Выделим дополнительно финансы, и сам решишь, кого можно ещё

подключить, чтобы ускорить работы по монтажу и сдаче субподрядчикам. У них в городской администрации гостиница включена в титул сдачи на следующий год. С Михаилом Потаповичем детали мы уже обговорили. Так что завтра собирайся — и в добрый путь.

У заказчика почему-то вытянулось лицо, когда прозвучало его имя, и застучал снова пальцами по столу, отбивая победный бравурный марш.

— Можно идти? — спросил Глеб, вставая со стула. Солнечный луч попал ему в глаза, он зажмурился.

— Иди, иди! И скажи Светлане, чтобы она срочно приказ подготовила и принесла мне на подпись. Жду тебя через неделю с докладом о законченных работах. И не подведи нашу фирму. Мы всё же дорожим своей репутацией.

В приёмной Светлана сидела за компьютером и играла в пасьянс. Рыжеватые волосы обрамляли очерченный овал светлого лица. Светлана оторвалась от игры, посмотрела на него тёмно-коричневыми глазами с длинными ресницами.

— Как, Глебушка, сходил к шефу? Поедешь в командировку к морю?

Глеб молча стоял возле стола, думая, что Светлана знала о предстоящей командировке заранее и не предупредила его. Вот непредсказуемая женская натура.

— Да, еду! Буду греться под солнцем неделю. Шеф просил подготовить приказ и отнести ему на подпись.

— Может, мне с тобой махнуть?! Отдохнуть от суеты и серости городской. Сколько на улицах тополиного пуха, так аллергия может появиться, — она сморщила аккуратный носик, и в глазах заплясали насмешливые чёртики.

— А как же твой благоверный? — Глебу хотелось задеть Светлану, он знал об их натянуто-холодных отношениях. Муж был тот ещё ревнивец, и Светлана преподносила ему постоянные поводы для этого.

— А что муж? Он был бы не против нашей поездки, — Светлана нервно повела плечами, груди заколыхались под платьем. — Муж объелся груш! — коротко закончила свой разговор, подведя черту.

Утром он не стал дожидаться лифта, побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени в приёмную фирмы. Открыв дверь, Глеб увидел, как Светлана, наклонившись над столом, выписывает ему командировку. Увидев Глеба, она выпрямилась и, подойдя ближе, провела кончиками пальцев по его виску. От неё так пахло свежестью женского тела, что у Глеба мелькнула шальная мысль, что, может, нужно было взять её с собой и вместе провести там время.

— Не забывай меня, Глебушка! Я буду по тебе скучать, — у Светланы на глазах неожиданно навернулись слёзки, она глубоко вздохнула, отошла к окну и, послав ему воздушный поцелуй, отвернулась.

Полуденное солнце стояло в зените и пылало сверху, не проглядываясь ни одного облачка. В глубоком подсинённом небе прочертил белый след реактивный самолёт.

До отправления поезда ещё оставалось время, и Глеб, приехавший пораньше на вокзал, оставил спортивную сумку в камере хранения, решил пройтись по извилистой улице, которая тянулась вверх по склону. По сторонам улицы теснились одноэтажные кирпичные дома с глухими заборами. Проходя мимо добротного дома, Глеб остановился перевести дыхание, как совсем неожиданно из-под дверной щели показалась голова небольшой лохматой собачки, она посмотрела на него маленькими злобными глазками, затавкала и, выскочив, попыталась вцепиться в штанину брюк.

Дверь слегка приоткрылась, и в щели показалась растрёпанная седоватая женская голова, белое лицо с красными прожилками было угрюмо. Она посмотрела выцветшими глазами на Глеба:

— Ты кого-то ищешь? — спросила осипшим голосом женщина. За её спиной послышался надрывистый мужской кашель.

— Вы собачку свою заберите! Ненароком меня покусает.

Глеб хотел пнуть собачку, но, видимо, она, предвидя это, юркнула хозяйке под ноги, легла на землю.

— Ходят тут всякие, — грубо произнесла женщина и, подвинув ногой собачку, наглухо закрыла со стуком дверь.

Глеб посмотрел на часы и решил идти на железнодорожный вокзал, до отправления оставалось полчаса. Быстрой походкой спустился вниз, где шумела пчелиным ульем привокзальная площадь. Сновали между людей смуглолицые цыганки в ярких платьях: одни продавали дешёвую золотистую бижутерию, другие занимались гаданием. Пожилую цыганку с выбившимися седыми прядями волос из-под платка обступили полукольцом несколько женщин, желающих узнать свою судьбу.

— Дай погадаю, молодец! — возле Глеба внезапно возникла красивая женщина средних лет, она щедро улыбнулась. На него почти в упор смотрели не моргая смолянистые большие глаза. Гадалка поймала Глеба за руку, не желая отпускать.

— Я тороплюсь на поезд, — он освободил свою руку от назойливой цыганки, и, пройдя несколько шагов, услышал звонкий голос:

— Скоро, совсем скоро встретишь свою любовь и вспомнишь обо мне.

Глеб спустился вниз в полутёмное помещение, где была камера хранения. За окном выдачи сидел детина с бритой головой, лицо его было равнодушно ко всему происходящему, только раскосые монгольские глазки бегло смотрели по сторонам. Протянул широкую ладонь, коротко бросил:

— Жетон давайте!

Получив его, не вставая с места, ногой подвинул к себе сумку, поднял её на стол. Пробурчал:

— Ваша?

— Моя, — ответил Глеб и посмотрел на часы с длинными чёрными стрелками, висящие на серой стене, оставалось до отправления ровно десять минут.

Выскочив из полутёмного помещения, Глеб оказался на перроне и, пройдя десяток шагов, стоял возле своего вагона. Протянул билет проводнице, симпатичной брюнетке с носом кнопочкой. Она стояла в приталенном форменном синем костюме и мило улыбнулась тонкими губами:

— У вас пятое место во втором купе.

Дверь купе была распахнута. Когда Глеб зашёл, увидел двух сидящих мужчин и пожилую женщину в очках с худощавым лицом, она посмотрела на него тусклыми глазами, уже подёрнутыми старческой пеленой. У Глеба было место на нижней полке. Засунув сумку вниз, он присел перевести дыхание. Напротив него оказался мужчина средних лет, на нём ладно сидел коричневый пиджак с широким синим галстуком. Он почесал затылок и стал пристально рассматривать Глеба, не моргая глазами с белёсыми ресницами. На почти голом черепе выступили бисеринки пота, было жарко в костюме, и он вытирал пот небольшим полотенцем. Женщина достала из сумки газету и стала подслеповато читать, шевеля сухими ломкими губами.

— Вот напишут, так напишут! Так даже не сбрешешь, если захочешь! — негромко возмутилась она, отложив газету в сторону.

Белобрысый мужчина с припухлым лицом и отвислыми усами сидел в спортивном костюме рядом с Глебом. Он бросил короткий взгляд, сердито сдвинув жиденькие брови, и твёрдо сказал:

— Вы бы не читали всякой чепухи! Мало ли что там напишут, и всё принимаете за истину, потом сна лишаетесь, мамаша. Мой вам совет: не читайте газет до обеда и после него. Знаете, можете даже испортить себе пищеварение, это мне сказал один знакомый врач.

Он глухо засмеялся, показывая редкие передние зубы, в груди у него что-то заклокотало. Затем достал из туго набитого чемодана бумажный пакет и стал извлекать из него, ставя на стол, бутылку «Зубровки», два красных яблока и круг копчёной колбасы с прожилками сала.

Состав дёрнулся и медленно двинулся мимо вокзала, мелькали разнокалиберные киоски, в которых продавались сувениры и продукты в дорогу. На перроне остались несколько человек.

— Вот, наконец, и поехали, — почти радостно произнёс мужчина в пиджаке. — Может, не так жарко будет, — он встал с места и потянулся открыть окно.

— А вы снимите пиджак, снимите, — настойчиво посоветовала женщина. — Если хотите, то я могу выйти, чтобы вас не смущать.

Она поправила голубую блузку с длинными рукавами и вышла из купе, тихо затворив за собой дверь.

Вагон слегка покачивало, Глеб прикрыл глаза, обдумывая утренний разговор со Светланой. «Может, она действительно любит меня, а я отношусь к ней как к временному явлению. Да и она замужем, есть сын». Ему не хотелось вмешиваться в чужую семью, и тем более как его воспримет сын Светланы, по её разговорам, он очень привязан к отцу, вместе ходят на рыбалку, зимой на лыжах. Глеб отодвинул навалившиеся мысли в сторону.

Мужчина в спортивном костюме «Адидас» повернулся к нему лицом:

— Присаживайтесь поближе к столу, перекусим, как говорится, чем бог послал.

— Спасибо за угощение, но я воздержусь, как-то не привык выпивать в полдень, — мягко, чтобы не обидеть соседа по купе, отказался Глеб и стал из сумки доставать кроссовки.

— Ноги что-то затекли. Жарко сегодня, — он переобулся, снял пиджак и вышел в коридор, оставив своих соседей выпивать.

Вскоре соседи по купе стали горячо обсуждать футбольный матч на чемпионате страны. Лица у них покраснелись от жаркого спора и выпитого. Их голоса чередовались возгласами.

Солнце закатывало свой красный диск за дальние холмы, небо приобрело фиолетовый цвет, и редкие белёсые облака тянулись на запад. Мимо вагонных окон проскочил неизвестный полустанок. Низкое деревянное здание, окрашенное в жёлтый цвет, с большой цветочной клумбой осталось позади. Небо стало темнеть, стирая дневные краски и воспоминания. Мимо промчался с шумом встречный пассажирский поезд, полоса света вскоре потухла где-то вдалеке.

Глеб вернулся в купе, мужчины уже спали на своих полках. Женщины не было.

В дверь постучали, Глеб открыл, в проёме возникла проводница:

— Кофе, чай, что-то будете заказывать?! — дежурно поинтересовалась, растянув привычно губы.

— Сегодня нет, — Глебу не хотелось ничего пить, и он решил лечь спать пораньше, тем более утром рано выходить.

В дверь боком протиснулась соседка, женщина в очках. Поправив причёску, она как-то тяжело вздохнула и присела на своё место.

— Вы куда-то пропали? — поинтересовался у неё Глеб.

— Встретила в соседнем вагоне свою подругу, она едет к внуку, вот и проболтали за чаем, — тихо произнесла она и стала разбирать постель, готовясь ко сну.

— Спокойной ночи! — пожелал Глеб, протянул руку, нащупал на стене выключатель — свет в купе потух. На верхней полке мужчина в спортивном костюме спал на спине, внутри у него что-то булькало, и он громко всхрапывал во сне. Другой, отвернувшись к стенке, подложил под голову руку, поджал ноги и покачивался в такт поезду. В купе пахло свежим перегарным дыханием. Слышно было через дверь, как маленький мальчик из соседнего купе бегаёт по коридору, громко топая ногами. Ему, видимо, это приносило радость и восторг, и он частил ногами от своей матери.

Рано утром Глеб, едва проснувшись в душноватом купе, посмотрел на ручные часы. Поезд приходил по расписанию через час. Он быстро встал, прихватив полотенце и, стараясь не шуметь, вышел из купе. В туалет была очередь из нескольких человек, видимо, они тоже выходили вместе с Глебом на станции. Последней стояла полная женщина с мятой причёской, ещё не отошедшая ото сна. На Глеба она посмотрела, повернув голову, и окинула его большими синими глазами с ночной поволокой.

Ночь стояла тёплая, и день обещал быть жарким. На сероватом небе вдалеке проглядывалась светлая полоса, кто-то невидимый приподнял край горизонта, пока солнце окрашивало небо в красноватый цвет.

Поезд остановился возле вокзала из стекла и бетона. На перроне стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину, молодой милиционер, он смотрел на немногочисленных выходящих пассажиров из вагонов и шевелил губами, над которыми чернела полоска усов. Возле него крутился мальчик с сонным лицом. Бейсболка сползла ему на ухо, оголяя светлые волосы. Он, задрав голову, смотрел на милиционера, кривя щербатый рот.

Впереди Глеба неторопливо шёл с большой дорожной сумкой пожилой мужчина в соломенной шляпе, прихрамывая на одну ногу. Глеб догнал его, подхватил баул и помог донести до билетной кассы. Мужчина сдвинул шляпу почти на самый затылок, приподнял седые кустистые брови на усталом лице, виновато дрогнул ртом с железными зубами, стал в кармане искать деньги.

Глеб быстро прошёл сквозь вокзальную пустоту и оказался на автобусной остановке. Час был ранний, и общественный транспорт ещё не ходил. Поставив сумку рядом, он с огорчением подумал, как же ему добраться до гостиницы, где ему забронировали номер. Пока он размышлял, возле него остановился автомобиль «Мицубиси» белого цвета. Капот в нескольких местах помят, лобовое стекло в паутинках трещин. Машина была не новая, и водитель, видимо, по ночам таксовал. За рулём иномарки сидел грузный пожилой мужчина с рыжеватой копной волос, припухлыми глазами он выглянул в приоткрытое окно, спросил осипшим голосом у Глеба:

— Куда поедете?

— До гостиницы «Прибой», — наклонился к нему Глеб, рассматривая водителя. Мужчина кивнул головой, шевелюра на голове колыхнулась.

— Поехали. Быстро довезу и недорого возьму.

В салоне пахло бензином, ацетоном и ещё чем-то, отчего Глеб закашлялся, прикрывая рот ладонью. Хотелось выйти и вдохнуть свежего воздуха.

— Недавно свою ласточку ремонтировал, — нежно отозвался о своей старой машине водитель, увидев, как его пассажир дышит в открытое окно. Он надавил на педаль газа, под днищем что-то застучало, и машина резво рванула с места, будто застоявшийся скакун, и покатила по сонному городку.

— По делам или просто отдохнуть? — повернув голову, поинтересовался водитель и откинул грузное тело на сиденье.

— В командировку приехал. Посмотреть, как у вас новая гостиница строится.

Водитель сразу оживился, повернул голову к Глебу:

— Гостиница нужна. К нам стали приезжать туристы из разных городов. А старая, куда я вас везу, ещё построенная при царе Горохе, уже никуда не годится. У меня там супруженька несколько лет назад горничной работала. Она рассказывала, что зимой в ней холодно, сквозняки гуляют по коридорам, нужно рамы оконные менять, с крыши капает осенью и весной, а денег на капремонт нет. Старое руководство привело хозяйство в упадок, всё, что можно было, растащили. В ресторане хорошее пианино стояло, и то обалдуи куда-то уволок. Хотя мне один знакомый рассказывал, что видел инструмент на даче у бывшего директора гостиницы. Ни дна им ни покрышки, — он сердито поджал губы, наморщил лоб, и зачем-то ударил по рулю ребром ладони и плюнул в открытое окно.

Остаток пути они проехали молча, каждый думая о своём. Вскоре машина остановилась возле трёхэтажного сероватого здания. Большие окна затянуты плотными шторами. К входу тянулась выщербленная асфальтовая дорожка, вдоль неё выложен бордюр из красного кирпича. В цветочной клумбе круглой формы сидела пушистая кошка неопределённого окраса, увидев машину, она спряталась в зелени.

Глеб вышел из машины, взял сумку из багажника, подошёл к водителю и протянул деньги.

— Сдачи не нужно. Спасибо, что быстро подвезли.

Водитель на прощание блеснул коронкой на переднем зубе, засунул деньги в карман рубашки в клеточку, кивнул на прощание лохматой голой, уехал, поднимая дорожную пыль.

В притемнённом холле за столом сидела женщина лет сорока. На ней были надеты водолазка серого цвета и юбка в клеточку. Она рукой сдвинула очки на лоб, отчего брови поднялись вверх, прищулив близорукие зеленоватые глаза, всматривалась, кто зашёл в дверь.

— Да вы проходите... проходите, — пригласила регистратор Глеба тихим голосом и рукой отодвинула в сторону цветной журнал, который она недавно с интересом читала.

Глеб протянул командировку:

— Мне нужен отдельный номер на неделю. Найдётся у вас?

Регистратор посмотрела на него поверх очков, тихо скрывая зевоту:

— Да, конечно, у нас есть свободные номера. Пока в городе затишье, а через две недели будут различные мероприятия.

— Какие, если не секрет? — поинтересовался Глеб, хотя ему было безразлично, его уже в это время не будет.

— День города. Его у нас всегда отмечают с праздничным салютом. Наш градоначальник — бывший военный, и любит всякие фейерверки и музыку, где грохочут барабаны. Красиво, ночью в тёмном небе разноцветные огни, — регистратор слегка улыбнулась, растянув синеватые губы в линию.

— Извините... А где у вас можно позавтракать? — поинтересовался Глеб, впрочем, особо не надеясь, что это удастся в ранний час.

— Вы сумку-то оставьте здесь и идите прямо по коридору, а там на переходе свернёте направо и окажетесь в нашем ресторане, они вас чем-нибудь накормят, — регистратор посмотрела на часы, висящие возле входной двери.

Глеб шёл по тёмному и узкому коридору, чуть не столкнулся с полноватой женщиной, она, погруженная в свои

мысли, явно не ожидала встретиться с мужчиной, испуганно ойкнула и, опустив голову, торопливо зашагала дальше.

В ресторанном зале стояло несколько столиков, застеленных светлой тканью. Из кухни пахло чем-то пригорелым, слышались глухие женские голоса. Потолок в ресторане был высокий, сверху свисала тяжёлая бронзовая люстра с пожелтевшими от времени стеклянными висюльками. В дальнем углу виднелось возвышение с микрофоном. «Видимо, вечером здесь играют музыку», — подумал Глеб. Он сел за столик возле окна и смотрел на унылую пустынную улицу с тополями. Проехал мотоциклист без шлёма, виляя по улице и объезжая рытвины.

Из кухни вышла юркая невысокая молодая женщина в белом переднике и заколкой на голове. Она остановилась, не ожидая увидеть раннего клиента, повернувшись, ушла обратно в кухню. Вскоре появилась с покрасневшим лицом, держа в руке лист плотной бумаги.

— Вот вам сегодняшнее меню. Пока все блюда не готовы, — передала меню Глебу, не зная, куда спрятать красные руки. Вчера с мужем почти до вечерних сумерек копались в огороде, и под ногтями виднелась чернота.

Глеб взял протянутое меню и положил на стол, не читая его. Поднял голову, посмотрел на официантку. Та засмущалась ещё больше. Круглое лицо залилось краснотой, мохнатые ресницы, словно крылья бабочки, подрагивали.

— Вот что я закажу, сударыня. Сделайте мне, пожалуйста, глазунью из двух яиц, и лука туда побольше. Сметана есть у вас?

Официантка молча кивнула головой.

— Тогда ещё стакан сметаны и крепкого чая.

Закончив с трапезой, Глеб забрал свою сумку и поднялся к себе в номер на втором этаже. Там всё было скромно. Стены оклеены желтоватыми обоями, над столом торчал

гвоздь, где, видимо, когда-то висело зеркало. Толстый шкаф, односпальная кровать, тумбочка, на которой стояла лампа, и истёртый прикроватный коврик, который дополнял картину провинциального гостиничного номера.

Спустился вниз к регистратору, которая была углублена чтением журнала. Она наклонила голову вниз, увидев подходящего Глеба, оторвалась и посмотрела на него.

— Как мне пройти к строящейся гостинице? — спросил Глеб.

— Да тут совсем недалеко... Пройдёте два квартала вниз к морю и увидите кирпичное здание — это и будет гостиница.

Глеб стал спускаться по узкой дороге вниз. Пахло свежестью, водорослями и рыбой. Море внезапно распахнулось перед глазами, оно серело совсем близко, и ему показалось, что оно дышит. Он, не замечая, прибавил свой шаг, а море становилось всё больше и больше и уходило далеко, сливаясь с горизонтом.

Увидев строящуюся гостиницу, он напрямик направился туда. Нашёл выломанную доску в заборе, отодвинул её в сторону, пролез в щель. Обошёл вокруг здания и, не встретив ни одного рабочего, пошёл искать мастера Чихонина, он был ответственный за строительные работы. Неожиданно из-под дорожной плиты выскочила лохматая серая собака, она звонко залаяла, задирая вверх острую, похожую на лисью морду, приседая на задние лапы. На собачий лай из вагончика, обшитого кровельным железом, вышел мастер Чихонин, высокий, сутуловатый, с крупной лысой головой, которая почти выросла в плечи. Носатое лицо при виде Глеба как-то сразу сделалось серым и угрюмым, он широко распахнул двери вагончика, впуская Глеба зайти внутрь.

— Здравствуйте... Здравствуйте, Глеб Данилович! Совсем не ожидал вашего приезда, — как-то взволнованно зачастил он, стоя в дверях.

— Чихонин! Хочу тебя спросить, а где рабочие? Я что-то их не заметил на объекте, — спросил раздражённо Глеб, присаживаясь на табурет, услужливо подставленный мастером.

— Дак они скоро будут, — у мастера лицо враз посерело и выглядело даже испуганным, на лбу высыпали мелкие капли пота. Он-то знал, что его работяги придут только к обеду, не раньше. Вчера они подкалымили, копали траншею к коттеджу одного цыгана, а вечером, разумеется, крепко выпили и пока отсыпались в съёмной квартире.

— Тогда пойдём посмотрим, что осталось доделать к передаче субподрядчикам, — решительно встал с табурета Глеб и направился к выходу. За ним потянулся Чихонин, стараясь идти с ним в ногу.

— Вы не беспокойтесь, Глеб Данилович!.. Всё сделаем как надо, в срок, — пытался виновато оправдываться мастер, вздыхая на ходу. Ему осталось до пенсии совсем немного, и в планах было остаться в фирме ещё поработать, он догадывался, что от приезда ведущего инженера зависит его дальнейшая судьба.

Они поднялись на третий этаж, откуда было видно море. Солнце отблескивалось от спокойной глади и слепило глаза. Буруня носом воду, проплыл небольшой покрашенный в серый цвет катер, за ним, качаясь на волне, тянулась привязанная деревянная лодка. На корме стоял, широко расставив ноги, матрос в тельняшке. Потом он потянулся и скрылся в машинном отделении. Чайки возле береговой кромки чертили в воздухе замысловатые пируэты. По причалу ходила одиноко женщина в ярком платье, в руке она держала косынку или шарфик. Лёгкий ветер задувал платье меж ног. Она, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматривалась вдаль, будто ждала кого-то.

— Смотри, Чихонин! Этаж не перекрыт плитами, а если пойдут дожди, они прольют до первого этажа.

— Плит перекрытия уже неделю как нет. Звонил на ЖБК, они отвечают, что нет цемента, — сказал мастер как-то неуверенно, в душе надеялся, что ведущий инженер поверит ему, но, увидев хмурый взгляд Чистова, сразу осёкся.

— Ладно, хорошо, позвоню в администрацию, пусть они возьмут этот вопрос на контроль. А где твои архаровцы? Им бы уже пора появиться на сдаточном объекте, — Глеб посмотрел на Чихонина. Тот только развёл в стороны руки, пряча глаза, и как-то неуверенно произнёс:

— Придут ещё. Я им хвоста накручу. Так накручу, — и для убедительности сжал кулаки, заиграл скулами.

— Похоже, тебе нужно делать выводы, если объект и дальше будет отставать от графика... Ты понял меня? — Глеб помрачнел, посмотрел ещё на причал, женщины там уже не было, стал спускаться по круто приставленной деревянной лестнице вниз.

На обед он пошёл в гостиницу, оттуда позвонил директору фирмы Перегудову и доложил о том, как идёт стройка. Перегудов молчал несколько минут, и Глебу даже показалось, что он отключил телефон.

— Ты вот что, Глеб Данилович, переговори этот вопрос с заказчиком, дальше съезди на бетонный завод и реши, что у них с цементом, — это первое. Второе — я pošлю ещё одну бригаду строителей, а мастера... как у него фамилия?

Услышав фамилию, Перегудов сразу нашёлся что сказать:

— Этого старого пня отправь обратно к нам, переведу его бригадиром на хоздвор, а тебе pošлю другого, более инициативного — Гришкина. Понял?!

— Все вопросы будут решены, Сергей Игоревич, — успокоил его Глеб и положил трубку.

В течение недели на строящейся гостинице всё завертелось. Плиты перекрытия подвозили ежедневно, мон-

тажный кран крутился, на нём работала смешливая крановщица Мария, она, увидев внизу Глеба, помахала ему рукой с высоты.

Мастер Чихонин с виноватым видом, потухшими глазами сновал возле Глеба:

— Глеб Данилович... Глеб Данилович, я же не виноват. Так получилось. То одно, то другое, — он поджимал губы. — Не хотел подвести нашу фирму, ей богу не хотел. Поверьте. Ладно... переведут в бригадиры, и то хорошо, до пенсии немного осталось. Вы уж не обессудьте. На вечернем поезде поеду домой. А Гришкин — толковый мастер, он всё сделает к сроку. Этаж перекроют, сделают кровлю и передадут субподрядчику вовремя.

В ближайшую субботу Глеб решил уехать обратно. В пятницу он встретился в администрации с тем чиновником, с которым познакомился в кабинете Перегудова. Они сидели в угловом кабинете, в нём было прохладно, окно настежь распахнуто, и морской ветер приносил свежесть.

— Ну вот вы приехали, и всё стало на свои места. Подписали новый график строительства, и сейчас, я думаю, сдадим гостиницу в срок. Нам она нужна вот так, — Михаил Потапович рукой провёл по горлу. — Скоро сюда будут туристы приезжать в любой сезон. Рядом острова, там стоят древние православные храмы. Знаете, и всё ещё стоят, хотя раньше строили без гвоздей. Вот такие были мастера. Паломники приезжают и разбивают палатки в лесу, жгут костры. В прошлом году загорелся лес, так пожарная команда двое суток тушила. Не бережём нашу историю.

Он замолчал, подпёр острый подбородок ладонью, стал задумчиво смотреть в распахнутое окно.

— Может, немного выпьем? — предложил как-то неуверенно, извлекая из стола початую бутылку шотландского виски «Белая лошадь».

— Нет, спасибо! Днём как-то пить... вечер насмарку пойдёт, — отшутился Глеб и засобиравшись уходить. — Лучше прогуляюсь по берегу, подышу свежим воздухом, погода позволяет.

— Сходите... Сегодня погода позволяет. Да купите на причале в магазинчике наши сувениры, там хорошие подделки из камня делают мастера, — лицо чиновника тронула слабая улыбка. Он ещё не отошёл от вчерашнего разговора с женой по поводу переезда в новую квартиру. Они жили в старом доме вдвоём, небольшой огородик был в двух шагах, и Михаил Потапович решил обменяться на новостройку, но жена не соглашалась, и между ними началось тихое противостояние. Вечером, придя с работы, он поплескался под краном и сидел на кухне, жена молча поставила перед ним тарелку с гречневой кашей с большой паровой котлетой, чашку кофе и отвернулась к окну, скрестив руки на груди. Ночью она легла в другую комнату, а Михаил Потапович решился было идти на мировую, ткнулся в дверь, она была на запоре изнутри.

На следующее утро ветер разогнал тучи на небе, оно отдавало голубизной. Море было спокойно, волна накатывалась на пологий берег, усыпанный круглой галькой, и откатывалась назад, оставляя белую пену.

Глеб на автобусе добрался до железнодорожной кассы, купил билет на обратный путь. Народу на вокзале было немного. Молодой милиционер ходил по пустому залу, заложив руки за спину, и зорко посматривал на спящих мужчин, которые согнувшись спали на сиденьях. Он прошёл совсем рядом и хотел было их разбудить, как раздался скрипучий голос женщины-диктора из громкоговорителя, висящего на стене, объявившей о прибытии скорого поезда до Москвы. Милиционер поправил на ходу фуражку, застучал сапогами по плиточному полу, поспешил на перрон.

Вечером Глеб надел чёрный костюм в полоску, белую рубашку и пошёл в ресторан поужинать. Спустился вниз по лестнице и, пройдя мимо регистратора, кивнул ей головой, та приподняла седоватую голову, прищурилась, слабо улыбнулась и снова погрузилась в свои раздумья.

В зале было много людей, слышались громкие голоса, в воздухе витал сизоватый табачный дым. Глеб остановился в проходе, всматриваясь вглубь зала, ища свободное место. Мимо него прошла знакомая белокурая официантка с подносом, она остановилась, посмотрела на него:

— Что-то вы сегодня поздно пришли. Видите, все места заняты. Пойдёмте, посажу за служебный столик, он там, в самом углу.

Глеб пошёл вперёд, обходя столики. Заказав двести граммов пятилетнего коньяка «Кизляр», жареный картофель с бифштексом, стал рассматривать публику в зале. В ресторане было двадцать столиков, может, чуть больше, и все они заняты. Лица у некоторых мужчин горели от выпитого. Рядом за соседним столиком сидели мужчины с женщинами. У мужчины лет под пятьдесят, который сидел как раз напротив Глеба, было открытое лицо с мощным, как у боксёра, подбородком, большой нос, волосы, зачёсанные назад, открывали покатый лоб. На нём красовалась форма морского капитана. Рядом с ним сидела женщина около сорока лет со сбитой причёской, тонким хрящеватым носом, удлинённым лицом и ярко накрашенными губами. Она наклонилась к уху капитана и что-то ему шептала, кося глазами на Глеба. Чёрное платье с глубоким декольте и блёстками открывало высокую белую грудь. Когда женщина смеялась, то грудь колыхалась волной.

Из комнаты за сценой вышли три музыканта, они не спеша разобрали свои инструменты. Полноватый саксофонист с густой светлой шевелюрой в белой рубашке

с жабо и выпирающим брюшком из-под ремня оглядел полный зал, взял в руки инструмент, зажал губами мундштук, приготовился играть. Соло-гитарист, конопатый, крепкий молодой парень в пуловере и галстук, притоптывая правой ногой, небрежно брякнул по струнам пальцами, начал петь сиплым тенорком:

*Море вернулось говором чаек,
Песней прибоя рассвет пробудив.
Сердце, как друга, море встречает,
Сердце, как песня, летит из груди...*

Все зашевелились, отодвигая стулья, мужчины приглашали женщин на танец. Капитан, подхватив за локоток женщину в чёрном платье, повёл вперёд, она на ходу обернулась и посмотрела призывно на Глеба, подавая некий скрытый знак или сигнал.

Глеб увидел в дверях женщину в цветастом платье, на шее у неё был повязан газовый сиреневый шарф. Каштановые волосы обрамляли бледноватый овал лица. На сгибе правой руки она держала небольшую чёрную сумочку. Она растерянно смотрела по сторонам, ища свободное место. Возле неё возникла официантка с короткими крепкими ногами, они поговорили и вскоре оказались возле столика, за которым сидел Глеб.

— К вам можно посадить женщину? — спросила она.

— Да, конечно! Пожалуйста, пусть присаживается, — пожал плечами Глеб и, встав, отодвинул в сторону свободный стул.

Женщина кивком головы поблагодарила официантку, села, взяла в тонкие руки меню и стала читать.

— Здесь особых разносолов нет, как, впрочем, и анасов, — хмыкнул Глеб, украдкой наблюдая за женщиной. Ему показалось, что он её видел несколько дней назад на причале.

— Я не прихотливая в еде — ответила женщина с налётом грусти в глазах оливкового цвета.

— Извините, как можно к вам обращаться? — спросил Глеб, чтобы хоть как-то завязать вечерний разговор.

— Надин, — просто ответила женщина, сомкнула губы, отчего на щеках появились небольшие ямочки.

— Какое у вас интересное имя?! — удивился Глеб, пристально вглядываясь в облик незнакомки. Она всё больше ему нравилась. Лицо, высокие скулы, сочные мягкие губы, грудной голос женщины притягивали к себе. — И что же оно означает?

— Моя мама, учитель филологии, всю жизнь увлекалась персидской поэзией, вот так и назвала меня, а означает «блестящая».

— Вот как! Что ж, красивое и необычное имя, — согласился Глеб и сморщил лоб. — Хотя я плохо знаком с восточной литературой, только могу вспомнить Омара Хайяма.

Блондинистая официантка принесла заказы и стояла, держа в руке поднос, в нерешительности, уйти или нет.

— Вы что-нибудь ещё будете заказывать? — поинтересовалась она, достала из небольшого кармана на переднике карандаш и маленькую записную книжечку, готовилась писать.

— Мне, пожалуйста, позже кофе без сахара, — Глеб вопросительно посмотрел на Надин, она кивнула головой:

— Мне тоже кофе, только с сахаром.

Официантка ушла, оставив их вдвоём.

Глеб налил в рюмку темноватый чайного цвета коньяк:

— Вам тоже?

— Не откажусь, — согласилась Надин, рукой прошла по густым волосам, под светом люстры они блеснули светлой медью.

— Вот это дело, и без всяких жеманств, — при этом он шутливо многозначительно поднял вверх указательный палец и сделал большие глаза. — О-о!

Они выпили, в зале послышалась медленная музыка. Свет притушили.

— Можно вас пригласить на танец? — спросил Глеб.

— Да, конечно.

Надин встала, пригладила рукой платье, и они пошли в середину зала, где уже танцевали пары.

Женщина в чёрном платье завистливо проводила Глеба взглядом. Мужчина в капитанской форме повернулся к ней и что-то сказал, она резко встала, оттолкнула стул в сторону и пошла мягко, по-кошачьи, поигрывая бёдрами, к столику, за которым сидели четверо мужчин, они плавали на одном судне, громко разговаривали, доказывая друг другу какую-то истину.

В танце Глеб положил одну руку выше талии, касаясь её тела только пальцами, а в другой была ладонь Надин. Глеб почувствовал, как от неё пахнет вечерней свежестью и морем, Надин была так близко, что ему захотелось прижать её к себе и поцеловать мочку уха. Она, видимо, поняла его намерения, немного отстранилась, и уголки губ снисходительно дрогнули, миндалевидные глаза прикрылись веками.

В этот момент свет в зале погас, люди недовольно загудели. С фонариком из кухни выплыла полная женщина, возле её ног плясал желтоватый круг света.

— Извините, пожалуйста, за прерванный вечер! На электроподстанции случилась опять авария, где-то замкнули провода. Ветер усилился, и на море обещают шторм. Так что приходите завтра и не забудьте рассчитаться с официантками. Всем до свидания!

Фонарик погас, и женщина в темноте исчезла из зала.

— Вы в каком номере остановились? — спросил в темноте Глеб, притянув ближе к себе Надин, особо не надеясь на продолжение вечера.

— В пятнадцатом, — тихо ответила Надин.

— А я в двенадцатом, сейчас закажу бутылку шампанского и приглашу вас к себе в номер.

— Это уже слишком! Мне завтра рано уезжать на первом автобусе, — Надин освободилась от руки Глеба и пошла к столику забрать сумочку.

Пока Глеб искал в темноте официантку расплатиться за ужин, Надин уже ушла. Он купил бутылку «Советского шампанского», коробку шоколадных конфет и, не взяв сдачи, заторопился к себе в номер.

Зайдя в номер, сразу приоткрыл окно. В комнату ворвался упругий сырой воздух, он разметал шторы в стороны. Глеб прикрыл плотно створку окна на шпингалет и вышел в коридор. Пятнадцатый номер был рядом, он прошёл по скрипучему полу и, постояв немного возле двери, постучал согнутыми пальцами. Послышались лёгкие шаги, дверь распахнулась, и в тёмном проёме он увидел Надин. Её тонкий силуэт вырисовывался на фоне лунного света, который проникал в окно и стелился по полу.

— Можно вас пригласить к себе? Я принёс из ресторана шампанское. Посидим, поговорим.

Глеб стоял в нерешительности. Он подумал, что Надин сейчас просто закроет дверь и отгородится от него, исчезнет. Ему так не хотелось этого.

— Хорошо, я сейчас приду, — прозвучал мягко её голос. — У меня свечка в номере есть. Видимо, прежний постоялец оставил. Взять с собой?

— Конечно, возьмите! Вы луч света в тёмном царстве.

— Тоже мне скажете! — дверь закрылась, и вокруг темнота, только в дальнем конце коридора светилось оконце.

В номере Глеб снял пиджак, повесил его на спинку стула, открыл коробку шоколадных конфет, помыл под холодной водой стаканы и водрузил пузатую бутылку шампанского на стол. Стал ходить по комнате, унимая волнение. Он себе сам удивлялся, что стал робеть перед незнакомкой.

В дверь тихо и как-то неуверенно постучали. Глеб подошёл к двери, отворил, на пороге стояла Надин, держа в руке зажжённую свечу. Свет от неё выхватывал из темноты фрагментарно черты лица. Глаза показались ему более глубокими и выразительными.

— Проходите, пожалуйста! — Глеб отошёл в сторону, пропуская Надин в комнату.

На ней было надето другое приталенное платье синего цвета, и тонкую шею обвивали крупные чёрные бусы. Туфли на высоком каблуке делали её фигуру более изящной.

Она прошла в комнату, поставила свечу в небольшую тарелку, которая была на столе, и подошла ближе к окну. Вечер погрузил ближайшие дома в непроглядную темень, и в небе появилась первая неуверенная звезда. Мерцающая голубизна усиливалась и становилась больше. Слышался отдалённый шум моря, он нарастал почти в грохот, на гостиничной крыше стучал лист плохо приколоченного железа.

— А вы как здесь оказались, Надин? — Глеб подошёл ближе к своей гостье, чувствуя её запах.

— Приехала из Костромы на встречу выпускников школы. Я здесь раньше жила и после экзаменов уехала поступать в институт на филфак в Ленинград. А затем по направлению в Кострому учителем русского языка. Так что продолжаю семейную традицию.

— А вы с какой целью в нашем городке? — поинтересовалась Надин у Глеба.

— Приезжал на неделю. Наша фирма новую гостиницу строит на берегу моря.

— Конечно, пора давно что-то построить новое! А эта уже превратилась в халупу, в которой стыдно останавливаться. Извините за подобное сравнение.

Глеб налил в стаканы шампанского и протянул Надин.

— Выпьем за неожиданное приятное знакомство, — предложил он, смотря ей прямо в глаза.

— Давайте, тем более мы никогда больше не увидимся. Я завтра тоже уезжаю, только рано утром.

Отпив шампанского из стакана, она языком провела по верхней губе:

— Сладкое шампанское, и газы нос щиплют.

— Какое было у них в буфете, да и разбираться особо возможности не было. Темнота кругом.

Надин присела на стул, положив руки на стол. Накло-нила слегка голову набок, посмотрела на Глеба.

— Расскажите мне о себе.

— Особо рассказывать нечего. Работа, дом, изредка спортзал. Обыкновенная жизненная рутина изо дня в день.

— А жена у вас есть? — неожиданно спросила Надин, кончиками пальцев схватывая верх желтоватого пламени свечи.

— Можно сказать нет.

— А у меня мужа нет. Разошлись два года назад, как говорится, не сошлись характерами. Так что мы с вами почти родственные души.

Глеб снова налил в стаканы шампанского.

— Ну, тогда выпьем за клуб одиноких сердец, если вы не возражаете.

— Совсем даже нет. Знаете, Глеб, напиток мне сразу в голову ударил. Видимо, давно не пила.

Глеб подошёл к ней, погладил по мягким, словно лён, волосам. Надин молчала, и только дрожащий свет от свечи выхватывал часть лица и полуулыбку.

За окном ветер усилился так, что старые тополя, росшие недалеко от гостиницы, скрипели стволами. Надин стояла возле окна. Звёзд на небе не было, только тёмное утрюмое небо висело над ними. Свеча в комнате погасла, стало сразу неуютно.

Глеб подошёл ближе к Надин, обнял её за талию, привлёк ближе к себе и стал целовать шею, кожа была нежной. Она как-то испуганно вздрогнула, повернулась к нему лицом и руками отстранилась.

— Не нужно этого... — коротко и твёрдо, будто отрезала, сказала Надин и пошла бесшумно к двери.

— Я вас чем-то обидел? — невольно вырвалось из груди Глеба.

— Нет! Не обидели. Как-то сразу за вечер многовато разных событий навалилось на меня. Откровенно, я устала, и давно уже пора спать.

— Мы разве больше не увидимся? — огорчённо спросил Глеб, не предвидя такой скорый вечерний поворот.

— Скорее всего, нет. Да и зачем? Так, лёгкое и ни к чему не обязывающее знакомство... и завтра мы забудем о нём, как сон.

Надин, открыв дверь, растаяла в ночи, оставив запах морской свежести.

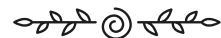
Утром Глеб подошёл к администратору. Седоватая женщина посмотрела на него сквозь очки с толстыми стёклами, произнесла синеватыми губами, такие обычно бывают у сердечников:

— Вам тут оставили конверт, — вяло сказала она и стала отрешённо смотреть поверх Глебиного плеча куда-то в пространство.

Глеб сунул его в карман пиджака, думая, что оно от Чихонина, вышел в блестящее утро. Шторм за ночь перебесился, море, отражавшее солнце, было спокойным. Он поймал такси и быстро доехал до железнодорожного

вокзала. Увидел на привокзальной площади молодого милиционера в начищенных сапогах, стоящего возле дверей. Запрокинув голову, он смотрел на небо, по которому низко летел самолёт, оставляя белёсый след. Пройдя мимо него, Глеб оказался в прохладном зале ожидания. Присел на скамью рядом с мужчиной в кепке на голове и в мешковатом костюме. Он повернул лицо с благородными бакками и горбатым носом к Глебу, окинул равнодушными серыми глазами и уронил подбородок на грудь, прикрыл глаза. Глеб достал из кармана пиджака конверт. В нём лежала короткая записка от Надин, в которой она благодарила его за вечер и написала свой домашний телефон.

МОЙ РЫЖИК

— Вставай, соня, хватит дрыхнуть, — меня настойчиво трясёт за плечо жена Тома. Я отмахиваюсь как от назойливой мухи, стараюсь оттолкнуть её руку.

— Ты вчера во сколько домой пришёл? — уже в ухо почти кричит жена.

И чтобы ей ответить, я поворачиваюсь неохотно на спину, протираю глаза и смотрю на нависшие надо мной большие мягкие и сладко пахнущие груди — сероватого цвета ареолы с гладкими небольшими сосками. Они выпали у неё из лёгкого халата. Мне показалось, что они снились мне ночью. Сглатываю набившиеся во рту слюни, облизываю сухие губы и протягиваю руки с почти счастливой улыбкой на лице к сладким самаркандским дыням.

— Ну вот ещё что придумал, трогать меня! Руки быстро убрал и встал на счёт три. Время для тебя пошло.

Когда моя жена разгневана, она превращается в злую фурию, и спорить с ней в это время бесполезно, она, как ураган, может снести не только меня, но всю нашу мебель в квартире. Деваться некуда, шансов повалиться в выходной не было, и я скидываю одеяло с себя и потягиваюсь всем телом, так, что хрустнуло в позвоночнике.

— Ты мне, сокол ясный, так и не ответил, во сколько ты явился домой? — всё настойчивее допытывается до меня Тома. Её голос звучит твёрдо. Она отошла от дивана, и стоит посередине комнаты, упёрлась руками в бока. Она вся ладная, линии тела мягко перетекают с плеч на талию и дальше на бедра. Каштановые волосы слегка вьются на голове и стелются мягко на плечи. Глаза сегодня гневные, извергают молнии, а так обычно озёрной синевы.

Яркий свет падает из окна прямо ей на голову, и они пере-
ливаются медным цветом.

— Да, я — нехороший человек, мой Рыжик! — честно
сознаюсь ей в этом. — Постараюсь исправиться.

Рыжилом я называю жену, когда она нервничает, и,
чтобы притушить огнедышащий вулкан в её душе, почти
с трепетом произношу.

— Ты же знаешь, как я тебя люблю, — говорю почти
фистулой и даже не узнаю свой голос.

Тома хмыкает, в глазах пробегают искорки, уголки кра-
сивых губ поднимаются вверх. Это значит, что я почти
прощён.

— А где Ванька? — спрашиваю, так как не слышу
утренней беготни нашего сына по комнатам, ему семь
лет, — шустрый не по годам паренёк.

— Бабушка приходила и забрала на весь день его к себе.
Она и шанег напекла. Давай вставай, будем завтракать.
Считай, что ты прощён, но это в последний раз. Понял?!

Молча киваю головой и делаю виноватое лицо.
Я не так часто выпиваю, моё позднее возвращение домой
жене явно не нравится, и она хмуро сводит брови-луки.

Вчера ближе к вечеру, когда солнце закатилось и ста-
ло смеркаться, я почти столкнулся со своим старым коре-
шом Виталькой Онучкиным возле дома культуры. Он шёл
навстречу мне, наклонив голову, размашисто шагая длин-
ными ногами, немного сутулясь из-за высокого роста —
это была его старая привычка. На нём надет модный лет-
ний пиджак и светлые брюки. Мягкие волосы на голове
немного растрёпаны и закрывают большой лоб. Увидев
меня, он остановился, откинул волосы со лба, стал всма-
триваться в лицо, потом подошёл ближе и протянул гра-
бастые руки, сильно притянул к себе, похлопал по спине,
так что у меня отдалось в груди. Виталька отодвинул меня
от себя, стал смотреть прямо в глаза.

— Артур, старина, как я рад тебя видеть! А ты всё та-
кой же, хотя мы с тобой не виделись, наверное, уже сто
лет.

На его лице блеснула неподдельная улыбка во весь рот.

— У тебя время есть? — быстро спросил он меня, слов-
но опасаясь, что я могу отказаться от его предложения.

Я согнул руку в локте, посмотрел на ручные часы, —
нужно было идти домой.

— Ладно, старик, на часы смотреть, пошли, посидим
часок-другой в кафешке, немного выпьем, повспоминаем
нашу беззаботную удалую молодость. Помнишь, как в пи-
онерском лагере жгли ночью костёр и чуть лес не спали-
ли, — он громко рассмеялся, откинул голову назад.

Мы с ним после восьмого класса поехали летом отды-
хать во вторую смену в лагерь «Топтыжка». Он находился
в сосновом лесу недалеко от города, рядом с ним протека-
ла светлая мелководная речка с песчаным пляжем, зарос-
шая по пологим берегам кустарником, вода летом хорошо
прогревалась, и купаться было просто одно удовольствие.
Отряд приходил сразу после завтрака. На берегу все раз-
девались, вожатая Ирина считала нас по головам, и мы бе-
жали по мелкой воде, пока не находили место, где поглуб-
же. Я набирал полную грудь воздуха, нырял и открывал
глаза в чистой воде, смотрел на песчаное дно, на мелких
серебристых рыбок, стайкой промелькнувших рядом. От-
талкивался от дна ногами, когда уже сдавливало грудь.

Виталька, рослый широкогрудый парень с пушком
над верхней губой, выглядел старше своих лет. И там,
в пионерлагере, на него положила глаз Ира, практикантка
из педучилища, невысокого роста, остроносая и постоян-
но улыбающаяся, словно ей кто-то нарисовал улыбку
на лице.

Она сразу выделила Виталика из нашего старшего
отряда и вечерами приглашала к себе в комнату попить

чай с сушками и помочь составить план работы. Так случилось, что Виталька, однажды не выдержав физиологического влечения, отдался практикантке, потерял свою девственность, и об этом не жалел. Он пришёл под утро, когда только стало светлеть небо и сквозь сосны просматривались тонкие облака. Лицо немного опухшее, верхняя губа вывернута, видимо, от жарких поцелуев. На шее пониже скулы краснел засос Иринкиных жарких губ, он выглядел как знак качества. Я не спал в тревоге всю ночь, поджидая возле окна своего друга, всё порываясь сбегать к Иринину домику. И как только он появился, мы сразу прошли в умывальную комнату, где он поведал тайну своей инициации. Я сидел на подоконнике, положив голову на колени, и внимал каждому Виталькиному слову. Когда он подошёл к кульминации рассказа, я стал ревновать Ирину всеми фибрами своей души. Виталька, увидев моё грустное настроение, по-дружески похлопал меня по плечу:

— Ладно, Артур. Рано или поздно все проходят через это... Да не делай трагедии, Ирина клёвая девушка.

— Ты женишься на ней? — спросил я потухшим голосом, и мне показалось, что мои глаза затягиваются слезливой пеленой.

— Конечно, как и полагается джентльмену, мне нужно её вести под венец, но, мой друг, я оставлю эту приятную процедуру и буду готов, когда подрасту. Впрочем, и она ещё не жаждет вступить в этот священный союз, — он хмыкнул, подошёл к крану, наклонился и стал губами ловить струйку прохладной воды. Потом вытер рот ладшкой, пригладил взлохмаченные волосы. — Ты иди, мне хочется побыть одному.

Когда наша смена заканчивалась, по традиции вечером готовились разжечь большой костёр на лесной поляне. Толстые ветки были уложены конусом вверх,

а внизу торчали куски бересты. Мы стояли поодаль, ожидая старшего вожатого Аскольда Павловича, он немного задерживался. Звёзды ярко сияли на тёмном небесном провале, было тихо, только слышалось, как в недалёком лесу невидимая птица испуганно вскрикивает. Наконец он появился из темноты. Стоял торжественно в белой рубашке с коротким рукавом и повязанным на шее красным галстуком. Его худощавое и волевое лицо с тяжёлым подбородком и вся фигура были похожи на римского императора. В глубоких зеленоватых глазах отражалось пламя факела. Директриса лагеря Ксения Филаретовна — женщина сухая, костистая с седой копной волос на голове и сероватым лицом, отрывисто скомандовала:

— Зажечь костёр!

Аскольд Павлович поднял голову к звёздам, громко отчеканил:

— Есть зажечь костёр!

Держа торжественно факел на вытянутой руке, подошёл ближе к костру и сунул его в сухие ветки. Мы радостно захлопали в ладошки. Костёр сначала робко разгорался, потом языки пламени стали подниматься вверх. Ветки пылали, снопы искр, подхваченные горячим воздухом, взмывали в небо, и оттуда сыпался на наши головы сероватый мягкий пепел. Сначала мы ходили вокруг костра, взявшись за руки, и пели песню:

Взвейтесь кострами синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: «Всегда будь готов!»

На баяне нам играл Лев Петрович с грустными цыганскими глазами и большой лысиной на крупной голове, инструмент держал на правой ноге, и он раскачивался почему-то вперёд-назад, норовя упасть со стула. Возможно,

он находился в облачности своих экзистенциальных воспоминаниях.

Потом нам эти детские забавы надоели, и, когда воспитатели куда-то ушли, мы с Виталькой и ещё с одним пареньком из нашего отряда взяли горевшие сухие ветки из пылающего костра, стали бегать по лесу, крича, словно мы североамериканские индейцы племени апачи. Нашего друга звали Стриж, сокращённо от фамилии Стрижов. У него был почти абсолютный музыкальный слух — после отбоя он играл на гитаре песни Высоцкого, мучительно хрипел, подражая его голосу. Лицо обсыпано щедро веснушками, они были даже на носу.

Виталька, наш признанный лидер, бежал впереди, обернулся, чтобы окликнуть, но споткнулся ногой о корень ели, пробороздил носом землю, и ветка выпала из руки, сухая хвоя быстро загорелась, и огонь пополз по низу леса. Все сбежались, испуганно взмахивая руками. Мы с Виталькой первыми бросились тушить ногами огонь, другие вместе с вожатыми ветками прибавали его к земле, а баянист Лев Петрович торопливо нёс в руках два ведра с водой. Тушили до самого утра. Так мы, чумазые, с волдырями на ногах, пришли в спальный корпус и, даже не умывшись, крепко уснули.

У Стрижова жизнь не очень удалась. Он окончил музыкальное училище, оттянул армейскую лямку в ансамбле песни и пляски где-то в Сибири, после дембеля преподавал музыку детям. Когда в стране началась ломка социалистического строя, он не получал месяцами заработную плату, стал выпивать дешёвую водку в грязном подвальчике возле своего дома. Там собирались в основном люмпены и бомжи. А когда в Москве из танка стали стрелять снарядами по Белому дому, душа у него совсем надломилась, и он подумал, что пришёл конец света. Вся его тонкая музыкальная сущность противилась про-

исходящему развалу в стране, и он, протестуя, стал по ночам поджигать мусорные баки во дворах своего микрорайона. Несколько дней у него получалось пустить огонь и со стороны наблюдать на всю суету пожарных, но потом всё же его изловили и отправили в психдиспансер на лечение.

Я поступил в шарагу сразу после десятого. В институт не пошёл, хотя мать договорилась со старой приятельницей о моём приёме, та работала преподавателем. Но я ни в какую:

— Не пойду поступать по блату, пойду лучше в шарагу получать рабочую специальность.

Мать сразу в слёзы, давай причитать:

— Для чего тебя растила, чтобы ты землю на стройке кидал.

Я хладнокровно выслушал и привёл почти железный довод, что и землю кидать тоже нужен ум и сноровка, и без этого не обойтись.

— Делай, как хочешь! Видимо, ты уже стал совсем взрослым, — раздосадованно с горечью в голосе высказала мне она и ушла в свою комнату, отгородившись от меня молчанием на два дня. Утром готовила завтрак и уходила на работу, не проронив ни слова. Меня это действительно мучило и я, не поев гречневой каши, брал учебники и уходил в шарагу постигать законы хаотичного движения электронов.

— Пойдем, только на часок, а иначе мне дома... — я показал рукой на горло.

— Понял... Понял, — усмехнулся он, смахнул рукой нависшие волосы на слегка выпученные карие глаза.

Мы развернулись и пошагали почти в ногу в сторону кафе, через полчаса быстрого хода были уже там. Засиделись и выпили чуток лишнего. А так всё хорошо начиналось и не предвещало ничего экстраординарного.

В кафе мы заняли столик возле окна и, пока ждали заказ, от нечего делать равнодушно созерцали деревья парка, примыкавшего почти к питейному заведению. Раньше кафе называлось «Островок», там обычно назначали встречи влюблённые, и спиртного там не продавали. Но началась перестройка, стали открываться первые кооперативы, и «Островок» со временем превратился в забегаловку, где можно было выпить водки или разливного красного вина с нехитрой закуской в виде винегрета или салата из квашеной капусты. По вечерам там крутили по видеомангитофону зарубежные фильмы, и народу было полно. Всем запомнилась «Греческая смоковница». Для нас это было открытие, фильм не порно, но близко к этой теме.

Держал эту забегаловку наш знакомый Пашка Кокин, его ещё в школе прозвали паханом за твёрдый характер, крепкие большие кулаки и дедуктивный ум. Он иногда в туалете разбирался со своими недругами. Когда началась перестройка, и разрешили открывать частный бизнес, Пашка, быстро сообразив, собрал деньги с родственников, взял в банке безвозвратный кредит, купил по дешёвке кафе, и дела пошли, он раскрутился, налогов в то время никто не платил, и всю прибыль оставлял себе. Пригнал из Германии подержанный серебристого цвета «Мерседес», стал носить красный пиджак на вырост, на пальцах засверкали золотые печатки, дружбу завёл с блатными, платил им десятину с выручки, и его никто не трогал.

Тогда народу стали выдавать по одному ваучеру: так национальное богатство поделили на всех, и один лукавый рыжеватый кремлёвский чиновник с нерусской фамилией по телевизору обещал, что на него можно купить две машины «Волга». Красная цена тому ваучеру была десять тысяч рублей. Его можно было продать за пару бутылок дефицитной водки. Пашка Кокин стал скупать их. Потом

вложился в сомнительный бизнес шахер-махер и прогорел. Только кафе «Островок» приносило небольшой доход.

Каждое воскресенье на небольшой сцене в самом углу появлялась белокурая стройная девушка в чёрной маске и в нижнем белье. Её гибкое гимнастическое тело вращалось возле металлического шеста, она поднимала высоко стройные ноги и руками держалась за него, потом мягко съезжала на пол в шпагате. Были и другие пируэты. Изрядно подвыпившие мужчины подходили ближе к сцене и, наклонившись вперёд телом, тянулись к ней рукой с зажатой купюрой, засовывали под резинку узких трусиков. В последний момент свет в зале притухал, и на девушке пистолетным выстрелом слетал лифчик на пол, она стыдливо прикрывала небольшие груди и исчезала в дверях. В зале раздавались аплодисменты, и кричали на бис. Пахан как-то пооткровенничал и назвал мне имя девушки-стриптизёрши. Для меня это было громом в ясную погоду. Когда это услышал, лицо окаменело, и мне показалось — я перестал дышать. Прозвучало имя Ленки Моргуновой, первой школьной красавицы. Ей прочили блестящую карьеру артистки, она обладала дивной природной красотой. Небольшая голова, обсыпанная светлыми волосами, чёрные пронзительные глаза в обрамлении длинных ресниц. Она с первого класса ходила на занятия в гимнастическую секцию и в десятом уже была мастером спорта. В девятом классе весной со мной случился любовный приступ к Ленке, и я сторал от невиданного доселе чувства. Ходил как чумной в школу, знания не хотели укладываться в моей голове, стал приносить в дневнике двойки. Мать по своим каналам узнала о моих сердечных страданиях, и дома состоялся разговор при включённом свете, чтобы уберечь меня от любовной печали.

— Артур! — начала она серьёзным тоном. — Хочу с тобой поговорить, потому что это касается не только

тебя, но и меня. Сядь, пожалуйста, в кресло. Ты уже взрослый человек и должен воспринимать объективность такую, какая она есть без всяких иллюзий.

Послушно сажусь, подгибаю ноги. На коленях вытертые до белизны джинсы фирмы «Левис», костюм привёз из Неаполя дядя Игорь, материн брат, он плавал механиком на торговом судне и побывал во многих портах мира. Наверное, вся школа сбежалась на большой перемену оценить мой джинсовый костюм, это была настоящая американская фирма. Я ходил по школе именинником, и моя физиономия блестела, словно её натёрли жиром. И когда он приходил к нам, приносил целый пакет апельсинов, вытаскивал из бокового кармана модного пиджака небольшую плоскую бутылку, раскупоривал и наливал себе в стакан кубинского рома. Я делал ему бутерброды со шпротами и сидел рядом с открытым ртом и слушал его рассказы. Приходила мать с работы, и дядя Игорь прятал остатки рома обратно в карман, пожимал недоумённо крутыми плечами.

— Ты мне парня не спои, — полушутливо говорила она, убирая остатки его пиршества со стола.

— Да он у тебя почти взрослый, — дядя Игорь с виноватой улыбкой глядит на меня.

Я сижу в кресле и смотрю на мать, на её усталые коричневые глаза, тонкие брови и под глазами появившиеся морщины. Она любит меня, хотя редко показывает это, а мне не хватало её заботы и внимания. Она поджала губы, немного подалась вперёд и ровным без вибрации голосом стала говорить:

— Тебе осталось учиться в школе один год, а дальше уже начнётся самостоятельная жизнь без подсказок взрослых.

Я пока не понимал, о чём она разговор затевает, но на всякий случай покорно согласился. В голове ничего

стоящего не было, и я пока не мог развить свою защиту. В школе всё шло нормально, я был сильным и твёрдым троечником, с поведением тоже всё гладко.

Мать сидела, скрестив ноги, они у неё красивые, тонкие щиколотки, в меру развитые голени. После развода с моим отцом, а это произошло пять лет назад, она ни с кем любовных отношений не заводила. По крайней мере, так мне казалось. Правда, однажды она пришла после работы с незнакомым высоким и плотным мужчиной с серой лохматой шевелюрой и острым крючковатым носом. От него пахло резко мужским парфюмом. В руке он держал кожаный коричневый портфель, его поставил возле самой двери. Туфли, обданные серовой пылью, аккуратно примостил рядом. В его облике проглядывалось что-то хищное, профиль ястреба-тетеревятника.

— Да вы проходите, Сидор Викентьевич, в кухню, — вежливо пригласила его мать, а сама зашла в ванну помыть руки.

Этот Сидор Викентьевич зашёл в нашу небольшую кухню в шесть квадратов и, словно шкаф, загородил окно. Он, видимо, чувствовал себя как слон в посудной лавке.

Мать суетливо зашла в кухню, взяла чайник и собралась налить воды из-под крана.

— Присаживайтесь, Сидор Викентьевич, сейчас будем чай пить, да и варенье совсем недавно сварила вишнёвое. Вы его любите? — поинтересовалась мать, открывая старенький холодильник, он нервно и шумно тархтел компрессором. Мужчина вяло пожал покатыми плечами, склонив голову на бок:

— Даже и не знаю. Доставайте, попробую вашего варенья, хотя я не любитель сладкого. Может, немного выпьем, у меня в портфеле бутылка коньяка есть, хороший армянский — пять звёздочек, — он посмотрел на мать исподлобья.

Мать натянуто улыбнулась, покачала головой, потом вышла в дверной проём, спросила меня:

— А ты будешь с нами чаёвничать?

— Нет, — сердито буркнул я, тихо стал ревновать свою мать к этому мужчине, он мне сразу не понравился, у него были сырые большие губы.

Когда он стоял уже одетый в полутёмной прихожей, они вполголоса с матерью разговаривали. Я подошёл на цыпочках ближе и стал прислушиваться, прикрыв глаза, так, говорят, слух усиливается.

Мать почти шёпотом говорила:

— Ну, не нужно этого, Сидор Викентьевич! Сын может зайти, и получится неудобно, — слышалось шарканье ног. — Отпустите же...

Я решил помочь матери и судорожно стал кашлять, вскоре дверь хлопнула, выпуская мужчину. Больше я его не видел. Видимо, он приходил свататься к матери.

— Я просто хочу тебя предостеречь от всяких глупых ошибок, они порой происходят в молодости.

— Какие это ошибки? — не понял я и почему-то облился краснотой, лицо и уши горели. Мне стало жарко, и я непроизвольно провёл рукой по щекам.

— Может, тебе воды принести? — поинтересовалась мать. Она сидела с прямой спиной и непроницаемым лицом. — Хочу спросить о твоих отношениях с Леной Моргуновой.

— Да никаких нет! Проводил её пару раз после школы до дома и на этом всё, — выпалил я, всё ещё не понимая, к чему мать клонит разговор.

— Понимаешь, сын, в жизни можно сделать неудачный выбор, и потом всё покатится не в ту сторону. Я говорю сейчас о Лене, она не подходит для выстраивания любовных отношений. Да, любовных, — утвердилась в своей правоте мать и посмотрела на меня острыми глазами,

в которых стояла немая грусть. — Я не ошибаюсь и могу привести примеры, когда первая влюблённость заводит молодых людей в глухие тупики. Она красивая девушка, но красота порой бывает обманчива. Мне говорили, что она водит дружбу уже со взрослыми мужчинами. Её поздно вечером подвозит какой-то дядечка.

— Это всё глупости, мама, — почти со стоном выпалил, — нам всего по шестнадцать лет. И какие у Лены могут быть мужчины? Я ничего не понимаю, — твердо сказал и отвернулся к окну, насупив брови.

Наступала летняя ночь. В распахнутое окно были видны слабые звёздочки на небе, и луна желтоватого цвета одним боком заглядывала к нам в комнату.

— Уже поздно и пора спать, тебе завтра на работу, — сказал, чтобы как-то прервать затянувшийся разговор по душам, встал с кресла и, опустив голову, пошёл в свою комнату. В моей душе всё горело и полыхало, и я был готов прямо сейчас ринуться к Ленке и объясниться с ней... Услышал в спину глухой голос матери:

— Ты хорошо подумай, сын.

Я остановился как бы в размышлении:

— Ладно. Обязательно подумаю, времени предостаточно. Утро вечера мудренее, — сказав, вышел из комнаты.

Всю ночь мне снился чернявый грузин с пушистыми усами на красных «жигулях». Он подвозит Лену до подъезда и на прощанье целует её в губы. Утро встретил на мягкой подушке и с головной болью.

Походил по квартире, делать было нечего, часы показывали одиннадцать. Несколько раз подходил к телефону набрать Ленкин номер, но, взяв трубку, бросал её обратно, словно она обжигала мне кисть. Всё же решился и, посчитав в уме до ста, решительно стал крутить пальцем диск телефона. Долго никто не брал трубку, и только хотел

отключиться, как на другом конце что-то щёлкнуло, и я услышал сонный голос Лены.

— Слушаю. Кто это говорит?

Я упорно молчал, словно у меня язык отнялся. Ноги почему-то стали мягкие, нагнулся и рукой притянул невысокий пухик, опустился на него.

— Привет, Ленчик! — поперхнувшись, поздоровался с ней. В горле было сухо, и хотелось выпить хотя бы глоток воды.

— А, это ты, Артур, — как-то с ленцой проговорила Лена, и мне послышались нотки её недовольства.

— Какие у тебя планы на сегодняшний вечер? — спросил, особо не надеясь на встречу. Мне хотелось увидеть её, поговорить о наших школьных делах да, о разных пустяках, которые не имеют особого значения. Только побыть с ней, настолько она тянула к себе невидимыми нитями.

— Да сегодня вечером мы с мамой идём в гости к её знакомой Глафире Леопольдовне. Это старая мамаина подруга, она недавно приехала из Парижа.

— А как она оказалась в Париже? — в наше время выехать за рубеж было большой удачей. Обычно высылали политических диссидентов.

— Глафира Леопольдовна поехала вместе с мужем во Францию. Он в посольстве кем-то работал, и сейчас они вернулись в союз. Так что не получится, Артурчик, не обижайся. Встретимся как-нибудь в следующий раз.

В моём понимании обещание «как-нибудь» означало только «как никогда». Я проглотил слюну, языком пошарил во рту. В душе стояла после разговора горечь, я зашёл в ванну, включил во весь напор холодную воду, сунул под неё разгорячённую голову. Так стоял, упёршись руками в край чугунной ванны, пока не стал от холода болеть затылок.

Дождавшись вечера, когда густые сумерки перешли в аспидную ночь, я стоял напротив Ленкиных окон на втором этаже. Они были без света. Меня немного знобило. Засунув руки себе под мышки, сел на детской площадке, как раз сквозь зелёные кусты хорошо просматривался подъезд. Свет падал квадратом на асфальт из квартиры на первом этаже. Окно не было зашторено, и по комнате ходил лысый мужчина в майке. Он что-то говорил и взмахивал руками, словно дирижируя оркестром. Было тихо, только шелестели кусты. В проулке мелькнули огни машины, я встал с места и зашёл в кусты, чтобы меня не было видно. Сердце бухало в груди, готовое вырваться наружу. Автомобиль, мигнув несколько раз красными стоп-сигналами, остановился недалеко от светлого пятна, где была сплошная темень.

Раздвинув колючие кусты руками, я пристально стал всматриваться в окна машины. Ничего не было видно, и я, решившись на отчаянный шаг, пошёл к «жигулям». В салоне сидела Лена с мужчиной, они целовались, он обхватил голову Лены и прижимал к себе. Во мне вспыхнула внезапно доселе неизвестная ярость, и я с размаху пнул два раза по заднему колесу, в тот момент мне хотелось разнести машину на куски. Передняя дверь распахнулась, и показалась мужская голова с усами, они пошевелились, и грузин грубо выразился:

— Тэбэ чаво надо? По морде захотел получить что ли? Отойды от машина, а то сейчас выйду, надаю по кумполу.

В шараге я один год тренировался контактным каратэ. Тренировал Вадим Шутиков — взрослый парень, он каким-то чудом познакомился в Хабаровске с корейцем, который с детства занимался им. Тренировки проходили в спортзале ГПТУ, обычно дежурные приходили раньше, брали тряпки и мыли пол к нашему приходу. Занятия были тяжёлые, по три часа. Я возвращался домой

еле живой, наскоро перекусив и приняв душ, быстро шёл спать. Если бы возникла драка с напористым мужчиной, я, наверное, смог бы постоять за себя. В зале мы на каждой тренировке проводили поединки меж собой, а на улице не приходилось драться и применять приёмы. Тренер говорил, что нужно избегать любые уличные драки, но если возникнет угроза жизни, то нужно было дать отпор.

Я набрал полные лёгкие воздуха, почти крикнул:

— Ну, дай, если сможешь, хрен усаый, — руки у меня подрагивали, как и ноги, в голове стучали боевые тамтамы. Я был готов, как мазандаранский тигр, броситься вперёд, вцепиться этому мужлану в горло. Неизвестно, чем бы это всё закончилось, если бы Лена не вышла из «жигулей». На ней короткая юбка и обтягивающая майка. Она недовольно скосила лицо:

— Вы разбирайтесь сами меж собой, а мне пора домой, — покачала головой, укоризненно посмотрев на меня, скользнула тенью тихо в подъезд, только дверь хлопнула.

После этого ночного случая наше знакомство прекратилось, и я с болью выкинул её из сердца. Так вылечился от первой неожиданной любви.

Мужчина с усами недовольно посверлил меня глазами, видимо, ему вступать в единоборство со мной не входило в его планы, смачно сплюнул себе под ноги, повернулся на каблуках, быстро забросил своё тело в «жигули». Он стал сдавать назад резко, чтобы развернуться и выехать из проулка, я еле успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под задние колёса. Но всё же успел пнуть на прощание ногой по багажнику.

Ленкины родители получили новую квартиру в другом районе, она перевелась из школы, и мы с ней не делились, наверное, лет десять, до того как я её увидел в стриптиз-баре танцующей полугой в чёрной маске.

Потом я закончил шарагу, получил профессию электрика третьего разряда, и осенью вручили повестку в армию. Сходил в парикмахерскую «Люкс» на соседнюю улицу, там работала моя знакома девушка Юлия. Худенькая, с большими, немного испуганными глазами, костяшки ключиц торчат из-под халата. На скуластом лице остался налёт детской наивности. Увидев меня в зале, она улыбнулась глазами, приветливо помахала рукой. Пахло мужским одеколоном. Возле стены стояло несколько стульев, и был виден зал. Привалившись спиной к стене, я дождался, когда она пострижёт своего клиента — лохматого парня с ноздреватым носом, у него на груди распахнута синеватая рубашка, в разрезе виден серебряный крестик на цепочке.

— Проходи, Артур. Сейчас я освобожусь и подойду к тебе. — Юлия, наклонив голову, пересчитывала деньги клиента, потом взяла электрическую машинку и стала за спиной, я смотрел на себя в большое зеркало, висящее передо мной. — Как подстричь тебя? — робко, еле слышно спросила Юлия, растягивая синеватые губы наподобие улыбки.

Повернув голову набок, потом на другой, кисло сказал:

— Подстриги меня наголо, через неделю ухожу в армию служить.

— А можно я к тебе приду на провода? — совсем неожиданно спросила она, и от волнения, охватившего её, на щеках появились белые пятна, заморгала пушистыми ресницами.

— Конечно, приходи, места всем хватит за столом, — согласился я, — можно начинать стричь под Котовского.

У неё было трудное детство. Училась она неплохо и ходила с портфелем с ободранной ручкой в туфельках со сбитыми каблуками. Отец примерно сорока лет, зачёсанными назад волосами, с широкой грудью и сильными

волосистыми руками, работал кладбищенским землекопом, сильно выпивал, возвращался домой поздно, и летом в открытое настежь окно доносился его грозный рёв. После этого из подъезда выбегала женщина, высокая и плоская, с растрёпанными волосами, она прижимала к себе Юлию, а за ними выскакивал щуплый и наголо постриженный брат Васька. Первый раз он сел по малолетке за воровство из магазина: украл из кассы деньги, пока сонная продавщица ходила за товаром. Потом его уголовная жизнь закружилась. Одна ходка, потом вторая. Освободившись, он начинал куролесить и пил по-чёрному, как его отец, видимо, гены сказались. К тому времени предок умер, захлебнувшись в своей блевотине, оставив семью без гроша денег.

Юлия достаточно шустро работала электрической машинкой, и вскоре я разглядывал себя в зеркало и удивлялся переменами со мной. Закончив стричь, Юлия повесила машинку на крючок возле зеркала, провела салфеткой по голове:

— Может, тебе её помыть?

— Нет, спасибо. Дома помою с мылом.

На меня смотрел парень с упрямым подбородком, прямым хрящеватым носом, голубоватыми глазами и пшеничными бровями. Уши с небольшими светлыми мочками торчали, словно они были лишними на моей голове.

На проводы в армию я пригласил двух бывших одноклассниц Ольгу и Ингу, которых случайно встретил, когда возвращался из парикмахерской. Они сначала не узнали меня, потом заулыбались и сказали, что обязательно придут. Дома у меня они сидели рядом на стульях, прислонившись плечами друг к другу, молчали и только поводили глазами в разные стороны. Короткие причёски залачены, и волосы топорщились в разные стороны. Мать, увидев их, только покачала головой.

Гришка Москвин, с ним я учился вместе в шараге и тренировался каратэ. Хороший парень, ему в армию идти весной будущего года. На приписной комиссии его определили в ВДВ. Повезло ему. Невысокого роста крепыш с льяными волосами и выразительными карими глазами, по такому важному событию одел сероватый костюм и белоснежную рубашку. Тонкий чёрный галстук затянут на крепкой шее. Ему под столом мешали мускулистые руки, и он их положил на столешницу. Девушки, увидев его мозолистые кулаки, набитые на костяшках, молча переглянулись, почему-то вздохнули. Гришка изредка подглядывал за девушками, ухмыльнулся, помял губами, поинтересовался:

— Вы родные сёстры?

Девушки ответили почти враз:

— Нет, мы не сёстры, — и захихикали, прижав ладошки ко рту.

— А похожи, как две капли воды.

— Да, нам многие так говорят, — они снова хихикнули, блестя глазами.

Пригласил соседа дядю Пашу. Он когда-то воевал во Вьетнаме, оказывал военную помощь нашим социалистическим друзьям. Жил один, жену похоронил несколько лет назад. Дядя Паша проходил срочную службу в приморской бригаде ГРУ. И вскоре, как началась война, несколько солдат с офицерами переодели в гражданку, отправили грузовым судном к далёким азиатским берегам. Больше всего ему не понравился тамошний климат и змеи, ползающие, как ему показалось, везде. Днём обливался липким потом, а ночью задыхался от невозможной духоты. Жили в бунгало из бамбука. Вместе с вьетконговцами он ходил глубоко в тылы противника, взрывали склады с оружием.

Он рассказывал, что, когда они возвращались с задания, остановились отдохнуть на небольшом болотном острове. Ближе к вечеру начали над ними летать два американских «Фантома». Здесь находился лазарет для раненых, а под большим раскидистым деревом бамбуковый стол, возле которого стояли две медсестры и худощавый хирург делал срочную операцию, низко склонившись над больным, не обращая внимания на самолеты. «Фантомы» сделали круг и снова вернулись со стороны красного диска солнца.

Зачастила замаскированная зенитка, ведя огонь по самолётам. Они сбросили несколько кассетных бомб и улетели.

Дядя Паша имел советскую и вьетнамскую медали, они лежали у него в деревянной резной шкатулке, он почти ни разу не надевал их.

Принёс с собой бутылку водки и поставил её на стол, хотя недостатка в выпивке не было. Юлия сидела между сервантом и столом, она была грустная и бледноватая, задумчиво свела тонкие бровки на переносице. Как мне показалось, она переживала, словно меня не в армию провожают, а в далёкий неизведанный холодный космос с билетом в один конец. Мать сделала по такому случаю причёску и подкрасила корни волос, там пробивалась седина. Металась из кухни в комнату и обратно, потом села за стол, вздохнула глубоко, и на глазах навернулись слёзы.

Когда все расселись по местам за столом, встал дядя Паша, он держал в крепких пальцах рюмку водки, рука слегка подрагивала, выдавая его волнение. Посмотрел на меня, немного закинул крупную голову назад:

— Артур, все мы собрались проводить тебя в армию. Служба испокон веков считалась почётной. Защищать родину и даже выполнять военные задачи за границей — это сугубо мужское дело. Служи честно и выполняй все

приказы командиров, — он замолчал, видимо, собираясь с мыслями, потом досадливо крикнул и поднёс рюмку к губам, будто хотел почувствовать её вкус, выпил, втянул сероватые щёки.

Я посмотрел на маму, она вытирала с уголков глаз слёзы, натянуто улыбнулась, в глазах стояла грусть расставания.

Потом по очереди говорили: Гришка, он почему-то сжал перед собой мощные кулаки и сказал, что я был хорошим спортсменом и надежным другом, и два года пролетят быстро. Одноклассницы, хлопая от волнения ресницами, признались, что будут писать мне письма и в школе я был клёвым парнем. Для меня это стало неожиданно. Видимо, они сказали так больше для порядка.

Юлия сидела тихо, подняв плечики, она за столом промолчала, но подошла ко мне в комнате, поднялась на носочки и почти прошептала на ухо:

— Я хочу с тобой о важном поговорить, — она взяла мою руку, — ... только наедине.

— Лады, — соглашаюсь с ней, и выходим на лестничную площадку. Там полутемно и тихо. На коврике возле соседской двери сидит пёстрая кошка, она увидела меня, приветливо муркнула и пошла ко мне, но, увидев со мной девушку, вернулась обратно и смотрела на нас. Слышно было, как от ветра хлопает входная подъездная дверь.

Сделав шаг вперёд, она подошла вплотную, даже я почувствовал, как её маленькая и твёрдая грудь упёрлась мне в живот. Она жарко дышала полуоткрытым ртом:

— Артур, можно я тебя буду ждать? Буду письма писать каждый день, если ты хочешь.

Она страдала, и это было видно по её лицу, глаза с верностью смотрели на меня.

Мне стало как-то неловко от такой откровенности, я прокашлялся в кулак:

— Пиши, конечно, лично я не против. Адрес можешь узнать у матери через месяц.

Юлия улыбнулась, подняла вверх руки, обхватив мою лысую голову, жадно впилась в губы. Целоваться она не умела, и я был, наверное, первым в её практике. Обмусолив их, она укусила мою верхнюю губу. В это момент дверь нашей квартиры распахнулась, на пороге стояла мать, она окинула нас быстрым взглядом, лицо слегка дрогнуло, повернулась и, шелестя платьем, зашла обратно.

На сборном пункте толпились призывники, все ждали покупателей из воинских частей. Небо немного прояснилось, хотя дул порывистый северный ветер, жёлтая листва кружилась над стриженными головами, наводя тоску. На плацу, втянув головы в плечи, стояли и мёрзли новобранцы, с тревогой ожидая, когда назовут их фамилии.

Артур поднял жёсткий воротник осенней куртки, надвинул почти на самый лоб клетчатую фуражку, смотрел, как важно ходит ворона недалеко от высокого с впалыми щеками капитана. Он, заложив руки за спину, неторопливо прохаживался вдоль неровного строя, вглядываясь небольшими острыми глазами в лица призывников, выискивая нетрезвых парней. Из-за красного пожарного щита, на котором висели: конусное ведро, лопата и топор, почти выбежал взъерошенный прапорщик, его одутловатое лицо было напряжено, черноватые усы уныло свешивались к уголкам губ. Фуражка на лысоватой голове сбилась в сторону почти на самое ухо. Он остановился возле капитана, козырнул как-то вяло, приложив руку к голове, стал ему говорить, жестикулируя левой рукой.

Я, услышав свою фамилию, раздвинул руками двух парней в первой шеренге, шагнул из строя, поставил рядом с ногами серо-зелёный рюкзак, когда-то с ним ходил в походы по местным окрестностям вместе с классом. Рядом возник прапорщик, от него пахло свежим

перегаром. Он упёрся тяжёлым взглядом в меня, словно гипнотизируя.

— Литвинов?

— Точно, я, — ответил холодными губами, думая поскорее исчезнуть с плаца куда-нибудь в тепло.

— Пошли со мной, я сейчас заберу твои документы и сразу на вокзал.

— А куда мы поедем? — не устоял от соблазна узнать, в какую сторону двинемся. Повернул голову от колючего ветра и спрятал лицо в воротник курточки.

— Будешь служить в славных железнодорожных войсках. Часть располагается недалеко от Волги в городе Эн. Тебе разве не сказали, в каких войсках будешь служить?

— Мне всё равно, где воинский долг отдавать, — равнодушно ответил я.

Прапорщик всё больше не нравился мне. Какой-то скользкий тип, я бы с ним в разведку точно не пошёл.

Поправив фуражку и сдвинув ее почти на самые брови, он кисло усмехнулся:

— Давай, шевелись в сторону вон того здания, — рукой с пухлыми пальцами показал, в каком направлении я должен двигаться.

Стою и поджидаю прапорщика возле кирпичного здания, он исчез за дверью за документами. Я поднял голову и стал рассматривать низко плывущие, почти чёрные, облака. Сквозь них появляются кусочки синеватого неба. Кто-то ткнулся в левый ботинок: небольшая дворняга смотрит на меня, как на своего спасителя. Вытянутая мордочка с повисшими ушами и небольшими заплывшими глазками. Нагнулся к своему рюкзаку, пошарил, нашёл круг копчёной краковской колбасы, не жалея, отломил кусок и положил на сырой асфальт. Собака благодарно повизгивала, на прощание помахала отвислым грязным хвостом, жадно схватила колбасу и побежала в сторону

бетонного забора, где рос кустарник. От осеннего холода и ветра у него листья облетели и торчали голые ветки ржавого цвета. Как раз в это время из двери, обитой жёстью, вышел мой сопровождающий. В руке держал изрядно потёртый коричневый портфель с большой никелированной застёжкой, в котором были мои документы.

— Держи, — великодушно сказал он, прокашлялся, проводя рукой по горлу, и протянул мне его.

Я перехватил из его скользкой и потной руки портфель. В нём что-то подозрительнобрякнуло.

Прапорщик сердито нахмурился, недовольно покачал головой:

— Неси осторожно, в нём стратегический груз.

Мы на железнодорожном вокзале сели в плацкартный вагон и покатали на юг. Поезд набирал скорость, стуча колёсами, слегка вагон покачивало. Как оказалось, у прапорщика была фамилия Мухин, можно сказать он выдал мне военную тайну. Вокзал и перрон остался позади, Мухин открыл портфель и извлёк початую бутылку водки, заткнутую плотным слоём газеты, банку свиной тушёнки и буханку серого хлеба, он был плотный, как кирпич. Покрутив бутылку в руках и открыв рот с большими передними зубами, стал жадно глотать. Выпирающий кадык на горле ходил вверх-вниз. Напротив него сидели две седенькие старушки с морщинистыми от времени лицами, удивлённо созерцая это действие с тихим ужасом. Их лица, похожие на иконные лики, посуровели, в глазах поселилась тревога. Они переглянулись меж собой и осенили себя сухонькими перстами. Вздохнули и стали смотреть безразлично в окно, за которым тянулись пожелтевшие поля и голые пролески. Они были верующими и ехали в Храм помолиться и никак не ожидали встретиться с прапорщиком-попутчиком, он словно чёрт из табакерки появился.

Прапорщик Мухин с удовольствием крякнул, вытер пальцами уголки губ и обвёл старушек стеклянным взглядом. Они испуганно вздрогнули, будто увидели приведение, и снова перекрестились.

— Ты вот что, — он сделал мучительную паузу, вспоминая мою фамилию, поскрёб сальный подбородок, — как у тебя фамилия, я что-то подзабыл.

— При рождении был Литвинов, а сейчас я просто новобранец в доблестную железнодорожную часть, — ответил упрямо, глядя в его начинающие пьянеть глаза.

— Ты мне не дуркуй, а то жизнь покажется суровой. В армии не таких зубоскалов ломают, — он, видимо, для наглядности сунул мне кулак под нос. — Доставай, что у тебя в припасах есть, будем ужинать. — Мухин повернулся в сторону старушек: — Надеюсь, гражданские лица не против?

Старушки промолчали, только поджали свои губы.

По вагону шла молоденькая чернявая проводница. Она вихляла узким тазом и как-то странно выворачивала наружу колени. Подошла к нам, наклонив голову вперёд, моргнула синими веками, сухо спросила:

— Чай, кофе, что вам принести?

— А какао у вас будет? — сипло спросил прапорщик Мухин и не вовремя икнул.

Проводница не оценила его тонкий армейский юмор, подёрнула левым плечом:

— Товарищ военный, а какао нужно возить с собой.

Старушки дружно закивали головами, словно соглашаясь с ней. И снова упёрлись глазами в окно.

Через час она вернулась и принесла серое не просохшее постельное бельё. Один мой знакомый рассказывал, что проводники порой не сдавали в прачечную использованное бельё пассажирам, а слегка смачивали и клали обратно в мешки, используя повторно — небольшой бизнес.

Мы ехали уже около двух суток, и прапорщик Мухин не просыхал это время. Выпив всю водку и съев мои продовольственные запасы, он спал на нижней полке, не раздеваясь и прижимая к толстому животу портфель, в котором лежали мои документы. Изредка он постанывал и дёргал ногами. Возможно, ему снилась военная служба.

Старушки с ласковыми глазами сели поужинать. Они достали из сумок варёную курицу, пару яиц и пирог. Я отвернулся, чтобы не смотреть на стол. Одна старушка в сером платке встала, поправила плотную юбку, положила свою тонкую, почти невесомую руку мне на плечо:

— Поешь, касатик, с нами. Поди, голодный?

Второй раз мне не пришлось предлагать, спрыгнул со второй полки, надел ботинки и пошёл за чаем.

Поезд грохотал на стыках, в окно промелькнули далёкие огни. Состав мчался вперёд сквозь ночь, раздвигая аспидную темень.

Проводница сидела у себя в купе и читала газету «СПИД-Инфо». Увидев меня, подняла голову с глазами-щёлками, острый подборок вопросительно поднялся вверх.

— Можно три стакана чая? — вежливо попросил её.

— Сейчас принесу. Идите на место, — сухим голосом ответила она и стала продолжать читать газету.

Я съел большой кусок варёной курицы, потом меня старушки угостили пирогом с грибами. Под утро они вышли, оставив дорожный провиант мне.

Прапорщик Мухин проснулся и стал смотреть красными глазами на верхнюю полку, видимо, вспоминая, где находится в настоящее время. Потом потряс головой в разные стороны, приводя себя в порядок. Молча сунул мне портфель на верхнюю полку и исчез в качающемся коридоре. Поезд прогрохотал колёсами по железному мосту, я, свесив голову, смотрел на мутную воду реки.

И вот мы в части. Быстро пролетел месяц, за это время наша учебная рота научилась быстро бегать, есть строго по команде и отбиваться тоже. Присягу принимали на батальонном плацу. Седоватый и рослый комбат майор Зелёнкин стоял, широко расставив ноги в начищенных до блеска сапогах. Рядом с ним стол, покрытый красной тканью, и мы принимаем воинскую присягу. Автомат Калашникова передавали друг другу, когда подходили к столу, на нём лежал текст присяги.

Первое утро в части отметилось неприятным событием для меня. После подъёма ко мне подошёл долговязый с угольными глазами азиат и, скаля маленькие редкие зубы, сказал, чтобы я заправил его кровать, а сам ушёл в курилку. Видимо, для молодых солдат это обыкновенно, но я решил нарушить традицию — не стал заправлять скомканную постель и пошёл умыться, прихватив зубную щётку, мыло из своей тумбочки. Вернувшись обратно, азиат, увидев своё скомканное одеяло на кровати, подбежал ко мне, сделал яростное лицо и, размахнувшись рукой, врезал кулаком в левую челюсть. Меня пошатнуло в сторону, но устоял на ногах. К голове прилилась кровь, я уже плохо соображал, что бить «дедов» в армии нельзя, они там, словно священные коровы в Индии. Он стоял близко от меня, самодовольно лыбился, я пробил ему кулаком в солнечное сплетение и по шее ударил ребром кисти. Азиат посмотрел на меня удивлённо, рот у него широко открылся и стал судорожно по-рыбьи глотать воздух. Потом упал на колени, держась за живот. В казарме стояла почти мёртвая тишина.

Вечером после отбоя, когда в ротном помещении приглушили свет, в дальнем углу, где висели рабочие бушлаты, началось хождение. Там старослужащие держали военный совет, и было принято решение проучить молодого и неоперившегося солдата в назидании другим. Я не спал,

лежал на боку, подложив руку под голову, готовый к любому развитию событий. Тенью рядом возник солдат-посыльный от «дедов», он настойчиво потряс меня за плечо и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Пошёл в кальсонах и в нательной рубашке босиком по прохладному полу.

Как только я оказался в тёмном углу, куда не проникал дежурный свет, так сразу получил удар кулаком сбоку по скуле. В голове зазвенело. Били меня трое, в том числе азиат, я отбивался, как мог, но силы были неравные, и «деды» ушли перекурить, оставив меня лежать на полу с разбитым лицом, из носа капала кровь. Хотели ещё вернуться. С трудом поднялся и, прихрамывая, двинулся в умывальню обмыть лицо. Языком проверил во рту зубы, на мою тихую радость оказались целы, левый глаз ничего не видел, его затянула большая красная гематома. Правое ухо немного надорвано, и сочилась кровь по щеке. Дневальный по роте, костлявый солдат Петраков, увидев меня, с испугу вытянулся конопатым лицом, побледнел, и узкая челюсть отвисла, он что-то хотел произнести, но только раздавалось непонятное мычание. Мы с ним были одного призыва. Он прошлой ночью читал стихи, стоя на тумбочке в казарме, театрально разводя в разные стороны руки, выдерживая паузы, недаром в школе посещал кружок художественной самодеятельности.

*Дембель стал на день короче,
Дедушки! Спокойной ночи!
Пусть вам снится дом родной.
Девки бегают гурьбой...*

Утром на построении командир роты, старлей Механов, плотный телом татарин с кривыми ногами и скуластым лицом, проходя мимо, остановился возле меня. Правая чёрная мохнатая бровь поползла вверх,

он склонил голову, набылся и несколько секунд разглядывал меня.

— Через полчаса зайдёшь ко мне, — приказал твёрдым голосом и пошёл к дверям, покачиваясь телом.

Возле меня возник старослужащий Прохоров, рыжеватый с толстым подбородком и неуклюжий парень. Он постоянно что-то жевал во рту, словно страдал хроническим голодом. Проглотив содержимое большого рта, он взял меня за пуговицу хэбэ:

— Ты вот что! Ротному не вздумай вкаты, что тебя немного помяли для воспитания, — и предупредил, сжав губы, — только откроешь рот, тебе совсем несдобровать. Намотай себе на ус, салабону против «дедов» не нужно переть, а иначе, — он закатил глаза, наклонив голову к плечу, высунул большой язык. Вообще дал понять, чем может обернуться для меня откровенный разговор с комроты.

Старлею я признался, что упал случайно с койки и разбил лицо. Одним словом, полёт был неудачным. Язык во рту распух и плохо шевелился. Он пожал плечами, отбил крепкими согнутыми пальцами по столу, кивнул крутолобой головой:

— Иди, служи дальше, если так. И сходи в санчасть, скажи, что я направил.

После этого случая «деды» меня больше не трогали, а азиат, проходя мимо, косил желтоватыми глазами и цокал языком.

Первое время очень скучаешь по гражданской жизни, и письма из дома — душевная радость.

Мать мне писала часто, в её письмах я узнавал о наших немногочисленных родственниках, что происходит у неё на работе. От бумаги исходил домашний запах. Я особо с ней не откровенничал, зачем расстраивать по пустякам.

Юлия сначала часто писала, но потом от неё всё реже и реже стали приходить надушенные письма, она же работала в парикмахерской...

Потом под Новый 1989 год мне принёс письмо от Гришки вечно хмурый армянин Пашаян, наш батальонный почтальон, он писал как курица лапой, но суть я понял. Оказалось, Юлия связалась с цыганами — торговцами наркотой. Сначала сама продавала всякую дурь, стояла на точке возле городского рынка, а потом её посадили на героиную иглу, и она оказалась на самом дне. Прочитал письмо, и мне стало жаль её, так незащитная девушка потеряла свои ориентиры в бушующем жизненном мире.

У нас была строительная часть, и мы занимались возведением различных объектов. К концу лета коробка трёхэтажного дома для офицеров была готова, оставались отделочные работы. И предстояло завершить благоустройство. Я служил электриком третьего разряда и пришёл к дому подключить электрощиток на первом этаже. Возле дома работал гусеничный красный трактор ДТ-75 и двое солдат совковыми лопатами разравнивали землю. Один из них долговязый с длинными руками, увидев что-то в земле, испуганно отбросил в сторону лопату, замахав руками трактористу, громко закричал:

— Стой! Стой!

Тракторист ефрейтор Николай Ковалёв, белобрысый, крупный солдат, высунулся из кабины, остановил трактор, легко соскочил с гусеницы, сделал два шага вперёд и остановился возле отвала словно вкопанный. В песке лежала мина зелёного цвета, ребристая, с ручкой на боку корпуса. Возле него стояли два солдата, наклонив головы вниз. Они, увидев мину, побледнели и не знали, что делать. Тракторист присел на корточки, внимательно рассматривая корпус, он хорошо сохранился в сухом песке и выглядел почти как новый, без налётов бурой ржавчины.

Костистый солдат с небольшим светлым пушком над губой испуганно захлюпал носом:

— Слушай, Колька, ближе не нужно подходить, вдруг рванёт, так что мало всем не покажется. Сейчас до взводного сбегаю, он где-то рядом ходил, пусть решает. Я сейчас быстро обернусь, ты только ничего не делай. Понял?!

Он шустро развернулся на каблуках, размахивая руками по сторонам, будто помогая себе, и, забрасывая ноги назад, побежал сломя голову в сторону зеленоватого вагончика.

— Ты вот что, отпрыгни на несколько метров, а лучше совсем исчезни, я сейчас мину буду вытаскивать из земли, — Ковалёв повернул голову в сторону долговязого солдата.

— Может, я с тобой постою рядом, а вдруг что-нибудь случится, — как-то неуверенно предложил он.

— Я такие мины находил до армии у себя в деревне, у нас там бои шли тяжёлые с немцами, это противопехотка. Мы из снарядов тол выплавляли — рыбу в речке глушить, — он поднял голову и посмотрел на бледного солдата. — Ты не дрейфь, ничего не будет, а лучше ноги в руки и давай отсюда, так на всякий случай.

Солдат в нерешительности постоял немного, посмотрел по сторонам, словно ища кого-то глазами, частя ногами, быстро скрылся за угол дома.

Ефрейтор Ковалёв осторожно счистил песок с корпуса, потом взял руками мину, подержал, словно взвешивая, поднял с колен и успел сделать только пять шагов в сторону своего трактора, как увидел, что к нему бежит его взводный, придерживая фуражку на затылке. Он что-то неразборчиво кричал и махал рукой, за ним, быстро перебирая ногами, не отставал солдат. Больше он не увидел ничего, мина, поставленная на механизм замедления, взорвалась у него в руках.

Взрывной волной разбило все стёкла в доме, а меня оглушило, показалось, что взорвался кислородный баллон. Я видел его возле входа в подъезд.

В этих степях шли жестокие бои с немцами и бились обе стороны за каждый овраг, за каждый перелесок. Много было убитых. Немцы, отступая, минировали свои отходы. Советская армия катилась вперёд, сминая передовые части неприятеля.

Вот на такой противопехотной mine и подорвался ефрейтор Николай Ковалёв.

После этого ЧП в нашу часть нагрянула грозная министерская комиссия из Москвы. Комбат и ротный ходили смурные, посерели лицами. Москвичи уехали, и проверяющие зачастили рангом пониже.

Всё когда-то заканчивается, в октябре вышел приказ министра обороны СССР маршала Дмитрия Язова об увольнении в запас. Сборы были короткими, нас дембелей торжественно проводили в части, мы помахали руками, сели в машину с открытым верхом и поехали на железнодорожный вокзал. Холодный пронизывающий ветер обдувал наши горячие лица, но мы не чувствовали его. Мы были уже гражданскими людьми.

Я окончил институт и стал работать мастером на городской электростанции. В стране происходили видимые перемены. Народ хотел свободы, демократии и продовольственного изобилия. Но такого не случилось, экономика рухнула в пропасть, некогда прибыльные предприятия почему-то стали убыточными, и рабочих сокращали. Шахтёры приехали в Москву и стучали касками возле дома Правительства. В воздухе витала гроза.

Материн институт закрыли, и она подрабатывала, давая частные уроки по математике. Несколько её знакомых стали мотаться в Турцию за тряпками на продажу. Они возили огромными сумками и торговали на стадионе. Дела у некоторых шли в гору.

Соседа по площадке дядю Пашу стал видеть редко, он прибаливал и больше сидел дома. Я видел в окно, как

к нему ночью несколько раз приезжала скорая помощь, потом увезли в больницу.

Вечером в пятницу сидел за компьютером. Слышу звонок телефонный, не подхожу, подумал, что звонит мать. Она любила часами обсуждать депутатов и политику. В комнату заглянула мать:

— Это тебя спрашивает Виталий.

И вернулась на кухню допивать кофе, это была её традиция. В материной походке стала проглядываться усталость, а в глазах нескончаемая грусть. Мне было её жалко, она красивая женщина и не смогла устроить свою личную жизнь. Наверное, кавалеры были у неё, но она скрывала, видимо, стеснясь меня. Я уже взрослый и понял бы её.

Слышу Виталькин отдалённый глухой голос:

— Ты чего, старик, дома сидишь? Так прокиснуть можно. Есть предложение, — голос настойчивый. Виталька мог любого, как мне кажется, убедить в чём угодно, даже что земля плоская и стоит на трёх китах. Он был манипулятор сознания.

— Какое? — интересуюсь и скашиваю глаза на настольные электронные часы.

— Пойдём на ночную дискотеку. Недавно новую дискотеку открыли «Звёздная метла» в бывшем детском кинотеатре. Вход сегодня бесплатный, и коктейль за счёт заведения. — Давай, думай оперативно. Буду ждать через полчаса на автобусной остановке. — Телефон отключился.

В просторном зале под самым потолком крутится большой зеркальный шар, его подсвечивают несколько небольших прожекторов, играет громко музыка, и люди танцуют. Мы сели возле барной стойки, выпили по бесплатному коктейлю, он мне показался со странным привкусом кислого яблока. Потом мы решили выпить по сто граммов водки «Абсолют». В меру охлаждённая, она проскочила в живот и стала там жечь, алкоголь стал

одурманивать мозг, и мне показалось, что не так шумно в зале и у всех приветливые улыбочные лица.

Возле нас в вполоборота стояли две девушки. Одна рыжеволосая, с красивым нежным абрисом лица и стройными ногами, в узком обтягивающем платье цвета спелой сливы, а другая худощавая, с короткой стрижкой, без лифчика и глубоким вырезом платья на спине, через кожу выделяются позвонки.

Девушки стояли в растерянности и смотрели по сторонам, видимо, ища своих знакомых. Виталик повернул голову в их сторону, посмотрел оценивающе обеих, показал незаметно большой палец, наклонился ко мне и почти прошептал:

— Та худенькая — моя, а твоя — рыжеволосая, — протянул руку закрепить нашу договорённость.

Мы почти одновременно встали и подошли к ним. Девушки смутились и хотели уйти, но Виталик — прожжённый ловелас, взял худенькую девушку сразу под острый локоток, повёл танцевать. Мне ничего не оставалось делать, я немного в растерянности потоптался на месте, не зная, что предпринять, но всё же, решившись, пригласил на танец другую девушку.

В зале было полутемно, на лицах отражались зеркальные зайчики от шара. Музыка ритмично бухала, и мне показалось, что я не чувствую себя.

Я несмело притянул девушку к себе, она сначала напряглась телом, потом подчинилась моим рукам, и я почувствовал её запах. Она пахла лёгким цветочным ароматом, от неё исходили невидимые глазу флюиды.

— Как вас звать? — я осмелился спросить у неё имя. Особого опыта ухаживания за девушками не было, и от волнения ладони покрылись потом.

— Тома, — она подняла на меня свои глаза, в синеве которых я сразу утонул. Сердце глухо затрепыхалось

в груди, и мне показалось, что Тома может его услышать. Мне показалось, что меня прошило током высокого напряжения. Танец закончился, и я проводил её к подруге, она стояла рядом с улыбающимся Виталиком. Он даже пританцовывал ногами.

Ещё немного выпили с девушками, они около двенадцати ночи попросились домой, и мы, как истинные джентльмены, поймали частника на машине, отвезли их по домам.

С Томой мы часто вместе проводили свободное время, она работала техником в конструкторском бюро. После работы я встречал её, и мы гуляли по нашему городу, разговаривая обо всём. Я предложил ей выйти за меня замуж, когда мы стояли в подъезде и целовались. Тома жарко прижалась ко мне всем телом, и это было молчаливым знаком согласия. Этому событию мы были рады, и особенно моя мама. Мне показалось, что она даже изменилась и посветлела лицом, стала более улыбчива.

А через год у нас родился сын, называли его Ванюшей в честь Томиного дедушки. Я люблю свою жену, и она об этом знает, хотя не часто об этом ей говорю.

НОЧНОЙ ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Меня разбудил ночной звонок, телефон трещал надрываясь. Свет из окна косо падал на стену, где висели копия картины Зинаиды Серебряковой «Селёдка и лимон» и часы. Скользнул глазами по ним, было около двух часов ночи. Пошарил рукой по тумбочке, ища телефон на скользкой поверхности... Незнакомый номер. Обычно не отвечаю даже днём на незнакомые звонки, а тем более ночью. Всё же решил ответить. Крепко зажал в руке и поднёс к голове.

— Алло, — хрипло отвечаю, не предполагая, кто это может звонить в такой поздний час.

Слышны только женские всхлипы и далёкий шум автострады.

— Славик, ты можешь приехать? Случилась беда, — говорит Зоя тихим заплаканным голосом. Меня словно ударило молнией, ток прошёл через голову и вышел через ступни ног. Я выбросил сонное тело из своего ложа и стал прохаживаться по комнате, чутко вслушиваясь в каждое слово или даже шорох в смартфоне. Собирал свои мысли по крупицам, пытаюсь что-то логическое выстроить.

Понимаю, что произошло что-то сверхординарное, если позвонила Зоя. Ничего не спрашиваю и только вслушиваюсь в её голос, предполагая, как она сейчас выглядит. Мы не виделись больше десяти лет, как она уехала жить вместе с Серёгой в Москву.

Серёга — это мой друг детства, с которым мы жили в одном доме, играли в дворовой футбольной команде, потом учились в одной школе и поступили на один курс института. И даже порой влюблялись в одних и тех же девушек. У нас получалось как-то синхронно.

На последнем курсе мы с ним познакомились с Зоей совершенно случайно в кафе, куда забежали после занятий перекусить хорошо прожаренными чебуреками с горячим чаем. Девушка с пшеничными волосами сидела за столиком в модном брючном синем костюме, подперев подбородок кулачком, и смотрела сквозь окно. Вдалеке просматривалась городская площадь с фонтаном посередине.

Серёга остановился, ткнул меня острым локтем в бок и кивнул в её сторону:

— Смотри, Слава, какая девушка сидит у окна. Впрочем, не девушка, а мечта поэта, так бы сказал один из классиков эпохи возрождения. Двигаемся вперёд, познакомимся, пока её не перехватили.

В это кафе с детским названием «Чебурашка» часто забегали студенты между учебными парами перекусить на быструю руку. Серёга потянул меня, и мы подсели к ней, не спрашивая разрешения.

Девушка повернула к нам голову и посмотрела внимательно изучающим взглядом. Немного припухлые губы слегка дрогнули, приоткрылись, показывая ряд белых зубов, видимо, она хотела что-то сказать, но, передумав, улыбнулась.

— Вы кого-то ждёте, сударыня? — вежливо начал Сергей, чтобы как-то завязать ниточку разговора, беззастенчиво разглядывая её. Он даже подался телом вперёд, поедая глазами незнакомку.

— Да, поджидаю подругу, она вот-вот должна подойти, — в полголоса ответила девушка, посмотрела на руку, где на кожаном чёрном ремешке блеснули позолоченные часики.

— Тогда мы точно не помешаем и вместе будет ждать вашу подругу, если вы не против. Меня звать Сергеем, а можно просто Серый, — уверенно протянул руку мой друг девушке.

— А меня Зоей, — застенчиво представилась она, и на щеках полыхнули красные пятна, тоже протянула тонкую белую кисть.

Они сидели друг против друга и улыбались, словно они были старыми друзьями. Так иногда в жизни бывает, только встретишься с незнакомым человеком, а через пять минут кажется, что знакомы целую вечность. Я посмотрел на Серёгу, он блестел от нахлынувших эмоций, как хорошо начищенный тульский самовар. Он был всегда напорист в любом деле, и я подумал, что завоевать Зою — только вопрос времени. Это была его любовная тактика: ошеломить девушку потоком слов и внимания, а потом как обстоятельства сложатся. У нас в группе учились пять девчонок, и половине из них он разбил сердца. Одним словом, се ля ви.

— Ну, я пошёл, у меня есть ещё дела неотложные, — я встал и откланялся, понимая, что здесь уже лишний.

— Посиди с нами, скоро придёт подруга Зои, познакомимся и вечером можно сходить в киношку на новый фильм. — Серёга особо не настаивал на том, чтобы я остался, это было видно по его лицу, в глазах разгорался огонёк. У него началась охота, и зрители были не нужны.

Я бросил прощальный взгляд на Зою, и мне стало даже жаль её, финал их отношений был мне заранее известен. Хотя она мне тоже понравилась, но вставать на пути своего друга не в моих правилах.

Вышел из кафе. На небе скапливались низкие серо-чёрные дождевые тучи. Набежавший порывистый ветер гнул верхушки высоких тополей. Смотрю, к кафе торопливо идёт черноволосая девушка в джинсах и футболке. Через плечо переброшена небольшая сумка. Красивое большое лицо с тонкой шеей показалось мне впечатляющим, остановился как бы ненароком и стал смотреть на неё. Девушка равнодушно мимолётно бросила на меня

холодный взгляд и исчезла в дверях кафе. «Наверное, Зоина подруга, — почему-то подумал я, в голове мелькнула мысль: — Может, вернуться обратно». Постоял на месте минуту в раздумье, посмотрел на небо, готовое пролиться дождём, и зашагал к автобусной остановке.

Вечером у себя в комнате сижу за компьютером и слышу, как дверной звонок надывается. Посмотрел в глазок — перед дверьми стоит Серёга. Распахиваю широко дверь.

— Проходи, дома никого нет. Родители ушли в театр и будут не скоро, там ещё культурная тусовка будет какая-то.

Посторонился, пропуская его в квартиру, от него пахло слабым запахом вина. Серёга скинул кроссовки с ног, потянул носом.

— Пожевать ничего не найдётся? Есть хочу, даже страшно, — Серёга по-волчьи пощёлкал зубами, пошёл за мной на кухню.

Я заглянул в холодильник и вытащил из него кастрюлю. Поставил на газовую плиту, подогрел. Наливаю из неё густой наваристый борщ, Серёга повернул ко мне голову:

— Накладывай побольше и погуще, сейчас даже бегемота могу проглотить. Настолько я голоден.

— Чем занимался? — с набитым ртом спросил Серёга.

— Да писал конспект по техмеху — достаточно нудная наука, мне что-то она в голову не лезет. Может быть, мне на филфак нужно было податься? — шутливо говорю ему.

— Может быть! Факультет невест, — рассмеялся Серёга. — Может, двинем туда после нашей защиты?

Я отошёл к окну, всматриваясь в темнеющий двор. Сосед по подъезду повёл ротвейлера на прогулку на детскую площадку, ему навстречу шёл подвыпивший мужчина, это было видно по его неровной походке. Собака стала рваться с поводка и бросаться на мужчину. Он остановился и, махая рукой, говорил что-то хозяину, но тот только

сдвинул бейсболку поглубже на лоб, потянул собаку дальше сквозь кусты.

— Смотри, Серёга, опять этот Хомяков свою зверюгу выгуливает без намордника. Сколько раз на него соседи участковому писали, и хоть бы хны.

— Да брось, Славик, по этому поводу мыслить. Есть неисправимые люди, для которых общественные законы ничто. Они сами по себе живут и, к сожалению, плодятся, их бесполезно перевоспитывать.

Доев борщ, Серёга сытно зевнул и погладил себя по животу.

— Вот сейчас можно жить — одним словом, спасибо, брат, — обычно он так говорил, когда находился в благодушном настроении.

— А ты чем был занят весь день? — я коснулся его плеча, и мне показалось, что он вздрогнул.

— Всё время ходили по городу с Зоей. Она отличная деваха, эрудированная, и оказалось, что учится в пединституте. Кстати, — он вскинул брови вверх, — ты только ушёл, и появилась её подруга, они живут в одной комнате в общежитии. Армой зовут, она из Прибалтики приехала, отец эстонец, а мать русская. Говорит с небольшим акцентом. Короче, договорились, что пойдём на дискотеку в субботу. Ты как к этому относишься? — он смотрит на меня вопросительно, зная, что я наверняка соглашусь.

— Ты с кем-то сегодня выпивал? — интересуюсь я, хотя ловлю себя на мысли, что задал достаточно глупый и ненужный вопрос.

— Так вот, расскажу о финальной части сегодняшней встречи. Мы гуляли с Зоей по центральной улице, болтали на разные темы, потом зашли в парк, там есть неплохое кафе. Посидели, выпили вина, я пошёл провожать её в общежитие. Иду и думаю, где же мне её поцеловать, так захотелось, аж зубы сводит. Короче, — для правдивости своих

слов он рубанул рукой по воздуху, — зашли в какой-то подъезд дома, там лампочки нет и темновато, пахнет кошачьей мочой. Как раз подходящее место для неожиданных встреч.

Я прижал её спиной к холодной чугунной батарее и стал целовать, руками полез к упругим грудям. Она сначала отворачивала голову, отталкивала меня, а потом втянулась в наши лобзания и даже прикусила мне губу. Мы бы ещё там постояли, но из квартиры вышел сухонький старик в панаме, остановился, всматриваясь вниз. В руке у него было ведро с мусором, и как заорал на весь белый свет: «Мать твою! Вы что здесь делаете, охальники?! Сейчас как дам ведром помойным, будете знать, как по подъездам шарить».

Видимо, он подумал, что мы пришли справить нужду. У них там недалеко пивной ларёк стоит, и народ шастает в ближайший подъезд, когда приспичит. Ну мы, короче, не стали дожидаться развязки буйного пенсионера и побежали из подъезда.

Мы ещё посидели на кухне, поговорили об институтских делах. На носу была летняя сессия, и нужно было подтянуть хвосты по некоторым предметам.

Потом Серёга уехал на такси домой, я помахал ему рукой, он ответил снизу. Машина растворилась в темноте, мигнув напоследок красными огоньками.

В субботний вечер мы вчетвером, как и договаривались, отправились на дискотеку в клуб «Золотой лев». Проехав на автобусе несколько остановок, пошли в прогулок и дальше практически до тупика. У клуба была нехорошая репутация. Но молодёжи нужно было веселье, и они тянулись в это место. На первом этаже был полутёмный бар, а на втором — просторный танцпол. В дверях стояли два крепких, с бычьими шеями и покатыми плечами охранника. Видимо, в прошлом борцы или качки

из подвала. Они о чём-то разговаривали, и один высокий, с короткой стрижкой, сплюнул на бетон, скривил губы при виде наших девушек. Его напарник с плоским лицом и мышиными глазами стоял, глубоко засунув руки в карманы чёрных брюк. Мы с Серёгой переглянулись, нам не понравилось, как ведут себя эти парни. Серёга был вспыльчивым, если особенно касалось несправедливости или простого хамства, и мог ввязаться в любую драку, невзирая на то, сколько было противников, у него был крепкий дух и костистые кулаки. Как он сам говорил, у него в тот момент закрываются шторы, а голова отлетает в галактику.

Мы прошли вглубь зала и сели за свободный столик. Подошёл официант, худощавый парень с прижатыми к голове ушами и длинным носом. Он чем-то напоминал Буратино из сказки «Золотой ключик».

— Что будете заказывать? — шепеляво спросил он, откинув голову назад, острый кадык выпирал под бледной кожей.

— Бутылку коньяка «Наполеон», вазу с фруктами и нарезку из копчёной колбасы, — заказал Серёга, возвращая меню официанту.

— Сейчас принесу, — официант исчез в дальнем углу зала, где была кухня.

Серёга привстал с места, помахал кому-то рукой:

— Я сейчас приду. Одного знакомого увидел, нужно поговорить на одну тему. Не скушайте и можете начинать без меня.

Я налил принесённый коньяк по рюмкам, пить не стали, ожидая Серёгу. Зоя с Армой тихо переговаривались меж собой, низко наклонив головы друг к другу. Зоя несколько раз скользнула по мне взглядом. У меня сердце начинало грустно биться, словно канарейка в клетке. Вскоре Серёга пришёл оживлённый, потирая руки.

— Так, одно дельце обговорили с корешем. Прибыльный гешефт получится, и кое-что можно наварить, — он радостно улыбнулся и развёл руками, словно показывая будущий барыш.

У Серёги был аналитический склад ума, и он мог рассчитывать некоторые ходы будущих дел, он редко проигрывал, хотя не был азартным игроком. И если говорил, что выгодный куш получит, то это было так в действительности. Что он заварил с человеком, которого назвал кореш, он так и не рассказал. Впрочем, это было их дело. Самое главное, что не было криминала, хотя в то время, кто занимался бизнесом, нарушали все правила или ходили по лезвию бритвы. Один неверный шаг, и можно было потерять не только бизнес, но и жизнь. Как говорил один наш общий знакомый: «Кто не рискует, тот не пьёт шампанского».

Посидели, выпили ещё по рюмке и поднялись на второй этаж потанцевать. Играла тихая музыка, в зале был полумрак, под потолком крутилась люстра в виде стеклянного шара, которая отбрасывала по сторонам серебряные отблески. Серёга подхватил Зою, двинулись вперёд. Я взял холодную руку Армы, пошёл вслед за ними. Мне показалось, что она не хотела танцевать. Я увидел, как Серёга обнял двумя руками талию Зои, близко притянул её к себе и шепчет ей на ухо, касаясь губами виска. Она, слегка откинув голову, тихо смеялась. Я поймал себя на мысли, что Зоя всё больше и больше нравится мне, но знал, что Серёга не отдаст её — это была его добыча.

Потом вернулись обратно за столик. За разговорами допили коньяк и пошли из клуба. Уже густо покрыло сумерками. Загорелись уличные фонари, высвечивая желтоватые пятна на асфальте. В доме напротив зажглись окна.

Два охранника стояли у дверей и курили, рассматривая людей, и, когда мы проходили мимо них, высокий,

с короткой стрижкой и твёрдым подбородком, процедил сквозь зубы:

— Одну даму могли бы оставить для продолжения вечера. Она ничего. Подошла бы мне, — и громко рассмеялся, скаля крупные передние зубы. — Ты подумай, парень, — он имел в виду Серёгу.

Мы остановились, переглянулись с Серёгой, поняли, что драки не избежать, но девчонки настойчиво потянули нас за руки вперёд.

— Пойдёмте дальше. Вы не видите, что это местная шпана, связываться опасно, — взволнованным голосом Зоя настаивала, чтобы мы шли не останавливаясь. Но надо знать Серёгу. Лицо у него стало белым, словно полотно, губы дрогнули, кулаки крепко сжались, и он твёрдой походкой направился к высокому охраннику, который только что сказал скабрёзные слова в адрес Зои. Серёга был уверен в себе, он несколько лет занимался в институтской команде по боксу и даже завоевал первенство города среди студентов.

— Ты чего сказал? — стал напирать на него Серёга. — Извинись перед девушками сейчас же, негодяй, — он стоял почти вплотную к охраннику и был на голову ниже его.

— Да пошёл ты... — только произнёс он, как был свален резким Серёгиным ударом кулака. Удачно попал в самый подбородок. У охранника откинулась голова назад, он постоял, будто бы в раздумье, ноги сложились, и упал на спину, не шевелясь. Его носатый напарник был в растерянности, он не предполагал подобное развитие событий. В маленьких глазах промелькнул неподдельный испуг, он хрипловато, гортанно вскрикнул, крутанулся на месте и быстро исчез в дверях ночного клуба. Отдалённо послышался его крик: «Наших бьют!»

Мы почти бегом скрылись в спасительной темноте, завернув за угол большого дома, решили отдышаться и успокоить бьющееся сердце в груди.

Серёга с Зоей стали часто встречаться, и у них завязались любовные отношения. Он мне особо ничего не рассказывал, хотя на его лице всё было написано. Серёга был счастлив. Я немного даже завидовал ему и, когда он приглашал меня с собой на встречу с Зоей, находил различные предлоги, чтобы не пойти. В моей душе тлел огонёк неразделённой любви к ней. С Армой встречался несколько раз, приводил к себе, пока родителей не было дома, оставались наедине, и только начинал целовать твёрдые неподатливые губы, как она холодно и равнодушно отстранялась от меня.

Осенью после института Серёга с Зоей поженились. На свадьбе мне не пришлось побывать. Не вовремя случился ночной приступ аппендицита, увезли на скорой, и пролежал в больнице целую неделю. Может, даже к лучшему, что я не пошёл на их торжество, за несколько месяцев у меня из искры любви разгорелось пламя. Серёга, видимо, догадывался об этом, но разговоров на эту щекотливую тему не заводил. Он пришёл один в больницу, я спустился вниз по лестнице, держась за живот. Серёга стоял на межэтажной площадке возле распахнутого окна и курил. В руке держал пакет с продуктами. Лицо у него было сероватого оттенка, в глазах еле уловимая напряжённость. Он протянул руку и вяло пожал мою.

— Привет, больной! Как здоровье, ничего лишнего не вырезали? — спросил он, и ледок в его глазах стал медленно таять.

— Как прошла свадьба, весело было? — заглянул я ему в глаза.

Серёга вскинул брови на лоб, отчего на нём собралась волна мелких морщин:

— Да, вроде бы весело было. Много танцевали, всякие розыгрыши были. Вообще-то всё ладненько. Только Агафонов к концу свадьбы так набрался, что лицом зарылся

в винегрет, так и спал. Его потом на руках вынесли, будто персидского падишаха.

Про Зою я ничего не спрашивал, чтобы не беречь свою душу. Не представляю, как бы я вёл себя, увидев её в подвенечном платье. Сердце оборвалось бы наверняка. Серёга, засунув руки в карманы брюк, покачивался на ногах с пятки на носок и обратно.

— Знаешь, Славик, у меня такой разговор к тебе, — у него промелькнуло что-то по лицу, он нервно сглотнул слюну. — Я ведь знаю, что ты тоже любишь Зою, но я её люблю больше тебя. Ты это знай! Ты сам знаешь, сколько у меня было девиц. Но она сидит у меня вот здесь, — Сергей хлопнул рукой по левой стороне груди. — Да, да, здесь. И она моя на всю жизнь!

Я слушал его не шелохнувшись и не дыша. Потом фальшиво пожал плечами, натянуто улыбнулся:

— Знаешь, Серый, я тебе дорогу не переходил, и Зоя выбрала тебя, а не меня. Так что глубоко поздравляю и, как говорится, желаю счастья, это как в песне:

*...Друг — это третье моё плечо, третье моё крыло.
А если случится, что он влюблён, а я на его пути;
Уйду с дороги, таков закон — третий должен уйти...*

Серёга, опустив голову, стал быстро спускаться по лестнице, и я услышал в больничном пролёте:

— Не обижайся, Славик.

Я наклонился, увидел только его макушку головы и крикнул вдогонку:

— Я не обижаюсь, Серёга, ты же мой друг.

Серёга вместе с Зоей вскоре уехал работать в Москву, об этом позаботился его дядя, работавший в каком-то министерстве. Серёга позвонил накануне отъезда и спросил, приеду ли я проводить их на поезд. Я отказался... нашёл причину. Он не стал настаивать и положил трубку, я понял, что это наш последний разговор.

И вот через десять лет я слышу Зоин взволнованный голос в телефоне.

— Да, конечно, приеду. Завтра на работе отпрошусь — и сразу на поезд, через два дня буду у вас.

Зоя еле слышимым голосом продиктовала адрес и объяснила, как добраться до их дома. На этом наш разговор прервался. Я пошёл на кухню, заварил крепкий кофе, плеснул в стакан вискаря и стал думать, что же произошло такое экстраординарное с Серёгой, если Зоя решилась позвонить мне.

Потом вернулся в спальную, за окном стали слабо раздвигаться ночные тени, мутноватый свет проник сквозь окно и попал на картину «Селёдка и лимон». Я лежал на спине, подбив покруче подушку под голову и смотрел на стену.

На мой взгляд, натюрморт был написан почти мастерски, можно сказать тихая поэзия в масляных красках. Всё весьма обыденно: на столе порезанная кольцами шкурка лимона, рыба и рюмка на высокой стеклянной ножке. Это была работа бывшей моей подруги Гали, она в своё время закончила Суриковское училище и пробовала себя в живописи. Встретились на вернисаже, и после кратковременного знакомства она появилась у меня с чемоданом вещей и зажатой под мышкой картиной. Чем-то она отдалённо напоминала мне Зою, или в каждой женщине я искал хотя бы слабые её черты. Она была сгустком неуправляемой энергии, в голове постоянно рождались несбыточные грёзы и приносили ей душевные страдания. По ночам она плакала, орошая подушку и моё плечо солёными слезами. В моей жизни Гале места не хватило, и мы, пробыв вместе пять лет, безболезненно расстались, понимая, что плывём по жизни разными курсами. Галя изредка звонит, когда у неё заканчиваются деньги, я не отказываю, понимая, что художнику нужна творческая свобода.

Спустя два дня я стоял возле Серёгиной двери. Масивная и, как мне показалось, бронированная, с двумя английскими замками и камерой видеонаблюдения под самым потолком. Пока разглядывал дверь, мимо меня прошла молодая брюнетка с ярко-голубыми глазами. Короткая зеленоватого цвета юбка открывала красивые ноги в красных босоножках. Она остановила свой взгляд на мне и поздоровалась мягким голосом. Я кивнул головой, как старой знакомой, и нажал пальцем на кнопку звонка. За дверью послышался собачий лай, затем щёлканье замками, и дверь распахнулась. В проёме дверей стояла Зоя в чёрном платье и такого же цвета колготках. Между ног крутилась небольшая лохматая собачка, она ещё раз на меня тявкнула и убежала вглубь квартиры. Я внимательно смотрел на Зою, которую не видел десять лет. Она выглядела устало, и серые тени лежали на лице, печальные глаза, наполненные болью, смотрели на меня.

— Славик, Славик, у нас такое горе! Сергея убили, и завтра похороны. Спасибо, что ты приехал попрощаться с ним. Вы же всегда были друзьями, — Зоя надрывисто заплакала, вытащила из рукава белый платок и приложила к глазам, опустив голову. — Что ж я тебя держу на пороге? Проходи, проходи в комнату, — она взяла меня за руку и повела внутрь. После её слов у меня ноги подкосились, почувствовал, как спину обдало липким потом.

— Сумку оставь здесь в прихожей. Сходи в душ, наконец, устал с дороги? Ты почти не изменился, только немного погрузнел, видимо, сидячая работа.

Я поставил сумку на пол, снял лёгкую куртку и огляделся. Прихожая была по размеру, как моя комната, потолок высокий с лепниной. Они жили в старом сталинском доме. Раздался Зоин голос из кухни:

— Славик, проходи сюда, сейчас тебя накормлю. Есть жаркое с картофельным пюре, ветчина. Что ты будешь?

В дороге не пришлось особо поесть, вагон-ресторан не работал, на вокзале купил копчёную курицу, которой поделился с соседом в купе.

— Что предложишь, то и буду, — ответил я, садясь за стол. Потом вспомнил, что не помыл руки, встал и пошёл к кухонной мойке.

— Славик, ты сходи в ванную, там можно умыться. Полотенце розовое чистое на дверном крючке висит. Зубная щётка в упаковке есть.

Зашёл в ванную. Даже зажмурился. Несколько настенных зеркал отражали потоки света. Умылся, насухо вытерся полотенцем с земляничным запахом, появился на кухне. Стол уже был накрыт, стояла высокая бутылка греческого коньяка.

Зоя тёрла виски, пытаюсь, видимо, прийти в себя. Потом она посмотрела на меня, захотела улыбнуться, но лицо дрогнуло, и губы не разжались.

— Извини меня, Славик, я в таком состоянии. Завтра в час дня похороны. Налей мне коньяка полную рюмку, — она выпила сразу одним глотком и снова подвинула мне: — Налей ещё. Внутри меня сковало железным обручем, я словно одеревенела.

После второй рюмки она немного посветлела лицом, брови разошлись от переносицы. Одна рука лежала поверх стола, худые пальцы слегка дрожали. Поймав мой взгляд, убрала её на колено:

— Нервы совсем сдали. Перепсиховалась вся, вчера посуду стала бить на кухне. Да ты кушай, Славик. Проголодался, небось, с дороги.

Мы выпили ещё по одной, и Зоя стала рассказывать, что произошло с Серёгой.

— После переезда в Москву дядя устроил его в одну фирму, которая занималась разработкой алмазов в Конго. В первый год часто летал в Киншасу и хорошо заработал.

Мы купили квартиру... Нет, не эту, — она рукой махнула в невидимую сторону. — Я не работала, сидела с сыном. Через несколько лет он создал свою фирму, и стали добывать не только алмазы, но и золото. Я ему говорила, что нужен другой бизнес, этот слишком опасный. Много денег, вокруг него стали мелькать какие-то странные люди. Потом он сам это понял и как-то признался мне, что слишком далеко зашёл, бизнес хотят отжать, но обратного пути нет. Он в последнее время стал нервный, нанял охрану из бывших омовцев, они даже возле нашего дома по ночам дежурили. Но не смогли его уберечь, видимо, конкуренты или, может быть, свои же наняли снайпера, и тот выстрелил в Сергея, когда он сидел в машине и немного опустил окно — было жарко. Пуля попала ему прямо в голову, и смерть наступила сразу. Завели уголовное дело, звонил мне следователь, он призрачно намекнул, что такие дела глухарями становятся.

Мы с Зоей проговорили почти до полуночи. Она постелила мне в комнате с большим во всю стену окном, а сама ушла к себе в спальню. Я лежал на спине, закинув руки за голову, и представлял Серёгу живого, он всегда был жизнерадостный и уверенный в себе. Как получилось, что он погряз в обороте золота, денег и, чувствуя опасность, не смог выбраться из этой воронки. Наверное, не хватило сил. Порой возникают обстоятельства, не зависящие от нас, которые пагубно могут повлиять на ход событий. Думая об этом, я провалился в тяжёлый сон.

Утром проснулся от того, что солнце стояло в окне и слепило глаза. Позавтракали с Зоей на кухне, она сидела напротив меня, не поднимая глаз. Я украдкой разглядывал её лицо. Оно практически не изменилось, только посерело от переживаний, и без косметики она была похожа на ту девушку, с которой я познакомился в кафе. В голове мелькали обрывки фраз и предложений, мне как-то хотелось

утешить Зою, но я понимал, что получится всё дежурно и формально.

К двенадцати дня мы поехали на автомобиле «Крайслер» в церковь, где должно быть отпевание. Она находилась на окраине города, и мы около часа добирались до неё. Все хлопоты взяла на себя Серёгина компания. Оставив машину возле церковной кованой ограды, мы зашли внутрь. Было тихо, пахло сторевавшими свечами. В зале мелькали богомольные старушки в чёрных одеяниях. Закрытый дубовый гроб стоял на подставках возле алтаря. Люди прибывали и стояли молча, изредка переглядываясь. Появился пожилой священник с седой укладистой бородой в чёрной рясе. Он стал возле гроба и стал читал молитвы. Отпевание раба Божьего Сергея длилось с полчаса. Потом гроб четверо мужчин погрузили в катафалк и поехали на кладбище.

Возле церкви стояли два автобуса. Люди стали садиться в них, и вскоре траурная кавалькада выехала из города. На кладбище могила была уже вырыта. Гроб поставили рядом с ней. Моложавый брюнет, видимо, распорядитель, попросил выступить с последним словом. Первым подошёл к гробу высокий лысоватый мужчина с узким злым лицом, в дорогом костюме с галстучной заколкой, на которой блеснули бриллианты. Он начал говорить, но потом закашлялся и покраснел. Ему подали стакан с водой, он сделал несколько судорожных глотков и успокоился. На правой руке блеснула печатка. Говорил громко, чтобы все слышали. Оказывается, с Сергеем они начинали этот бизнес с африканским золотом. Мужчина попросил прощения у покойника за то, что не смогли его уберечь. Я смотрел на Зою, она стояла рядом с гробом и плакала. Слёзы текли по лицу из-под очков и скатывались на чёрное платье. Солнце стояло высоко, и зной изливался сверху. Я подумал, что Зоя может упасть в обморок, подошёл ближе

к ней и слегка прикоснулся к локтю руки. Вздвогнув, она посмотрела на меня глазами, полными скорби и печали. Бледное лицо застыло, словно маска.

Гроб медленно опустили в могилу. Зоя первая, взяв в руку сухую землю, кинула вниз, вслед за ней к могиле подошли другие. Рабочие кладбища, которые стояли в стороне и ждали только знака, быстро закидали могилу мягкой коричневой землёй. Сверху положили венки и цветы. Так я похоронил своего лучшего друга. У меня сердце разрывалось от боли.

В ближайшем кафе прошли поминки. Молча поели кутьи, выпили кисель, разлитый в стаканы. Вставляли с мест ещё несколько человек, говорили о том, какой был заботливый Сергей Николаевич и прекрасный организатор. К Зое подходили мужчины в чёрных пиджаках и, наклонив низко к ней голову, что-то приглушённо говорили. Зоя поднимала глаза полные слёз и молчаливо кивала головой. Потом все потянулись к выходу, тихо переговариваясь меж собой.

Мы поздно вечером сидели снова на кухне с Зоей вдвоём. Она предложила:

— Может, мохито выпьем? Голова, словно чугунная, я чуть сознание не потеряла на кладбище. Жарко сегодня.

— Если есть коньяк, то лучше его выпьем, — предложил я, подумав, что мне нужно отключиться от всех эмоций и побыть в неадекватном состоянии, это как сеанс психотерапии. Так мне было бы комфортнее в данное время. Я никак не мог смириться, что Серёги уже нет с нами.

Мы выпили, посидели молча, не зная, с чего начать наш разговор. Зоя сидела, задумчиво опустив голову, на лбу пробежали волнистые морщины, белые руки лежали на столе, пальцы нервно вздрагивали. Потом она медленно подняла голову и посмотрела на меня заплаканными глазами:

— Ты, наверное, запомнил того высокого лысого мужчину, он ещё на кладбище первым говорил?

— Да, конечно! У него ещё закладка с бриллиантом на галстук была. Он почему-то мне не понравился, у него натура отталкивающая, лицо хищника.

— Ты это точно подметил. Это Олег Пискарёв, Серёжин компаньон, они вместе начинали бизнес. Так вот он позвонил мне на следующий день после убийства и мягко предложил продать долю мужа. Я ответила, что подумаю над этим.

— Может, он имеет отношение к убийству Сергея? — предположил я и почувствовал скользкий холодок на спине. — Извини, не хотел эту тему поднимать.

— Вполне возможная версия. Компаньоны, как голодные волки, стали делить бизнес и прибыль, как только Сергея не стало. Они меж собой перегрызутся, и, может быть, это не последняя смерть в компании. Даже не хочу об этом думать. Понимаешь, Слава, мне стало страшно жить без Сергея, он для меня был как каменная стена.

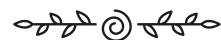
Мы ещё посидели, я смотрел на Зою, и мне было жаль её до боли в груди.

— Пойду спать. Посуду завтра уберу со стола. Ты посиди, если хочешь. Я очень, очень устала за эти дни. Извини, Слава. Спасибо, что приехал, — подошла ко мне и, наклонившись, поцеловала холодными губами в щёку. — До завтра.

Я проводил глазами, выходящую из кухни Зою, налил себе полный стакан коньяка и почти залпом выпил. Поискал, чем можно закусить, подцепил серебряной вилкой кусок заливной рыбы. Обхватив голову руками, сидел окаменелый, крепко сжав зубы, пока алкоголь не начал действовать. В разгорячённом сознании стали мелькать незнакомые лица, мужские и женские, среди них чётко выделился абрис высокого лысого мужчины с кладбища.

Он скорчил волчью физиономию и стал грозить мне кулаком. Я отключился и совсем не помнил, как Зоя незаметно пришла на кухню, отвела в спальню и, уложив, накрыла пледом.

БЕСПОКОЙНЫЙ СОСЕД

Лилия Брикетова, женщина пятидесяти лет, невысокого роста, худощавая, с пронзительными ярко-зелёными глазами и не утратившая своей былой девичьей красоты, работала в институте и вела у вечерников автоматизацию технологических процессов. При разводе с мужем пять лет назад она удачно разменяла трёшку почти в центре областного города возле музыкального фонтана на две однокомнатные в разных спальных районах и с мужем больше не виделась.

Муж Максим, отставной подполковник, выйдя на пенсию, устроился работать в одну контору, которая занималась мелкооптовой торговлей. Через какое-то время стал приходить домой поздновато, да и пахло от него смесью женского парфюма и дорогого виски. Возможно, тяга к женскому полу сказалась после долгих армейских скитаний по далёким гарнизонам: он был ракетчиком. Примерно через полгода его ударной работы в мутноватой конторе какой-то доброхот скинул Лилии по электронке короткое видео, где её супруг в своём рабочем кабинете на кожаном диване возлежал в обнимку и целовался с высокой крашеной блондинкой в чёрных колготках и короткой юбке. Дама лежала на диване в красных туфлях. Этот видеосюжет дико возмутил и расстроил душевное равновесие Лилии, она прорыдала всю ночь. Утром с опухшим от слёз лицом собрала свою женскую волю в кулак и на кухне, после того как Максим позавтракал гречневой кашей с тушёнкой, сказала ему о предстоящем разводе, в доказательство прокрутив видео на ноутбуке. Поставила жирную точку в их тридцатилетних отношениях.

Максим посерел лицом, обжёгся горячим чаем и суетливо засновал по кухне, ища призрачные и зыбкие оправдания, но Лилия настойчиво, словно заезжая пластинка, стояла на своём, будто неприступная крепость.

Лилия познакомилась с Максимом, когда он был ещё курсантом военного училища, и потом ездила вместе с ним по военным гарнизонам. Хотя её мама Клавдия Ильинична, увидев первый раз курсанта Брикетова, только покачала головой и, когда он ушёл от них, сказала Лилии прямо в глаза, что он будет в жизни ей не верен. На вопрос дочери коротко ответила:

— Поверь мне, мужиков я немного знаю. От него пахнет кобелём.

Клавдия Ильинична действительно знала мужчин, она жила уже с третьим мужем и, как ей казалось, не последним.

После получения лейтенантских погон они поехали в глухой и далёкий край, где в лесной чащобе стояла ракетная дивизия. В скором времени появился на свет маленький сын Артёмка, который сейчас проживал в далёкой Бразилии. Ещё учась в институте, он ездил туда по межгосударственному обмену студентами. На какой-то вечеринке познакомился с тамошней горячей мулаткой и после защиты диплома улетел в далёкую страну. Там организовали с женой туристический бизнес и стали возить людей в горные районы в племя, откуда была родом его жена и где когда-то жили каннибалы. Узнав об этом, Лилия лишилась сна на неделю и носила с собой пузырьёк с дремотной смесью из валерьянки с пустырником. Обычно раз в месяц они связывались по скайпу с сыном. Он был улыбчив и радостен, рядом сидела его жена Аманда, её дед по материнской линии был португальцем. Смуглолицая, с большими карими глазами, тонким носом и эмоциональными губами, она нравилась Лилии, им приходилось

разговаривать через переводчика — сына. Внук, кудрявый, с глазами-точками, тянул ручки к русской бабушке, ей хотелось обнять его и прижать к себе, всё же родная кровь.

Лилия жила на пятом этаже в высотке, почти на самом краю оврага, где в затянутой кустарником низине бежала светлая речушка. Её окна выходили как раз в то место, и она любила, сидя на просторной лоджии, смотреть вниз. Всё было хорошо, даже порой радостно на душе, но в квартире над ней постоянно менялись жильцы. Хозяйка, молодая женщина, заехала три года назад и, потосковав одна, выскочила замуж. Вскоре собрала вещи и вместе с мужем уехала в неизвестном направлении. Отдалённо через риелторскую фирму они стали сдавать квартиру в аренду.

Сначала поселилась женщина с двумя детьми. Первое время жили тихо, но потом дети стали бегать по вечерам, и всё отчётливо слышалось в Лилиной голове. Перед наступлением новогодних праздников с потолка в прихожей и на кухне закапала холодная вода, и ей пришлось в авральном порядке ставить тазики и кастрюли. Поднявшись на лифте, Лилия настойчиво позвонила, в душе у неё страдала скрипка. На долгий звонок никто не отвечал, видимо, женщина, забрав детей, ушла и позабыла закрыть кран в ванной комнате.

Лилия с трудом нашла номер диспетчера жилконторы и попросила что-нибудь сделать. Сердитый мужской голос недовольно ответил, что выездная ремонтная бригада приедет нескоро, так как они ликвидируют порыв на теплотрассе. Мужчина ещё раз спросил адрес дома, глуховато закашлялся и бросил трубку.

Ближе в полночи дверной звонок забрякал, и Лилия подошла к двери, посмотрела в глазок. Был виден бородатый мужчина в спецодежде и сдвинутой шапке на затылок.

— Это вы звонили в контору? — пробасил он, топчась возле порога.

— Да, я, — с волнением в голосе ответила Лилия и отошла немного в сторону, пропуская слесаря. От него пахло потом и луком. Он уверенно прошёл в прихожую в больших резиновых сапогах, оставляя грязные следы. Поднял голову, посмотрел на потолок.

— Вы были наверху? — спросил он угрюмо и сдвинул шапку на лоб.

— Да, ходила. Никто не отвечает, видимо, дома нет никого.

— Что ж, придётся холодную воду отключить по всему стояку, пока верхние жильцы не появятся дома. А вы напишите заявление в жилконтору, чтобы пришла техник и составила акт и смету на затопление, взыщите через суд деньги на ремонт квартиры, — подсказал слесарь, глубже сдвинул шапку на широкие брови, шлепая сапогами, вышел из квартиры. Вскоре вода перестала капать с потолков.

Через день Лилия, услышав детский топот, поднялась наверх. Ей открыла женщина в наспех запахнутом цветастом халате, на голове высился какой-то кандибобер из накрученного мохерового шарфа. Она беззастенчиво оглядела Лилию с ног до головы и, подняв выщипанные брови на белом лице, нехотя спросила:

— Вы к кому, женщина?!

— К вам, — твёрдо ответила Лилия и хотела пройти в квартиру, но хозяйка встала в дверном проёме, выставив большие груди и загородив проход.

— Вы меня затопили, и штукатурка на кухне и в прихожей стала отваливаться. Придётся вам возместить расходы, я ведь совсем недавно делала ремонт, и стоит это недёшево, — Лилия настойчиво стала говорить женщине, но у той пробежала недовольная гримаска по лицу.

— Да это ребёнок забыл кран закрутить в ванной. А шо с ребёнка можно спросить?! У меня нет денег вам на ремонт. Тоже нашла дуру, платить деньги... Иди, поищи в другом месте, — женщина ногой стала закрывать дверь.

— Подождите! Подождите! Мы ещё не закончили разговор! — возмутилась Лилия, понимая, что никакого разговора не получится, а может перетечь в плоскость женской ссоры.

— Да мне не хочется ничего обсуждать, — женщина телом навалилась на дверь, закрываясь наглухо от Лилии.

Не откладывая в долгий ящик она сходила в жилконтору и написала заявление. На следующий день в её квартире стояла невысокая остроносая молодая женщина в модных сапогах, похожая на болотную птичку, и нехотя слушала историю. Она сочувственно покачала головой, поиграла жиденькими бровками и пообещала, что в ближайшее время составит смету и акт и поможет найти хозяйку квартиры, если Лилия захочет взыскать деньги на ремонт через суд. Пока готовились документы, соседка быстро съехала и исчезла в неизвестном направлении. Два месяца Лилия по вечерам наслаждалась тишиной и покоем. Придя после занятий в институте, она в прихожей скидывала зимние сапоги, шла по мягкому ковру до спасительного дивана и ложилась на спину, сомкнув глаза. Так ей было хорошо.

Но однажды громкая музыка ночью заставила её проснуться и открыть глаза. Она пролежала почти не шевелясь несколько минут, вслушиваясь в барабанную дробь и давящий на мозги обжигающий бас гитары. Она поняла, что её тихой радости пришёл конец. Появился новый сосед сверху, любитель тяжёлого рока. Эту музыку Лилия не воспринимала и приготовилась к новому сражению за свой покой.

К вечернему шуму прибавились ещё пьяные мужские голоса и падание со стула на пол. Через вентиляционную

решётку тянуло запахом табака. Лилия искала выход из положения и в уме перебирала варианты, как успокоить шумливого соседа. Поход к участковому не подходил: они, как правило, не принимают адекватных мер. В жилконторе её уже знали, и снова светиться ей не хотелось. Лилия решила поговорить с музыкальным соседом. Поднялась на лифте на этаж выше и стояла возле двери, обдумывая, что сказать. Наконец нажала на кнопку звонка. За дверью не слышалось никаких движений, и тогда Лилия, вздохнув, кулачком настойчиво постучала в металлическую дверь. Послышалось, как она открывается, и в проёме возник невысокого роста лысоватый полный парень. Он был в коричневых шортах и майке. Круглый живот выпирал из-под резинки, и казалось, что в нём перекачивается что-то живое. Хмурое лицо не выражало ничего осмысленного, он смотрел на Лилию наглыми зеленоватыми глазами и ухмылялся.

— Вам чего, женщина?! — вяло спросил он, не сводя глаз с Лилиного лица.

— Я живу этажом ниже, — начала она робко, но потом набралась смелости, и голос зазвучал с твёрдой тональностью. От волнения у неё пересохло горло. Прокашлялась в кулачок. — Вы мне мешаете по ночам спать, всё время, как приехали, шум стоит и громкая музыка слышна.

— А вы что, музыку не любите? — оскалился сосед (у него не было двух передних зубов), лениво почесал голову пятернёй и оглядел Лилию, сузив глаза. — Может, ты пройдёшь к нам? Посидим, выпьем и познакомимся. Зачем нам с тобой конфликтовать? Мы же соседи и должны жить в мире.

От возмущения Лилия почти задохнулась и выплеснула из себя:

— Да как вы смеете со мной так разговаривать?! Ваша музыка не подходит мне. И попрошу вас тишину

не нарушать, а иначе напишу на вас жалобу в жилконтору, — решила таким образом напугать нагловатого соседа, больше в ту минуту в голову ничего не приходило.

— Тоже мне рассмешила, сказочница! Да кто будет проверять, шумлю я или нет. А тебе не нужно в личную жизнь мою вмешиваться. Хочу по ночам слушать музыку и дальше буду. Ты мне не указ, поняла?!

Парень откинул рукой прядь волос с низкого лба, и Лилия увидела синюю татуировку на кисти и пальцах.

На этом разговор закончился, и расстроенная Лилия пошла вниз по ступенькам. Как только она вернулась домой, сверху полилась громкая музыка и зазвучал топот ног, будто негры в Африке танцуют боевой танец. Так прошла неделя...

В понедельник Лилия Брикетова пришла на институтскую кафедру с невыспавшимся лицом и грустными глазами. Увидела её в таком печальном виде Зинаида Витольдовна, заведующая лабораторией, полноватая, рыхлая женщина с толстой косой за спиной, как-то тяжело вздохнула, подошла ближе, наклонилась и прошептала сочувственно горячим воздухом на ухо:

— Понимаю вас, Лилия Петровна... Ох, как понимаю. Несчастливая любовь, не переживайте, всё пройдёт со временем. Выкиньте его из вашего сердца раз и навсегда. Мужики этого не достойны, — она победоносно посмотрела на Лилию и подняла голову, в которой играл полковой оркестр бравурную музыку.

Лилия Петровна сделала удивлённое лицо и громко рассмеялась:

— Да какая любовь, Зинаида Витольдовна?! Мне сосед сверху покоя не даёт уже две недели. Музыкой давит на мозги, они скоро плавиться начнут.

Помолчав немного, добавила:

— Наверное, придётся квартиру сменить. Хотя мне район нравится, тихий, и речка внизу течёт. Идиллия, одним словом.

Зинаида Витольдовна огляделась, чтобы их никто не подслушал, опять наклонилась к плечу Лилии и почти шёпотом произнесла:

— А любовник у вас есть? Может быть, он поможет и разберётся по-мужски с парнем. Других вариантов просто нет. Они только силу уважают, а не моральные принципы и женские жалобы.

— У меня уже пять лет нет мужчины, а вы про любовника мне вспоминаете, Зинаида Витольдовна. Где его взять? Вечерами я здесь в институте, а пока до дома доберусь, так сразу спать как убитая ложусь. Одним словом, некогда мне лямуры разводить.

— Да что вы такое говорите? Какие ваши годы, милочка?! Вы прекрасно выглядите, гораздо моложе своих лет, да на вас мужики, как коты на сметану, должны обливаться.

Лилия в ответ только пожала плечами, отошла от назойливой заведующей лабораторией и стала смотреть в окно. Через дорогу был детский сад «Лепесток». Ребятню вывели на прогулку. Тепло одетые, они ходили, переваливаясь с ноги на ногу, будто пингвины.

«Как же мой бразильский внук там поживает?» — подумала Лилия, и от жалости к себе у неё навернулись слёзы.

В перерыве между занятиями ей позвонила старая подруга Марта Никольская. Вместе они учились в средней школе и были всегда неразлучны. Марта в данный момент находилась в статусе разведённой, но, в отличие от Лилии, всегда пребывала в поиске и находила себе подходящего мужчину. Из-за её скверного характера мужчины долго не задерживались у неё и уходили молча, закусив удила.

Марта всё время искала в них недостатки и не понимала, что мужика нужно воспринимать таким, какой он есть, и из целого полена строгать, как папа Карло Буратино, не следовало. Но она не учитывала не только мужской характер, но и курс доллара на бирже. В трубке дрожал её отчаянный голос:

— Лилька! Ты понимаешь, у меня опять облом. Пушистик ушёл и даже забрал с собой зубную щётку и тапочки, которые я ему недавно купила. Я сейчас нахожусь в ситуационном стрессе, и меня бьёт лихорадка, даже поднялась температура.

— А что тебе больше всего жалко: мужика, исчезнувшего из твоей цветущей жизни, или зубную китайскую щётку, да и тапочки, которым цена один целковый в красный день? — ответила Лилия, представляя сейчас лицо своей школьной подруги.

— Да ладно подкалывать бедную женщину. У меня тоска зелёная в душе. Есть предложение, — голос Марты стал увереннее и бодрее, она постепенно отходила от стресса.

— Какое?

— Пошли в ночной бар и там оторвёмся по полной. Пошли сегодня же, — настаивала Марта, в душе надеясь на поддержку. Ей не терпелось сменить обстановку и получить новые впечатления, чтобы они стёрли неожиданный жизненный зигзаг и любовную неудачу.

— Такой вариант не подходит нам, — сразу отрезала Лилия, понимая, чем может закончиться поход в ночной клуб с Мартой: попадёшь в неприятную историю, подругу, когда лишнего выпьёт, так и тянет на подвиги. Как рассказывала Марта, однажды она попала в полицию, и её приняли за женщину с низким социальным статусом. И такое было в её вулканической жизни.

— Есть лучше вариант, но на трезвую голову, — как бы нехотя предложила Марта.

— Говори и не томи меня. Скоро нужно идти на занятие, — решила подвести черту под разговором Лилия, она знала словоохотливую в своей печали подругу. Та могла трещать по телефону бесконечно. Может быть, она и вникла бы в суть её душевных проблем, но время поджимало.

— Достала по случаю два билета на оперу «Травиата». Хотела пригласить своего Пушистика, но так как он исчез чистить зубы в новых тапочках и, видимо, надолго, то приглашаю тебя окультуриться и послушать Верди, — Марта почему-то всех своих очередных мужчин называла ласково Пушистиками.

На следующий вечер Лилия была свободна и поджидала на ступенях Театра оперы и балета Марту. Она посмотрела на большие часы, висящие на фасаде противоположного дома, — оставалось двадцать минут до начала. Внезапно из-за колонны появилась запыхавшаяся Марта в короткой модной дублёнке, чёрных сапогах до колен и вязаной шапочкой с пампушкой на голове. В руках она держала дорогую сумочку на цепочке.

— Извини, подруга, что-то немного подзадержалась, — она притянула к себе Лилию и чмокнула её в холодную щёку.

Зал был полон, слышался тихий людской гомон. Свет медленно потух, и на большой сцене началось действие оперы, которую модный режиссёр поставил на современный лад.

Куртизанка Виолетта, одетая в обтягивающее красное платье с глубоким вырезом, пела сопрано. Вокруг хоровадили несколько мужчин, пытаясь до неё дотронуться, она, как рыбка, ускользала от них, и только красавцу тенору Альфреду удалось покорить её сердце. Возник любовный треугольник: Барон Дуфолен, похожий на старого писателя Тургенева, стал дико ревновать её к молодому человеку.

Потом они стрелялись на дуэли, и престарелый барон был ранен.

В последнем, третьем акте Виолетта заболевает туберкулёзом и, лёжа на смертном одре, просит свою служанку раздать её вещи бедным людям. Она дарит медальон будущей невесте Альфреда и тихо умирает. Барон прощает великодушно своего молодого соперника. Так мелодрама жизни превратилась в человеческую трагедию.

Закончилась опера, зрители встали со своих мест и долго аплодировали. Ведущие артисты выходили на ярко освещённую сцену и кланялись залу.

В гардеробе Марта как бы невзначай уронила сумочку на пол, когда мимо проходил высокий русоволосый мужчина крепкого телосложения. Он был одет в синий костюм с безукоризненной белой рубашкой с золотыми запонками и красивым галстуком. На лице выделялись серые глаза и твёрдый волевой подбородок. Мужчина остановился и посмотрел на Марту пристальным взглядом. Она запуцовела лицом, тонкие бровки волнительно взметнулись вверх, и сердце забилося, будто у голубя в клетке:

— Извините, пожалуйста.

— Да нет, ничего, — мужчина нагнулся и поднял сумочку, подержал в руке, словно хотел что-то сказать, затем протянул её Марте.

Марта сделала глубокий вздох, как перед глубоководным погружением, чтобы хватило воздуха. Постояла, почувствовав прилив сил. Мужчина, видимо, не догадывался и, возможно, не знал, что Марта начала ставить на него невидимые силки, надеясь на удачный улов.

— Вы знаете, у меня к вам есть небольшая просьба, — начала она издали, поглядывая на мужчину сероватыми глазами охотницы в диких джунглях.

— Какая просьба? — мужчина сделал удивлённое лицо, стал вовлекаться подсознательно в словесную игру

Марты, хотя он был не лыком шит и знал некоторые хитроватые уловки женщин.

— У меня есть хорошая подруга Лилия — она сейчас придёт. Так вот ей нужно помочь в одном деле.

— Вы меня совсем заинтриговали. Но сначала нам нужно познакомиться. Как вас звать? — мужчина протянул широкую твёрдую ладонь и посмотрел прямо ей в глаза. Его взгляд насквозь пробил стрелой Амура измученное сердце женщины.

— Марта, — улыбнувшись, ответила она и сделана лёгкий книксен, едва не подвернув правую ногу.

В это время перед ними появилась Лилия, она ещё не отошла от прослушанной оперы и находилась в чудно приподнятом настроении, в глазах отражались вдохновение и свет люстры.

— Вот только что познакомилась с интересным человеком, он не успел представиться, — Марта смотрела на Лилию, потом перевела взгляд на мужчину.

— Сергей, — коротко представился мужчина и улыбнулся уголками губ, крепкий подбородок слегка дрогнул.

Марта посмотрела на Лилию, прищурив глаза:

— Мы сейчас едем к тебе решать один вопрос — бытовой, да и попьём кофе. Вы знаете, моя подруга прекрасно варит кофе. В зёрнах присылает сын из Бразилии, и весьма отменного качества.

— Тогда поедem. У меня сегодня вечер свободен, — согласился Сергей, поправил рукой галстук. — Давайте ваши номерки, получу в гардеробе верхнюю одежду. А вы пока постоитe здесь.

— Ты зачем незнакомого мужчину ко мне домой приглашаешь? — рассердилась Лилия, поджав губы. — Тем более в квартире не прибрано.

— Не переживай, подруга, придумаем что-нибудь. Марта посмотрела на Сергея, стоящего в очереди. —

Мужчина весьма симпатичный, упакован в дорогой костюм, мне он понравился, — заключила она, помахала ему рукой, будто старому знакомому. Повернулась к Лилии: — Да он тебе решит проблему с соседом. Смотри, какой здоровый. Раз скажет — и твой сосед будет тихой мышкой сидеть дома, носа своего дальше порога не высовывать. Поняла? И не глупи!

Выйдя на улицу, они взяли свободное такси, заехали по дороге в магазин, где Сергей купил бутылку французского коньяка «Хеннесси» и коробку шоколадных конфет.

Расположились на Лилиной кухне, она была большая. На стол водрузили бутылку коньяка, Лилия открыла припасённую баночку чёрной икры и достала несколько апельсинов. Только выпили по рюмке за вечернее знакомство, как сверху на них обрушился шквал музыки, через вентиляционную решётку слышались мужские голоса.

— И вы так живёте? С этой какофонией? — поинтересовался Сергей, подняв голову к потолку.

— Да, приходится... уже с полгода, наверное, — ответила Лилия, ей было неудобно перед гостями за такой конфуз.

— Я сейчас поднимусь и поговорю с любителями вечерней музыки, — Сергей встал, снял пиджак и пошёл на выход.

— Да не надо этого делать. Потом он мне житья не даст, — попыталась отговорить его Лилия, хотя ей понравилась его решительность.

— У него дверной звонок не работает, — сказала она уходящему Сергею, и, как показалось ей, он кивнул головой.

Сергей громко и настойчиво постучал в дверь, так, чтобы его слышали.

— Кто там? — раздался невнятный пьяный голос.

— Открывай, это свои, — резко ответил Сергей, хотя смутно представлял, с кем ему придётся говорить. И был готов к любой развязке событий.

— Мишаня, это ты? — за дверью всё ещё интересовались приходом позднего гостя.

— Да, это я! Открывай скорее же. Стою, и ноги затекли, — подыгрывал Сергей незнакомому мужчине.

За железной дверью повозились некоторое время с замком, и на пороге возник мужчина средних лет с выпирающим животиком и опухшим лицом начинающего алкоголика. Он стоял, покачиваясь, будто моряк на ускользающей из-под ног палубе рыболовецкого сейнера. Поднял тяжёлую голову, нахмурил брови и обвёл туманным сердитым взглядом Сергея. Убедившись, что это не его знакомый, он пожевал синими губами:

— Чего надо, мужик? — грубо спросил он, и его снова качнуло в сторону, едва не выпал в коридор, продолжая смотреть тяжёлым взглядом на Сергея.

— Уважаемый, вы сильно досаждаете своей соседке снизу своим плохим поведением, так себя воспитанные люди не ведут!

— Ладно, мужик, не гони волну, а говори короче: что надо? — он отступил на полшага вглубь квартиры, и из-за его спины появился крепкий молодой парень со скошенным мокрым ртом, плоским утиным носом и короткой стрижкой.

— Да вот пришёл заступник дамочки снизу. Я тебе, Мутон, об этом рассказывал, — он икнул, прикрывая рот, чтобы его не стошнило.

— Можно к вам зайти, а то как-то на пороге вести разговоры... — Сергей шагнул вперёд, но Мутон вытянул жилистую руку, не пропуская его. У него под кожей на скулах взбугрились желваки, и в глазах промелькнула вражда.

— Ты это, вот что, канай отсюда, пока я тебе не врезал по рогам. И не гони волну, мужик. Мы здесь сидим тихо и никому не мешаем.

Мутон не понял, как его тело оторвалось от пола и было отброшено на два метра внутрь квартиры, он лежал, размаив руки по сторонам, и не мог подняться, не хватало воздуха в груди, тупо смотрел в потолок, который плыл перед глазами. Мутон даже не заметил, как кулак Сергея пробил ему грудную клетку, и он отлетел назад. Его другу, который снимал квартиру, повезло меньше. От удара в подбородок снизу он чуть не сделал фляк назад, ударившись затылком о табурет, лежал тихо с закрытыми глазами, будто только что прилёг отдохнуть.

Сергей перешагнул через Мутона, прошёл в комнату. В ней практически не было мебели и вещей, только на полу расстелены два полосатых ватных матраца. На кухне стояли старый угловой диванчик зелёного цвета и клеёнчатый стол, а на полу виднелась дорогая мощная стереоустановка с двумя колонками. «Наверное, краденая», — подумал Сергей. Он открыл окно, в лицо пахнула морозом ночь. Тёмное небо висело над городом, усеянное мерцающими звёздами. Посмотрел вниз, никого не увидев, выбросил стереоустановку через подоконник. Услышав, как она приземлилась на бетон, прикрыл окно.

У Лилии гости попили ароматный кофе с коньяком. Через час Марта с Сергеем уехали. Оставшись одна, Лилия приняла тёплую ванну с морской солью и сладко уснула на диване, укрывшись пледом. Ей снились опера и кудрявый красавец Альфред с прекрасным переливающимся голосом, хотелось выйти поближе к сцене и разглядеть его. Лилию разбудил звонок в полночь, она услышала тонкий расстроенный голос Марты:

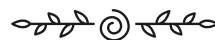
— Лилька! Наш знакомый довёз меня на такси до дома, возле подъезда поцеловал руку и молча растворился

в темноте. Я этого не переживу, подруга. Нет в жизни женского счастья, — было слышно, как в трубке голос Марты дрожал, и она была готова расплакаться.

— Да я поняла тебя: нет в жизни счастья, и нечего его искать, — сквозь сон ответила Лилия и отключила телефон.

Спустя неделю она случайно столкнулась со своим соседом сверху на площадке возле подъезда. Увидев её, он натянул вязаную чёрную шапку почти на самые глаза, засунул руки в карман куртки и тихо проскользил мимо, словно тень.

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Марина Стечкина работала помощником воспитателя, а проще нянечкой в детском саду «Колосок». Детей она любила, подтирала им носы, кормила с ложки и выносила за ними горшки. Дети отвечали радостными улыбками и тянулись к ней своими ручками. Хотя она не имела профессионального образования, а только мечтала его получить. Так уж в жизни получилось, что Марина случайно оказалась в детском саду, но об этом несколько не жалела.

После работы её поджидал худощавый белобрысый молодой человек, с которым она познакомилась, когда велось следствие над Васей Перепёлкиным. Золотарёв числился опером в уголовном розыске. Марина целовала его в щёку, подхватывала под руку. Они шли по уличной перспективе, прижимаясь плечами друг к другу, и весело о чём-то говорили.

Родилась Марина в небольшом рабочем посёлке, где жители в основном трудились на чулочно-носочной фабрике имени большевички Коллонтай да на заготовке древесины в окрестных дремучих лесах. Посёлок можно было даже считать культурным: по ночам светили два фонаря возле гипсового памятника революционерке, там и собиралась местная молодёжь посудачить да семечки пощёлкать. Сразу за памятником тянулся большой замусоренный разным хламом овраг, густо заросший крапивой и чертополохом. Жители старались миновать его стороной: из года в год ходила байка, что там сгинул завклубом Игнат Конопатов. Летом, когда наступало культурное затишье, он вечерами, как правило, сидел возле распахнутого настежь окна и смотрел на зарождавшиеся

звёзды в небе, —творческая душа хотела новых ощущений. Наступило июльское полнолуние, когда жёлтый диск ночного светила торжествовал в темноте. Ему померещилось, что мимо промелькнул силуэт незнакомой женщины с распущенными волосами в длинном белом платье. Завклубом окликнул её, высунувшись из окна по пояс, она обернулась и поманила его рукой, улыбаясь. После этого пропал мужик. Иногда в летнюю ночь из оврага раздавались протяжные звуки, тогда верующие начинали креститься, а атеисты поскорее уходили по домам, как говорится, от греха подальше.

Весной улицы посёлка затапливало вешними водами и пахучими отходами стоящей на горе свинофермы, так они превращались в непролазные хляби. Летом, когда солнцем прогревало землю, по ним ходили гуси с курами, да собаки, сорвавшиеся с привязи, злобно облаивали прохожих, норовя укусить за ногу. А зимой так переметало снежными заносами, что невозможно было пройти, и виднелись только узкие протоптанные дорожки. Старик сидели дома, носа своего не высовывали и смотрели тоскливо в закуржавленные окна на завьюженную улицу.

Марина, высокая, смуглая, со скуластеньким лицом, короткой стрижкой и вздёрнутым носиком, своим смышлёным не по годам умом решила уехать из посёлка, который начал было тихо умирать. Чулочно-носочная продукция не пользовалась особым спросом из-за низкого качества, и зарплату стала фабрика выдавать рабочим своей же залежалой продукцией. На складе под потолок всё было забито неликвидным товаром, и только мышам было здесь привольно. Поначалу там завели несколько котов, отловленных сторожем Петькиным на улицах посёлка, и была надежда, что они изведут серых вредителей. Но усатые не выдержали и вскоре сбежали обратно на волю. Потом Петькин придумал хитроумное устрой-

ство для ловли мышей, но они оказались смышлёнее сторожа и не хотели идти в ловушку.

Директор фабрики Зюйкин под шумок перестройки взял несколько кредитов в областном банке и исчез вместе со своей любовницей главбухом, оставив предприятие кредиторам. В лесу затихли звуки тракторов-трелёвочников, и лесорубы, оставив в домах топоры, подались за заработком дальше на север, где нефтяники бурили матушку землю в поисках чёрного золота.

У Марины первым делом возник вопрос: куда же ехать? В областной город её мать Антонина Борисовна, женщина суровая, не отпускала, она была верующая и каждый вечер молилась за Марину, чтобы злые силы не попутали. Она считала, что в большом городе много разных соблазнов, которые могут сбить с пути ещё не окрепшую душу ребёнка. Антонина Борисовна после нескольких бессонных ночей решила поговорить со своей племянницей Ритой, которая жила в райцентре на берегу реки Камы.

Утром она наскоро попила чай со сливовым повидлом, заглянула в комнату Марины, та крепко спала, подложив под щёку руку, и сладко улыбалась. Тихо притворив дверь, стала собираться: причесалась перед зеркалом в большой комнате, где уже солнечный луч клином пробежал по домотканой дорожке, накинула на голову цветной плат, купленный пять лет назад на ярмарке, и вышла на улицу, чтобы пойти на почтамт, где был переговорный пункт. Солнце уже висело ярким диском вдалеке над лесом, на небе не проглядывалось даже слабого намёка на облака. Дул лёгкий тёплый ветерок.

Сосед Ванька Столбов в столь ранний час уже сидел на лавке возле своего палисадника и курил, окутывая себя едким дымом. Он был погружён в житейские мысли, но, увидев приближающуюся соседку, смахнул с лица грусть, слабо улыбнулся потрескавшимися губами, прошёлся рукой по вздохмаченным вихрам:

— Здравствуй, Борисовна! Куда это ты так рано намылилась, магазины ещё закрыты.

Проходя мимо него, Антонина Борисовна закашлялась от сигаретного дыма, вытерла краешком платка слезливые глаза, укоризненно высказала ему:

— Ты бы, Ванька, поменьше курил! И как ты только терпишь эту отраву? У меня все глаза уже проело. Я-то, думаю, куда тараканы-усачи подевались, а оказывается, ты их выкурил, — она тихо засмеялась собственной шутке.

— Да какие тараканы, Антонина?! Скоро мы сами все отсюда исчезнем. Вчерась смотрел по телику передачу одну умную. Там московский профессор в очках рассказывал, что будто скоро нашей цивилизации конец наступит. Крупный астероид подлетает к Земле, — Ванька стряхнул небрежно пальцем сигаретный пепел на землю, снова затянулся, закашлялся, отчего у него лицо пошло краснотой.

Ему было чуть больше тридцати годков, жил один, мать померла два года назад. Запил он тогда крепко и пил что горит, утром плескал себе в стакан одеколон «Тройной», разбавлял водой и, не дыша, вливал себе в беззубый рот. Зубов лишился после очередной драки с собутыльником Поповым. Пospорили о том, когда наступит коммунизм и, не придя к консенсусу, разодрались. Был у Ваньки один вредный недостаток: выражался он некультурно, почти всегда матом. Переливы русской речи его необученные сотоварищи не понимали и колотили Ваньку чем придётся. До закрытия фабрики он считался почти передовиком, был на хорошем счету у начальства и даже получал почётные грамоты, но случилась в стране перестройка, и жизнь его покатила не под гору, а сразу в пропасть. Пока была жива его мать, она держала Ваньку в ежовых рукавицах, боялся он её сурового характера.

— Вань, а Вань, ты не верь во всякую ахинею. Душа человечья вечна. Ты лучше мне скажи, пошто не женишь-

ся и хозяйку в дом не приведёшь? — Антонине хотелось чем-то поддеть соседа, и она ничего не придумала, как завести старый, уже не первый разговор о женитьбе.

— А мне и так хорошо, сам себе хозяин. Захотелось выпить — сходил до магазина, взял себе водочки или сладкого ликёрчика. Вот недавно покупал, называется «Золотая осень». Чай с ним можно пить вместо сахара. Сиди, смакуй его. А был бы женат, дак мне всю плешь переела бы, — в глазах у него промелькнул шальной огонёк, ему ещё хотелось почесать свой язык с Антониной. Она ему нравилась, хотя ей было уже за сорок, но выглядела она моложе своих лет, грудь налитая выпирает. Он подумал: «Вот одевается, как монашка, — длинная чёрная юбка, блузка застёгнута глухо на все пуговицы, да ещё платок на самые глаза натянет». — Ты бы лучше зашла ко мне, помогла в огороде справиться. Сорняк на грядки полез, всё заросло. Потом чай попили бы вместе, всё веселее вдвоём.

Антонина поняла, к чему клонит Ванька. Она подобрала губы, черноватые бровки сошлись возле тонкой переносицы.

— Поищи себе другую! — недовольно ответила она. — А у меня своих хлопот хватает. Вот Маньку Жгутову с соседней улицы лучше пригласи. Она не откажется тебе помочь по хозяйству. А мне дочку нужно куда-то учиться отправить, не сидеть же ей в нашей дыре. Нам-то уже некуда дальше ехать, можно сказать, конечная остановка, — Антонина поправила головной плат и пошла дальше по глиняной улице, которая тянулась вверх.

Ванька выплюнул сигарету изо рта на землю, затушил носком ботинка:

— Вот тоже мне придумала — Маньку пригласить... Получше-то не нашла кого мне насватать?! — рассердился он и, немного подумав, надрывно крикнул вслед Антонине: — Всё это одна химера! — хотя сам сомневался в значении этого слова.

Антонина пришла на почту, где был переговорный пункт, рано, крепкая дверь, обитая железом, ещё была на замке. Присев на поваленный недавней бурей тополь, задумалась о судьбе Маринки. Отпускать от себя не хотела, любила её больше других, но своим видом и словом не показывала. Если настоять на том, чтобы она жила с ней, дак у девки жизнь не сложится, потом будет проклинать мать. Она тяжело вздохнула и вытерла пальцем на щеке внезапно выскочившую из глаза слезу.

К восьми часам на крыльце почтамта появилась Зинаида, толстая и неповоротливая женщина. На ней было надето зелёное платье под цвет её глаз, на ногах лакированные туфли, вышедшие из моды лет двадцать назад. Волосы прибраны в тугой узел на затылке, открывая покатый лоб. Увидев сидящую Антонину, она улыбнулась полными, немного вывернутыми, губами:

— Ты чего это, Антонина Батьковна, с вечера что ли сидишь?

— Да нет, милая, недавно пришла. Решила посидеть немного и перевести дыхание, что-то сердце стало барахлить, — не вставая с места, откликнулась Антонина, представляя, как сейчас Зинаида повозится со старым замком, откроет дверь с упругой пружиной, потом зайдёт в душноватую комнату с переговорной кабиной, распахнёт окно и дверь, и сквозняк выдует ночную затхлость.

Она ещё посидела минут пятнадцать и увидела, как с соседнего закоулка, прихрамывая, появился в натянутой на самые уши серой панаме сторож Иннокентий. В посёлке его звали непутёвый. Бывает так, что человек рождается не под счастливой звездой, и всё в жизни у него идёт наперекосяк. Антонине не хотелось встречаться с ним. Они когда-то учились в одном классе, и Кеша пытался даже ухаживать за ней. Вечерами, спрятавшись за большим стволом берёзы, подкарауливал её возле ворот дома,

и, как только она выходила, он, словно клещ, цеплялся за руку и не отпускал. Кеша был рябоват, костист в теле, да и к тому же заикался. Его в детстве напугал соседский бык на поскотине. Увидев Кешу в красной рубашке, он, наклонив крупную голову, помчался в его сторону. Тогда всё обошлось, но после этого парень стал заикаться, и в армию его не призвали служить. При встрече с Антониной он хватал её за руку, смотрел небольшими глазками, не отпуская, начинал жалиться на свою жизнь и, как правило, заканчивал дрожащим голосом: «Эх, Т-т-тоня, Т-т-тоня, не п-п-пошла за м-м-меня замуж, а мы бы так кра-а-асиво жили, я бы т-т-ебя на руках н-носил». Лицо у него от напряжения скукоживалось, становилось маленьким, и говорил он с таким усилием, что казалось, последние силы выкладывает.

Она проворно встала, отряхнула подол юбки от прилипшей древесной коры и торопливо пошла по дорожной пыли в переговорный пункт.

Соединили быстро, и невидимая телефонистка предупредила, что у них десять минут разговора. Антонина зашла в деревянную кабину, плотно прикрыв дверь, взяла потной от волнения рукой трубку телефона, прижала к уху и присела на стул.

— Рита, здравствуй, голубушка! Как ты меня слышишь?

— Да слышу тебя хорошо, тётъ Тонь, будто совсем рядом разговариваем, — голос Риты был по-утреннему свеж и звонок. Ей недавно исполнилось двадцать лет, и она собралась выходить замуж, свадьбу решили сыграть осенью ближе к Покрову дню. Она работала ткачихой на фабрике. Выделили ей место в общежитии, и в профкоме пообещали, если появится ребёнок, то дадут однокомнатную квартиру.

— Рита, перейду сразу к делу, чтобы не тянуть время.

— А что случилось, тётъ Тонь? — взволнованно спросила племянница, в голосе проскользнула тревога.

— Да ничего особенного. Живём, всё по-старому, без перемен. У меня к тебе просьба будет.

— Какая?

— Нужно Марину где-то в городе пристроить, она недавно школу закончила. Не жить же ей в посёлке, работы нет, одни только обещания слышим.

— Без проблем. Всё устроим. У нас есть профтехучище, сейчас как раз идёт набор на ткачих. Обучение два года, и работа гарантирована. Пока учится, будет получать стипендию, бесплатное питание. Ей, я думаю, подойдёт, — успокоила свою тётку Рита.

Антонина облегчённо вздохнула и смахнула рукой бисеринки пота со лба.

— Ну а ты-то как? — поинтересовалась она у племянницы. — На свадьбу свою пригласишь?

— Конечно! Даже отобью телеграмму, — Рита хотела ещё что-то сказать про своё бытие, но в трубке зашуршало, тёткин голос отдалённо пропал, и в разговор вмешалась телефонистка: «Ваше время истекло».

Антонина радостно вздохнула, ей даже показалось, что будто с плеч спал непосильный груз. Посидела немного на жёстком стуле, приводя мысли в порядок.

— Ну как племяшка у тебя? — с нескрываемым интересом спросила Зинаида, увидев выходящую из переговорной кабины Антонину. Она сидела, широко расставив ноги, полные груди покоились на столе. Пока клиентов в ранний час не было, она безразлично смотрела в окно.

Мимо окна проскочил на коричневом велосипеде паренёк лет двенадцати, на голове у него была кепка с длинным загнутым вниз козырьком. Худые ноги торчали из широких закатанных до колен штанов. К раме была привязана бамбуковая удочка, к багажнику приторочена

холщовая сумка. Он усердно нажимал на педали и, не заметив кочку, подскочил передним колесом, ткнулся головой вперёд и свалился набок.

«Вот дуралей, кататься не умеет», — с усмешкой подумала Зинаида, она оторвалась от созерцания заоконной обыденной провинциальной жизни и хотела пораспрашивать Антонину о племяннице. Рита тоже жила когда-то в посёлке, после окончания восьмилетки собрала маленький чемоданчик и уехала в поисках лучшей доли.

— Да всё вроде бы разрешилось, — с осторожностью в голосе ответила Антонина, зная, что эту новость Зинаида быстро разнесёт по посёлку. Она остановилась возле порога, собираясь выйти, но надумала спросить у Зинаиды, как прошла свадьба у младшего брата Степана в прошедшие выходные.

— Много гостей-то было?

— Да человек, наверное, тридцать, даже приехали родственники невесты из деревни. Уж очень шумные, да голосистые, всё норовят вперёд тебя сказать, — на Зинином лице промелькнула недовольная ухмылка. — Не любим мы таких. Мы спокойные, орать по пустякам не любим. А они, как выпили, такой хай подняли, будто сейчас громыхнёт с неба.

— А невеста-то как, понравилась вам?

— Девчонка вроде бы хорошая, на личико такая смазливая, губки бантиком, только молчаливая, всё сидела глаза долу опустив. Стёпке с ней жить. Ежели выбрал, то по душе пришлась. Да она уже на сносях, живот выпирает.

— А водки много покупали? — всё испытывала Антонина, ей было интересно, как прошла свадьба. Она сама не была откровенна и старалась скрывать от людей некоторые события в жизни своей семьи.

Зинаида подняла голову и смотрела на Антонину не моргая, будто просвечивая невидимыми рентгеновскими лучами.

— Два ящика «Столичной» брали в сельповском магазине да вина несколько бутылок. Так что всем хватило. Было весело и плясали почти всю ночь. Баянист Серёга Лосев так наяривал, что ноги сами в пляс пускались. Уж под самый занавес свадьбы Вася Кочубеев нажрался так, что ничего не понимал и привязался к одному мужику: ему показалось, что тот слишком много уделял внимания его супружнице, ну и дал ему за это в глаз кулаком. Эти дуралеи вцепились, как коты, аж волосы полетели, рубашки изодрали другу другу в клочья. Еле растащили, даже пришлось ведро воды из колодца набрать да их окатить, — и, как бы подводя черту, Зинаида вздохнула: — Можно сказать: свадьба удалась! Не хуже, чем у других.

— Ну, я пойду, пожалуй, — Антонина потопталась на месте, натянуто улыбнулась и, перешагнув высокий порог, оказалась в светлом и прозрачном дне.

Через неделю Марину встречала на автовокзале двоюродная сестра Рита. Она стояла возле киоска с мороженым и внимательно разглядывала выходящих пассажиров из автобуса, увидев Марину с дорожной сумкой, помахала ей рукой и заспешила навстречу.

— Привет, Маринка! — она обхватила её за плечи и притянула к себе, чмокнула в щёку. — Да ты совсем взрослая стала, если бы встретила в городе, прошла бы мимо, не узнала. Ты какая красавица! Я ведь когда уезжала из посёлка, ты в пятом классе училась. С большим портфелем в школу ходила.

Мимо них прошёл вихлястой походкой коренастый молодой парень в пёстрой рубашке, поигрывая ключами от машины.

— Барышни, вас не нужно подвезти, машина свободная, да и немного возьму, — он натянуто улыбнулся, показывая передние крупные зубы, затем поёрзал хитрыми глазками по ним, но, видимо, понимая, что девушки с ним

не поедут, повернулся в сторону и ввинтился в толпу в поисках клиентов.

— Сейчас сразу пойдём в нашу шарагу, — сказала Рита, поморщилась, будто от зубной боли, провожая взглядом уходящего парня. — Вот от таких нужно держаться подальше. Уяснила, сестрёнка?

— Да, поняла... Поняла! Тип какой-то неприятный. А куда, куда мы сейчас пойдём? — Марине хотелось поскорее уйти с вокзала и посмотреть город.

— Это так у нас называют ГПТУ, так что привыкай к городской речи, это не наш посёлок, где по улицам козы да свиньи бегают. Ну, пошли, сестрёнка, я уже договори-лась насчёт тебя. Документы сдашь, получишь прописку — и вперёд за знаниями, — Рита подхватила сумку, и они пошли по улице, делясь последними новостями.

На вахте в общежитии дежурил пожилой носатый мужчина с кроличьими глазами, он подрёмывал, подперев крупный подбородок ладонью. Услышав, как стукнула входная дверь, и торопливые шаги, встрепенулся, часто захлопал ресницами, сделал строгое казённое лицо:

— Вы куда идёте? — поднялся с места и стал выходить из-за стола навстречу к ним.

— Коменданта ищем, — уверенно ответила Рита, поставив сумку на пол, и перевела дыхание. — Марина, ты пока присядь вон там, на лавке возле окна.

Вахтёр посмотрел на них красными глазами из-под тяжёлых век, потянулся рукой к телефону:

— Сейчас Ираиде Геннадьевне позвоню, она спустится и проводит в комнату, — вахтёр накручивал диск пальцем, толстым как сосиска. — Аллё, говорит Поездов с вахты. Тут новенькая приехала, вас подождать или она сама пройдёт? — услышав, что сказала комендант, он аккуратно положил трубку, пригладил седые волосы на голове, поморгал ресницами и показал рукой на лестницу: —

Вот здесь подниметесь на третий этаж, повернёте направо, там найдёте Ираиду Геннадьевну, на двери есть табличка, — он посмотрел, как они поднимаются по ступеням в коротких платьях, сел обратно на стул, снова подпёр голову рукой, закрыл глаза.

Робко постучав, Рита заглянула в комнату:

— Можно зайти, Ираида Геннадьевна?

— Проходите, я свободна, — комендант общежития сидела за столом, заваленным бумагами, подняла голову с короткой стрижкой и обесцвеченными волосами, посмотрела на входивших глубоко сидящими голубыми глазами и всплеснула руками: — Ах, это ты, Маргарита! Тебя даже не узнать, волосы отрастила, просто краса. Как время быстро летит, ты же совсем недавно училась у нас, — она достала очки из коричневого футляра в золотистой оправе и водрузила на нос с небольшой горбинкой. — А это кто с тобой? — поинтересовалась комендант, хотя предполагала, что это новенькая.

Рита обернулась к Марине, которая стояла, опустив голову, разглядывая мыски своих недавно купленных туфель.

— Сестра моя двоюродная, приехала из посёлка и хочет учиться на ткачиху. Скромная она у нас. В школе училась хорошо, да и поведение примерное.

Комендант поднялась суховатым телом, мягко подошла к стеклянному шкафу и взяла ключ от комнаты:

— Вот вам ключ. Комната на втором этаже, там уже живут девчонки, так что не скучно будет. Только не баловать! — в её голосе прозвучала строгость. — Идите, у меня работы много, была инвентаризация.

Прошло два года, и позади остались учёба и практика на фабрике. Марина повзрослела и с лёгким недоумением на лице вспоминала, какая она была

В ткацкий цех работать не пошла, слишком шумно, да и всю смену на ногах. Походила по городу в поисках

подходящей работы, но, не найдя ничего, устроилась в детский сад помощником воспитателя. Сняла комнату у одинокой женщины Симы на окраине в многоэтажном доме. Хозяйка, позавтракав, уходила в хилый скверик недалеко от дома, там они с соседскими пенсионерками обсуждали в основном последние новости, не понимая, что происходит в стране. По телевизору выступал большеловый с редкими, будто мокрыми волосами, полным лицом с отвислыми щеками министр и говорил на каком-то языке, вспоминая ваучеризацию, слияние капиталов, интеграцию в страны запада. Они видели всю эту интеграцию на пустых полках магазинов, а ваучеры, как только получили, отнесли на развитие фабрики. Вечером Сима закрывалась в комнате и что-то делала, шуршала бумагами да громко разговаривала сама с собой.

Марина писала матери письма, что работает ткачихой и всё у неё хорошо. Она случайно познакомилась с Васей Перепёлкиным по прозвищу Резаный, его ещё на малолетке отметили ножом. И эта встреча чуть не сыграла с ней злую шутку.

Вася был невысокого роста, с лицом простого деревенского парня и светлыми, почти ржаного цвета глазами, крепко сбитый, с железными кулаками. Ходил он широко ставя ноги и размахивая руками, поводя плечами. Его боялись, когда он появлялся в ночном баре «Алмаз», куда зачастила Марина со своей подругой Ольгой Крикулёвой. Вася садился в дальний угол с друзьями, они заказывали выпить водки и баночного пива. Деньги у него всегда водились, ходили слухи, что он крышевал местный рынок и несколько железных ларьков, торгующих водкой и сигаретами.

В зале было сумрачно, играла тихо музыка, слышались приглушённые голоса. За стойкой бара стоял усатый полный мужчина в бежевой водолазке, его небольшие

хищные бесцветные глазки быстро скользнули по девушкам. За длинные отвислые усы и нос картошкой все звали его Бульбой, он приторговывал палёной водкой и всякой наркотой. Марина с подругой заказали у него по бокалу красного молдавского вина. Бульба достал бутылку с полки и ловко штопором открыл её.

— Если мало будет, то подходите, я ещё вам налью за счёт заведения, — Бульба широко открыл бесформенный рот, блеснул золотой коронкой под верхней губой. Он давно работал в баре, знал всех посетителей и мог их тотчас оценить. На этих девушек он сразу обратил внимание, они в его злачном заведении появились впервые. Некоторые заглядывали один раз, потом другой и так затягивались в круговорот ночной жизни, из которого кто-то не мог вынырнуть.

Девушки сели за свободный столик недалеко от компании Перепёлкина, до них доносились их громкие разговоры, подогретые алкоголем.

— Ты, паря, чешешь, словно сказочник, — насмешливо сказал высокий парень с длинным носом на худощавом лице своему соседу по столику с большим черепом, покатым лбом и густыми чёрными бровями.

— Да, ей-богу, не вру тебе, Толян! — он повернулся лицом к говорившему и упёрся в него тяжёлым взглядом: — Сам не гони пургу, а я за свои слова отвечаю, — сделал хмурое лицо и отвернулся. Затем взял в руку бутылку водки, стал разливать по бокалам.

— Харэ, — положил ладонь на край бокала Перепёлкин, — мне за рулём сидеть. Нужно будет заехать в пару киосков, они что-то валандаются с расчётом. Сейчас посидим и поедem к ним, пока они не закрылись. Слушай, Атос, — сказал он высокому парню, — сходи и пригласи этих мамзель к нам посидеть. Вон они рядом сидят и скучают, — кивнул головой в их сторону.

— Сейчас, босс, сделаю, айн момент! — он проворно встал и вихляющей походкой, словно вместо суставов стояли металлические шарниры, подошёл к столику, за которым сидели девушки.

— Вам не скучно, миледи? — наклонился к ним, и на Марину пахнуло застарелым перегаром, она отвернулась в сторону, будто искала в зале знакомых. — Да ты не отворачивайся, когда с тобой разговаривают, — его гнусавый голос прозвучал грубо и уверенно. — Поднимайтесь и идите к нашему столику. Дважды повторять не буду.

— Вот так-то лучше, — сказал, довольный появлением двух симпатичных девушек Перепёлкин. — А то нам тоскливо стало.

— А мы не в цирке работаем, чтобы вас веселить, тоже мне нашлись ухажёры, — набравшись смелости, резко ответила Марина и сначала побледнела лицом, потом по нему пошли красные пятна. Ей хотелось как можно скорее уйти из-за столика, она посмотрела на Ольгу. Та сидела с каменным серым лицом, не шевелясь, словно находилась под гипнозом, и была напугана.

— Ладно, не кипятись, подруга, — Перепёлкин положил свою руку ей на колено. — Всё будет хорошо. Как тебя звать-величать? — спросил он.

— Марина, — почти прошептала девушка, почувствовав сухость во рту.

— А я тебя буду звать Марго, так тебе больше подходит. Ты красивая. Посидите с нами, потом отвезу вас по домам, — он повернулся к Ольге и посмотрел ей прямо в глаза: — И ты с нами поедешь. Поняла?!

Та промолчала, сделала круглые удивлённые глаза и только закивала головой. Ей было всё равно, она думала, скорее бы всё закончилось, желая оказаться дома.

Сидевший молча Атос вдруг загоготал, застучал ногами под столом, издавая нечеловеческие звуки.

— Ну, кончай ржать, ты не лошадь Пржевальского, — осадил его Перепёлкин. — Веди себя достойно, ты в хорошем обществе находишься, а не у себя дома.

От таких слов Атос насупился, надул щёки и наклонил голову вниз. Ему было обидно, в душе он недолюбливал Перепёлкина за унижения, но одновременно и боялся его: тот был непредсказуем и мог в любое время ударить.

Компания ещё посидела, они выпили всю водку, и на выходе Перепёлкин подошёл к Бульбе, наклонился к нему, положил руку на плечо и о чём-то заговорил. Бульба кивнул усатой головой, шмыгнул носом, вышел в соседнюю комнату, пробыл там несколько минут и, выйдя, незаметно для посторонних глаз сунул небольшой пакетик в руку Перепёлкину. Ещё раз они обменялись взглядами и довольные разошлись в разные стороны, будто незнакомы.

Они не заметили, как за ними вёл наблюдение опер из отдела по борьбе с наркотиками. Он сидел за столиком один, низко наклонив белобрысую голову, будто что-то разглядывая на столешнице, мямлил губами, но исподлобья смотрел на них. Перед ним стоял графинчик с водкой и нехитрая закуска из квашеной капусты с оливками. Как только Перепёлкин с компанией вышел из бара, он встал и, покачиваясь, как пьяный, двинулся к выходу и скрылся за углом.

Ночь торжествовала темнотой. Освещения возле бара не было, и только падал на асфальт слабый свет от далёкого фонаря. На улице было пустынно, промелькнул неясный силуэт мужчины и исчез, постукивая тростью.

Компания села в две машины: одна была «Мерседес» с фирменной эмблемой на капоте, вторая неизвестной марки с большими фарами. Они доехали до центра города, где стояли в ряд несколько железных ларьков, остановились. Вышел один Перепёлкин, размашистой походкой

вошёл в ближайший, где горел неярко свет. Стукнул несколько раз рукой условный знак, дверь немного открылась, и оттуда высунулась лохматая мужская голова. Увидев Перепёлкина, мужчина впустил его внутрь и захлопнул дверь. Вася пробыл там недолго и вышел с улыбкой на лице. Сел в машину, провёл по лицу пятернёй, будто стирая воспоминания:

— Всё, ладушки, Лёвка рассчитался за неделю, и выручка у него неплохая была. Народ перед праздником водку брал. Он же, барыга, палёную водяру привозит. А сейчас поедет к Толику, — повернулся телом назад. — Точно, Толян?

— Нет вопросов. У меня хата пустая, — недовольно промямлил Толян мягкими губами, он, знал, чем могут закончиться вечерние посиделки. На неделе приходил участковый: жаловались соседи на пьяный шум по ночам. Он предупредил, что если будут и дальше жалобы поступать, то по статье отправит его в места не столь отдалённые и попросил зарубить себе этот факт на длинном носу. Толян сразу понял, что красивая жизнь может закончиться и не хотел напрягать своим беззаботным поведением соседей.

У Толяна в квартире словно прошёлся ураган и всё вынес через окно. Посредине пустой комнаты стояли старый обшарпанный квадратный стол и два стула. Одиноко висела лампочка накаливания на скрученных проводах. Штор на окнах не было, и в комнату заглядывала луна, желтея в провале аспидного неба. Было даже немного жутковато, будто космос смотрел на тебя. Продавленный диван с подушкой напоминал о некогда счастливой жизни хозяина. Жена ушла полгода назад, забрав с собой маленького сына, кота Барсика и почти всю мебель, оставив Толяну память о семье. Терпение у неё закончилось, когда он перешёл от водки к наркотикам. Ими исправно снабжал Перепёлкин.

Сели по-деловому за стол, а девушек посадили на диван, откуда они поглядывали испуганными глазами горных серн.

— Наливай, — положив на стол руки, сердито буркнул Перепёлкин, покосился глазом на девушек. И уверенная рука Толика, витая в воздухе, стала разливать водку по стаканам. Из закуски было только два зелёных банана да три йогурта. Ложек не было, Перепёлкин предложил девушкам выпить водки и запить целебным йогуртом. Так они и сделали, долго не сопротивлялись, зная, что Толян закрыл дверь на ключ и положил его в карман брюк.

— Марго, иди ко мне, — небрежно позвал Марину Перепёлкин, отодвигаясь от стола и предполагая, что она сядет ему на колени.

Марина, посерев лицом, подтянула ноги на диване, съёжилась телом, будто в коконе, зыркнула на него сердитыми глазами:

— Не пойду, мне и здесь неплохо. Я домой хочу.

Поиграв желваками, не привыкший к отказам Перепёлкин указательным пальцем почесал шрам на лице, рубец побледнел, в нём где-то внутри закипала злость.

— Значит, не хочешь, так? Ну-ка, Атос, приведи ко мне эту даму, я хочу с ней потолковать.

Тот сидел отрешённо, но, когда услышал своё имя, лицо напряглось, большой кадык под подбородком судорожно дёрнулся и надулся под кожей, глаза сузились и превратились в тонкие щёлочки. Он проворно встал, отодвинул стул ногой и направился к Марине. Половицы под его ногами скрипели.

— Пошли, кому говорю! У нас не принято два раза повторять, — грубо схватив Марину за руку, потянул к себе.

— Да отпусти же, мне больно, — Марина отмахнулась от Атоса и сама пошла к Перепёлкину. Он криво ухмылялся. Глаза стеклянно смотрели на девушку.

— И запомни, Марго, раз и навсегда: пока я здесь, всё будет по-моему. А будешь рыпаться, посажу тебя на наркотики, а оттуда только один путь. Так, пацаны?

Атос с Толяном залыбились и дружно закивали головами. Они-то знали, чем закончила предыдущая его подруга. Сначала поили водкой, затем посадили на героин, а когда она стала невменяемая, ходила по квартире голая и кричала во весь голос: «Дайте мне крылья! Я хочу улететь! Дайте же!» — то освободились от неё, отвезли за город и бросили на дороге.

Толян от выпитого покраснел, его слегка штормило, он икнул, пошарил выпученными глазами по столу и, не найдя ничего, зевнул широко:

— Васёк! — обратился к Перепёлкину. — Я слышал, что цыгане из Нахаловки стали торговать героином с тальком — это не дело. Как ты думаешь?

— Это полный швах, если так обстоят дела. Но я знаю место, где можно отовариться чистым, без примесей. У цыган свой бизнес, вмешиваться не будем, и свой шнобель туда не суй. У тебя есть чем ширнуться?

— Нет, нету, сегодня я пустой, — вяло ответил Толян, хотя ему хотелось принять дозу и улететь в галактику ближе к звёздам. Забыть о семейных проблемах, увидеть цветущий мир, как в калейдоскопе, в который он любил смотреть в детстве.

Внезапно Перепёлкину позвонили на сотовый телефон. Он сидел на стуле, покачивая ногами, обутыми в кроссовки «Найк», медленно приложил трубку к уху, закивал головой. Закончив разговор, он поднял большой палец вверх, указательный вытянул вперёд и, нацелив руку на Толяна, произнёс: «Пуф, пуф!» — и засмеялся, широко открыв рот.

Толян вздрогнул глазами, поморгал, понял намёк, пошёл к дивану, согнал с него девушек и достал старую

двухстволку и несколько патронов, их засунул в карман. Замотал ружьё в сероватую простыню, молча пошёл к двери. Вскоре все бандиты уехали, забрали с собой Ольгу. Её высадили из машины на ходу возле ближайшего перекрёстка, она, обрадовавшись, скинула туфли и босиком побежала что есть силы по улице. Ольга встретится с Перепёлкиным только через два месяца в суде. Он будет сидеть в железной клетке вместе с барменом из ночного клуба и исподлобья смотреть в зал на людей.

Марину не выпускал Толян из квартиры почти неделю, утром приносил в разовой посуде еду на весь день, запирали за собой дверь на два оборота и исчезал. Последние два дня он не показывался, и ей стало страшно. И только случай помог ей обрести свободу. Оказывается, Перепёлкина взяли вместе с барменом Бульбой с наркотиками, когда те покупали партию для продажи. Они сидели в камере под стражей, пока велось следствие. Атос с Толиком быстро испарились в неизвестном направлении и не уведомили Марину о своих планах. Они, впрочем, никогда джентльменами не были. Ходили потом по городу слухи, что скрывались в подземных крымских катакомбах.

Дверь квартиры была закрыта на ключ, окна зарешёченные, и Марина не могла выйти, она стучала в дверь кулачками, плакала во весь голос, размазывая по лицу слёзы, от отчаяния пинала с разбегу, но всё попусту. Пробовала кричать, но сорвала голос и только сипела. Еда закончилась, и она грызла сухие макароны, запивая холодной водой из-под крана. Соседи, напуганные Толяном, вели себя смирно, на посторонние звуки не откликались и из квартир лишний раз не выходили.

Помог ей освободиться молодой белобрысый опер Золотарёв, который пришёл вместе с понятыми — двумя ветхими пенсионерами из совета ветеранов труда (они уже не боялись ничего) — провести обыск. Он внимательно

посмотрел на неё почти зелёными глазами, записал в блокнот координаты, попросил пока никуда не уезжать и прийти в отдел по повестке для дачи показаний.

Так закончилась весьма благополучно для Марины неприятная история, которая могла бы иметь непредсказуемые последствия.

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Никифор Мурин по прозвищу Волдырь шёл к железнодорожному вокзалу в поисках выпить. В животе горел адский огонь, в голове стоял звон, такой же можно было только услышать в Пасху, когда бьют в большой колокол. День только зарождался, Никифор поднял голову, моля про себя, чтобы хотя бы немного пролился дождичек, но небо было чисто-голубым, будто выстиранный ситец, и по нему медленно плыли розовые облака. Несколько дней стояла невыносимая жара, такая, что даже асфальт плавился, и Мурина чуть не хватил солнечный удар. Он подходил к железнодорожному вокзалу, на фасаде большие часы показывали восемь часов утра. Никифор сглотнул слюну и вошёл в зал ожидания, в углу бил фонтанчик питьевой воды. Наклонив низко голову, стал жадно ловить пересохшими губами упругие струйки. Плеснул на лицо горсть воды, вытерся носовым платком. Глазами пошарил в поисках знакомых, но, не найдя никого, вышел обратно. Ему хотелось опохмелиться, казалось, что может просто умереть, в груди сердце молотило и скрипело, словно неисправный механизм, он остановился возле скамейки, на которой сидела пожилая худосочная седоватая женщина с горбатым носом. Она презрительно блеснула глазами, подвинула ближе к себе холщовую сумку зеленоватого цвета. Никифор некоторое время размышлял, присесть на эту скамейку или идти к другой, на которой молодая пара беззастенчиво целовалась, девушка сидела у парня на коленях, обхватив руками его стриженую голову. Никифор почесал затылок, посмотрел на женщину как-то виновато:

— Извините, пожалуйста, я присяду и не буду вам мешать.

— Садитесь. Мне абсолютно без разницы, — женщина повела плечами, закинула одну ногу на другую и стала ею покачивать, отвернувшись от него. На голове была туго накручена седоватая коса.

«Какая раздражённая дамочка», — грустно подумал Никифор, присел на край скамейки и вздохнул глубоко свежим воздухом, вытянул вперёд ноги в старых, давно не мытых китайских кедах. Брюки на коленях замаслились и пузырились. Синяя джинсовая рубашка, некогда подаренная свояком Гришкой, протёрлась на локтях, и была видна его смугловатая кожа.

Никифор откинул голову назад, стал наблюдать за плывущими по небу лохматыми облаками. В детстве, когда жил с родителями летом в деревне, забирался на крышу сарая и любил смотреть часами в небо. Облака были похожи то на парусник, мчащийся по океаническим волнам, то на слона с хоботом. Маленький мальчик мечтал, что когда вырастет, то обязательно полетит туда за облака и будет космонавтом. Иногда там сладко засыпал, и мать, взволнованная тем, что давно нет сына, кликала во дворе, затем залезала по лестнице на крышу и будила его.

Никифор бросил взгляд на вокзальные часы, стрелки замерли: маленькая на девяти, а большая на двенадцати часах. В это время обычно подходил скорый поезд Владивосток — Москва, стоянка была полчаса, и пассажиры выходили размять ноги, а мужчины покурить на перроне. Засуетились бабки, они тоже поджидали поезд в тени деревьев и, как только состав будет притормаживать, сразу, словно горох, высыпая ближе и станут предлагать купить у них горячие пирожки с яйцом и луком, варёную картошку, а кто-то из-под полы и водку.

Никифор провёл ладонью по щетинистому лицу, откинул русые волосы к затылку. Хотел высморкаться

в урну, но постеснялся женщины. Встал со скамейки и поплёлся ближе к перрону, там должен появиться с минуты на минуту его хороший знакомый Вадька Тихомиров. Его сократили два года назад с фабрики детских игрушек, там работал слесарем пятого разряда, числился на хорошем счету и каждый год ездил вместе с женой по профсоюзной путёвке на Чёрное море. А Никифор был уже на пенсии, двадцать лет отработал на Крайнем Севере и по льготе ушёл раньше на заслуженный отдых.

Когда у Никифора закачивалась служба в армии, их несколько дембелей вызвали в красный уголок, и замполит автомобильного батальона майор Курицын представил низкорослого мужчину в синем добротном костюме, начищенных чёрных штиблетах. Он протёр круглые очки и водрузил их на крупный, мясистый нос, вытащил из кармана пиджака пухленькие руки и начал говорить вкрадчивым голосом:

— Товарищи военные! Скоро у вас закончится срок службы, и я хочу сделать вам предложение, — он выдержал по-актёрски паузу, затем обвёл всех взглядом, продолжил: — Я представитель северного управления, и нам нужны надёжные водители; обеспечим подъёмными, жильём в общежитии и новыми машинами. Так что подумайте, и кто согласен, то можно оставить заявление майору Курицыну.

Поднялся с места цыганистого вида с кудрявой шевелюрой ефрейтор Артём Ноговицын, он некоторое время молчал, собираясь с мыслями, потом, краснея, спросил:

— Какая будет зарплата и можно ли будет пригласить с собой девушку? — ему хотелось разузнать, стоит ли ехать так далеко на север, у него была подруга, которая ждала его и писала ежедневно письма.

Представитель северного управления широко улыбнулся, показывая передние желтоватые прокуренные зубы:

— Зарплата будет достойной, будете получать аванс и окончаловку. Ну а девушку обязательно с собой возьмите, ей тоже найдём работу. Там как раз их не хватает.

После его слов в красном уголке прошелестел смех. На гипсовую голову вождя мирового пролетариата Владимира Ленина кто-то надел армейскую пилотку. Как всегда, вождь был задумчив: где же разжечь пламя революции.

Никифор тогда не спал с полночи, всё думал, взвешивал. Мыслям было тесно в его голове. Он призывался из уральской деревни и работал шофёром в колхозе. В армию пошёл как на именины. Возвращаться обратно не хотелось, не было перспективы, а тут такое предложение: денег скопит, в городе купит квартиру и тогда можно будет думать о женитьбе. Утром он написал письмо родителям и решил, что после их совета примет окончательное решение.

Север встретил Никифора сильным пронизывающим ветром, он с трудом нашёл почти заметённое деревянное здание конторы и, сильно дёрнув дверь, оказался внутри. Веником смахнул с кирзовых сапог налипший снег и шагнул вперёд, не предполагая, к кому идти. В узком коридоре было три двери, обитые толстым войлоком. Одна дверь справа была приоткрыта, и свет узкой полосой стелился по давно не крашеному полу, половицы были истёрты сапогами. Никифор потоптался на месте, решая, зайти или нет, как дверь распахнулась, в проёме стоял высокий мужчина, заросший по самые глаза рыжеватой бородой. Он смерил взглядом Никифора, запустил пятерню в бороду:

— Вы ко мне? — спросил он басом.

— Я ищу отдел кадров, — что-то заробел Никифор.

— После армии сразу к нам? Весьма похвально, — рыжебородый смотрел на него почти не моргая, в глазах

мелькал неподдельный интерес. — Я начальник отдела кадров Соснин Иван Сергеевич, будем знакомы, — протянул лапистую сильную кисть.

— Так точно! — коротко по-армейски ответил Никифор.

— Вижу, вижу, молодой человек. Проходите ко мне, а я пока за чаем схожу, — он зашёл обратно в кабинет, взял синий эмалированный чайник и вышел за дверь.

Никифор сидел в небольшом хорошо протопленном кабинете. Узкое окно затянуто морозной паутиной. На столе громоздилась чёрная печатная машинка с заправленной бумагой, в углу находился большой с двумя ручками серый сейф, на котором стоял отлитый из чугуна бюст поэта Есенина.

Вскоре в кабинете появился Соснин, он держал чайник в одной руке, а в другой на тарелке грудились бутерброды с колбасой. При виде еды у Никифора засосало в желудке, он толком не ел вторые сутки, пока добирался до северного управления.

Пока пили чай, хозяин кабинета расспрашивал об армейской службе, о дальнейших планах на жизнь.

— Все мы приехали работать сюда, осваивать полезные ископаемые, нужные народу, — заключил начальник отдела кадров, выписывая трудовую книжку Никифору. — Сейчас идёшь прямиком в общежитие, найдёшь там коменданта Елькину Марию и там оставишь свои вещи. А дальше твой путь в гараж к механику Игнатову, он тебе покажет машину, и с завтрашнего дня приступаешь к работе. Понял?

Никифор встал со стула, вытер пальцами уголки губ и молча мотнул головой.

— Ну тогда иди! Думаю, не пожалеешь, что приехал на Север, он хоть далёкий, но свой, — с этими словами начотдела проводил его до двери. — Да, и передай

пламенный привет Маше Елькиной, — он дружески похлопал Никифора по плечу и закрыл дверь.

Никифор отработал уже год на Севере. Платили хорошо, он посылал часть денег родителям, а другую хранил в сбербанке. Машину ЗИЛ-130 получил хоть не новую, но вполне исправную, и она не подводила его в дороге. Перед поездкой вечером сходил к диспетчеру за путёвкой, потом заехал на склад, где грузчики — молодые парни быстро загрузили оборудованием, заправил полные баки бензином, чтобы рано утром выехать в дорогу.

На следующее утро, как только появился слабый мутноватый рассвет, Никифор быстро перекусил в комнате остатками вчерашней каши, выпил стакан кофейного напитка, оделся потеплее и вышел на улицу. Мороз ментально защищал нос, и трудно было дышать. Машина стояла в тёплом боксе и сразу завелась, как только он повернул ключ зажигания. Нужно было ехать до буровой двести километров в один конец, и Никифор думал вернуться в тот же день обратно.

Проехал уже половину пути, как двигатель машины стал глохнуть на ходу. Никифор остановил машину, двигатель работал на холостых оборотах неровно, он вдавил педаль газа до упора, обороты не набирались, и автомобиль заглох, захлебнувшись. У Никифора неприятно в груди ёкнуло сердце: остаться на северной трассе одному в такой мороз...

Открыв дверь кабины, он спрыгнул на снег, в глазах зарябило от яркого солнечного света. Кругом стояла молчаливая тишина. Поднялся на бампер, открыл капот. Двигатель ещё был горячим. Проверил свечи, потом снял крышку трамблёра, всё было в порядке. Никифор сел обратно в кабину и попробовал снова завести машину, стартер несколько раз взвизгнул и замолчал.

Недалеко росли хилые сосенки, взяв топор, он пошёл по глубокому снегу нарубить веток, чтобы развести костёр. Плеснул на сложенные стволы бензином, поджёг спичкой. Так он прождал день. Наступила ночь, Никифор всматривался в глухую темень, чтобы разглядеть огоньки проезжающей машины, но в тот день по трассе никто не ехал. Ночное небо было усыпано яркими звёздами, они в сильный мороз сверкали неоновым обжигающим холодом. Никифор стал жечь автомобильные колёса, руки уже плохо слушались, когда он откручивал гайки. Стало тянуть в сон, он привалился спиной к машине, как ему показалось, на минутку и прикрыл веки, запорошённые инеем.

Его нашли почти окоченевшим вахтовики, они оставались возле машины и, увидев Никифора, быстро занесли в салон. Сняли с него одежду и стали протирать холодное тело спиртом. Крупный мужчина в вязаном свитере разжал ему зубы и влил спирт.

Вахтовики довезли его до поселковой больницы и занесли в приёмный покой. Пролежал Никифор в травматологическом отделении почти две недели. Обмороженное лицо было сплошным волдырём, так к нему это прозвище и прилипло.

Когда началась перестройка в стране, Никифор лишился жены. Пенсию задерживали по несколько месяцев. Деньги, припасённые дома на чёрный день, стали таять, как прошлогодний снег. Жена через полгода уехала к родственникам в деревню, оставила короткую записку: «Если хочешь, то приезжай ко мне, а так один пропадёшь. Подумай хорошо». Никифор смахнул от обиды и жалости к себе набежавшую слезу с небритой щеки и бессмысленно уставился в окно. В нём летали вороны, они жили на деревьях во дворе, и там их была целая стая. Потом отошёл от тягостного короткого летаргического сна, прошёл на кухню, достал из настенного шкафа припрятанную

бутылку водки и, не наливая в стакан, стал пить из горла. Водка была тёплая и противная на вкус, она текла мимо рта и капала на полированный стол, когда-то сделанный им. Он не мог простить жене такого предательства, хотя она в первое время часто звонила ему и напоминала, чтобы он приехал к ней. Но душа Никифора безмолвствовала. Так началось тихое и почти незаметное падение вниз, в омут хлипкого и смурного пьянства.

Никифор торопился к поезду Владивосток — Москва и надеялся увидеться со своим закадычным другом Вадькой Тихомировым. Люди стояли на перроне и смотрели в сторону, откуда должен появиться поезд. Он со спины сразу узнал Вадьку, тот стоял, немного подавшись вперёд, и из-за спины мужчины смотрел на пути. Красный локомотив вынырнул из-под автомобильного моста, проехав вперёд, мягко остановился. Никифор подошёл к Вадьке и похлопал его по костистому плечу, тот как-то испуганно вздрогнул, вжал голову в плечи.

— Ну ты что? Так ведь может кондратий хватить! — возмутился он, краснея лицом, и протянул липкую от пота руку. На Вадьке были надеты клетчатый пиджак и синяя рубашка с планкой. Мягкие большие губы и немного горбатый нос на лице с тонким подбородком выдавали в нём безвольного человека. Какая-то томительная тоска сидела в его глазах, и не было той силы, которая могла излечить его. Жизнь била его и ломала через колено, он не сопротивлялся, подчиняясь обстоятельствам.

С Никифором они познакомились в одной рюмочной на оживлённом городском перекрёстке. Находилась она на первом этаже жилого пятиэтажного дома, и о ней ходили дурные слухи, что там продают краденые вещи, собирается разный криминал, но, несмотря на это, народу там было много даже с самого утра.

Вадька пребывал в плохом настроении, вчера после полудня он бесцельно ходил по городу в поисках подработки и, оказавшись на овощной базе, подрядился перебирать гнилые овощи у одного южанина с пушистыми чёрными усами. Работали несколько женщин и он. В полуподвальном помещении было холодно, пахло испорченными и гниющими овощами. Вадька изредка выбегал на свежий воздух курнуть, но, увидев черноусого хозяина, быстро делал несколько глубоких затажек и бросал окурок в ведро с водой. К полуночи закончили перебирать всю гниль, сидели на ящиках, ждали, когда хозяин расплатится за работу. Подождав час-другой, они гурьбой двинулись к проходной, где клевал носом сторож — седоватый с подслеповатыми глазами мужчина пенсионного возраста. Когда проходили мимо него, он посмотрел близоруко, как-то виновато улыбнулся и покивал головой.

Утром следующего дня Вадька надел брюки, затянул поясным ремнём и вытряхнул из кармана все деньги. Он отложил мятую купюру в сторону, а мелочь рассыпал на табурете, стал пересчитывать, в уме сделал нехитрые подсчёты: должно хватить на буханку хлеба, ливерную колбасу, и на остатки можно себе позволить выпить в рюмочной сто пятьдесят граммов водки. Засунув пакет в задний карман брюк, тихо посвистывая, двинулся из дома в нужном направлении.

Вадька потянул на себя тяжёлую металлическую дверь и оказался в полумраке. После яркого дневного света в глаза пахнула расплывчатость теней. Они стояли возле прилавка и сидели за столиками, людской гомоник витал в прокуренном воздухе. Он сделал несколько неуверенных шагов и оказался возле стойки, за которой стояла грузная, с двойным подбородком Нина Сергеевна, так величали уважительно местные завсегдатаи хозяйку питейного заведения. Она окинула маленькими цепкими глазами Вадьку:

— Чего тебе? — бесцеремонно спросила, вытирая руки о полотенце, перекинутое через полное крутое плечо.

— Налейте мне сто пятьдесят водки, — робко попросил Вадька, холодея спиной. Ему казалось, что Нина Сергеевна с подвижным лицом и небольшими усиками над верхней губой видит его насквозь и даже знает или догадывается, о чём он думает. Он незаметно передёрнул плечами, словно хотел отогнать эту назойливую мысль.

Пошёл не гнувшими ногами в самый конец рюмочной, держа в руке гранёный стакан и небольшую картонку, на которой лежала закуска в виде кусочка селёдки и желтоватого кольца маринованного лука.

— Можно? — спросил он мужчину, сидящего с низко опущенной головой. Тот поднял голову, посмотрел на Вадьку тяжёлым холодным взглядом, молча кивнул и дальше погрузился в свои раздумья. Перед ним стоял стакан, на самом доньшке ещё оставалась водка.

Вадька присел, положил рядом нехитрую закуску. Мужчина опять поднял голову и смотрел на него, словно просвечивал рентгеном. Вадьке опять стало не по себе.

— Может, выпьем за знакомство? — неуверенно предложил он и потянулся стаканом к мужчине. Незнакомец взял в руки свой стакан, посмотрел, что в нём осталось, скривил губами.

— Давайте вам подолью, — услужливо предложил Вадька и отлил из своего стакана ровно половину. Они как по команде выдохнули воздух и выпили. Так Никифор с Вадькой познакомились и последние два года были неразлучными друзьями.

Они стояли возле пассажирского поезда. Солнце светило прямо в глаза. Никифор натянул мятую кепку на самые брови и всматривался в дверной проём вагона, он ждал появления знакомого проводника Чижикова, который должен принести бутылку водки. Никифор всегда подходил

к этому поезду, если нужно было опохмелиться с утра. В вагонном окне отражались два друга и за ними старушка в длинном сарафане, сидящая на лавке возле стены вокзала. Вскоре появился Чижигов, он был в форменном костюме, рябоватое полное лицо светилось от удовольствия. В руке он держал газетный свёрток. Увидев Никифора, прищурил глаза, взмахнул рукой, пригладил редкие волосы на голове и шагнул с подножки ему навстречу.

— Привет, Никифор! Давно ждёте? — косо посмотрел на Вадьку. — Этот человек с тобой?

— Точно, это мой друг, — ответил Никифор, бросив взгляд на Вадьку.

— Держи, — проводник протянул свёрток. — Могу ещё принести, я хорошо затарился, аж до Москвы хватит.

— Да, пожалуй, нам больше не надо. День только зарождается.

— Ну тогда с тебя десятка, — улыбнулся хитро проводник, помял большим пальцем правой руки.

— Ты чего-то призагнул! — не согласился Никифор, в глазах мелькнуло недовольство. — В прошлый раз ты брал по пятёрке.

— Ну это когда было?! Цены, брат, поднялись, да и нас стали проверять контролёры. Попадёшься с товаром, и, считай, хана будет. Премии лишат однозначно, да и могут на другой маршрут поставить. Тогда точно соловьём будешь заливаться. Дак берёшь или нет?

— Беру, беру. Магазины открываются только в одиннадцать часов.

Никифор протянул мятые деньги и, взяв бутылку, отдал её Вадьке, чтобы тот припрятал во внутреннем кармане пиджака.

— Прощай! — махнул рукой Никифор, повернулся и зашагал в город, не заходя на вокзал. За ним пошёл Вадька, принаравливаясь к быстрому шагу Никифора.

Проводник Чижигов ещё некоторое время смотрел им вслед, потом повернулся на каблуках к вагонному окну, улыбнулся себе и, слегка поправил волосы на голове, исчез в проёме двери.

Дома у Никифора расположились на кухне. Вадька достал из кармана бутылку «Пшеничной», потряс её, стал смотреть на игру воздушных пузырьков.

— Вроде бы не палёная. Знаешь, недавно в соседнем доме Ванька Косых отравился суррогатом: купил чекушку у одного барыги и выпил возле своего подъезда, так и околел родимый.

— Да, всё бывает. Ходим как по минному полю, — усмехнулся Никифор, доставая из урчащего холодильника банку со шпротами. — Сейчас картохи поставлю варить. Капустка квашеная ещё осталась. Вот и пообедаем вместе. А пока давай по одной наливай, чтобы жизнь веселее казалась. И так тоска что-то гложет с самого утра. В деревню, что ли, податься, вчера опять жинка звонила и все уши прожужжала. Она завела двух коров, несколько овец и одна не может управиться. Слышь, Вадька, а может, вместе махнём в деревню? Там такая красота, большое поле уходит вдаль за горизонт, белые кудрявые берёзы. А речка, речка-то какая! Накупаемся вдоволь. Ты попьёшь свежего молока, отоспишься на сеновале, как порядочный мужик.

— А я что, не порядочный? — обиделся Вадька, насупил, свёл жиденькие белёсые брови. Присел на табурет, скрестил ноги и опустил голову на грудь.

— Да ладно, не обижайся, это я к слову так сказал. А ты настоящий трудяга, я бы даже сказал, с большой буквы, но у тебя планида такая невезучая. Звёзды на небе не так расположились, но не переживай, всё пройдёт. Давай я лучше на баяне поиграю, — весело, с улыбкой на лице предложил Никифор.

— У тебя есть баян? — удивился Вадька и даже подался телом вперёд, табурет под ним закачался.

— Я ещё на севере научился играть. Нотной грамоты не знал и всю музыку подбирал на слух. Меня даже просили на танцах играть. Ты посиди... посиди, сейчас принесу инструмент.

Никифор вернулся, держа в руках трёхрядный баян.

— Тульский, сам заказывал на фабрике.

Он сел поудобнее, на колени поставил баян, правой рукой легко пробежался по кнопкам, затем, растянув меха, запел глухим грудным голосом:

*Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая всё же бессмертна.
Как молоды мы были,
Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя...*

Никифор пел, положив подбородок на баян, из глаз текли крупные слёзы. Закончив петь, он достал платок из кармана и вытер насухо лицо.

Они посидели на кухне. Выпили всю водку, на столе ещё осталась недоеденная банка со шпротами и несколько картофелин в тарелке.

Вадька засобирался домой, его качало, словно он стоял на палубе рыболовной шхуны и никак не мог поймать уплывающий из-под ног пол.

— Может, останешься, передохнёшь и потом домой двинешь? — по-деловому предложил Никифор, всматриваясь в своего друга. Он узнавал и не узнавал Вадьку. Лицо у него расплылось и местами покраснело, в осоловелых глазах стояла немая пустота. Он рукой шарил по пиджаку, отыскивая пуговицы, чтобы застегнуться.

— Завтра увидимся? — спросил он чисто механически, возможно, даже не вспомнив через минуту своего вопроса.

— Нет! — коротко ответил Никифор, рукой опёрся на стену. — Завтра я начинаю новую жизнь.

— Не понял. Поясни! — неуверенно попросил Вадька, смотря ему прямо в глаза. Его опять качнуло в сторону, и, если бы его вовремя не подхватил Никифор, то он упал бы на пол.

— Вот твёрдо решил, завтра утром поеду к жинке в деревню. Надоела такая жизнь постная, — он рукой провёл по жилистой шее, повторил уже с металлом в голосе: — Надоела.

— А как же я? — дрогнувшим голосом спросил Вадька, чувствуя, как трезвеет.

— Поехали со мной, в деревне работы всем хватит. Да и пора завязывать с этой пьянкой. Надоела вся эта карусель до боли в печёнке. Побаловались — и харэ.

— Не... я не могу, — промычал Вадька, качая головой, и двинулся к выходу.

— Как знаешь. Моё дело предложить, — Никифор проводил Вадьку до двери. Потом стоял в прихожей, погружаясь в свои раздумья. Тяжело вздохнул и пошёл на кухню убирать со стола остатки трапезы.

ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР

Алик Петухов спал на парковой скамейке, прикрыв голову старой бейсболкой с эмблемой «Олимпиада-80». Раннее утро светило сквозь густую зелёную листву деревьев, и луч солнца попал ему в глаза. Он с трудом их разлепил и некоторое время осознавал, где находится — в каком времени и пространстве. Недалеко виднелся исполинский памятник пролетарскому писателю Максиму Горькому. Творец стоял в широких брюках и косоворотке, сняв с головы шляпу с широкими полями, и на его угрюмом лице застыла каменная улыбка. Вокруг памятника была разбита клумба, огороженная невысокой металлической оградкой.

Петухов прислушался к себе: в голове гудело после вчерашней выпивки с двумя мужиками, с которыми он познакомился возле карусели. Во рту стоял неприятный привкус портвейна непонятного разлива. Вино, которое они пили из горла, называлось «Кавказ», и после третьей бутылки они стали обниматься, мусолить друг друга мокрыми губами и обещать дружбу до гробовой доски. Потом в голове появился почти розовый туман, лица людей стали расплывчатыми, и Петухов, плохо осознавая себя в пространстве, двинулся к центру парка, где вскоре погрузился в сладкий сон на клумбе возле основания памятника писателю. Уже под самый вечерний закат, когда на небе слабо проклёвывались робкие звёздочки и воздух сгущался, благоухая летними ароматами, сторож парка Никандров, пожилой, седоватый и вечно недовольный мужчина с грустным лицом, извлёк Петухова из оазиса цветов и перенёс безвольное тело на ближайшую скамью. На ней и встретил новый рассвет Алик. Он похлопал

по карманам брюк в поисках наличности и, не найдя ничего, кроме дырки, сильно огорчился. Оказалось, что после вчерашней встречи новые приятели вытащили из его носка последнюю трёшку, которую он оставил про запас на чёрный день.

Алику было уже за тридцать. Небритое лицо, с зеленоватыми глазами и широкими скулами, прямым хрящеватым носом, было помято ночным сном. Суховатое, жилистое тело ещё не утратило своей жизненной силы. Он сел на скамью, протёр глаза и задумался, где же ему опохмелиться. Реальных и здравых мыслей в голове не возникло, и он уныло побрёл к фонтанчику с водой, чтобы потушить огонь в желудке. Поправив на голове бейсболку, из-под которой выбивались чёрные волосы, и стряхнув с некогда чистой рубашки прилипшие хлебные крошки, он пошёл мимо памятника. И, как показалось ему, пролетарский писатель недовольно повёл широкими усами. «Хорошо, что вчера ещё кроссовки не сняли, — думал про себя Алик. — А так бы пришлось в дырявых носках топтать по песку». Кроссовки ему нравились: они были на мягкой подошве, ходить в них легко, и ноги не уставали.

Алик Петухов в прошлой, доперестроечной жизни работал на швейной фабрике «Снежинка» инженером-механиком. Но в 1985 году неожиданно для народа объявили, что наступила новая эпоха плюрализма и демократии, хотя многие и не догадывались, что это такое. И вся страна забурлила. Большой плакат «Даёшь перестройку!» висел как раз напротив окон его кабинета. В это время на фабрике налаживали импортную линию, купленную в Европе за валюту, и собирались шить модную верхнюю одежду. Какое-то время фабрика дымила трубой котельной, но пришла приватизация, и, как обещали доверчивому народу, на ваучер можно было купить два новых автомобиля «Волга». Как патриот Родины и предприятия,

Алик Петухов вложил свои ваучеры в развитие фабрики, как сделали многие работники. Все ожидали, что фабрика будет процветать, но со временем дым из котельной стал еле заметным на фоне голубого и бездонного неба. Выпускать продукцию она не стала, весь склад был забит под крышу.

Новый директор Егор Полуэктович Долгоносков, приехавший из Москвы, на очередном собрании заявил, что фабрика — банкрот, а денег на зарплату нет и не предвидится. На вопросы из зала он отвечать отказался и, блеснув золотыми зубами на прощание, быстро скрылся за дверью в сопровождении крупнотелых охранников. На столе остался гипсовый бюст вождя мирового пролетариата Владимира Ленина, он смотрел свысока открытыми глазами, нахмутив брови. Алик Петухов позже увидит этот бюст на городском рынке уже с кепкой на голове.

В кабинете он вытащил из ящика стола и положил в кожаный портфель электронный калькулятор, который принёс из дома, фотографию жены в рамке и, вздохнув, покинул фабрику навсегда.

Как выяснится спустя несколько лет, новый директор приехал не развивать швейную фабрику, а даже, наоборот, закрыть. Он взял небольшой кредит у подставных людей и умышленно его не отдавал, хотя деньги в обороте у фабрики были. Ушлые кредиторы через суд обанкротили и сами же купили некогда прибыльную фабрику с импортным оборудованием, которое вывозили по ночам в неизвестном направлении.

Алик Петухов, выйдя из проходной, зашагал уныло домой. Проходя мимо фабричной доски почёта, он улыбнулся своему портрету, висящему в первом ряду. Стоял хмурый осенний день, серые тучи висели возле горизонта, грозя ночью пролиться холодным дождём. На автобусной остановке оказалось много народа, в основном это были

фабричные. У многих выражение лица отражало осеннее небо. Автобус появился, и люди, подталкивая друг друга, вошли в тёплый салон. Автобус, хлопнув дверями и взвизгнув двигателем, поехал по разбитой дороге.

Дома его ждала жена Даша, она пришла раньше и разогревала борщ, который умела вкусно приготовить. Алик Петухов зашёл на кухню и попал в объятия жены, она тесно прижалась к нему горячим телом, поцеловала мягко в губы.

— Ты сегодня почему-то припозднился да и расстроен чем-то? — спросила Даша, смотря ему в глаза и не отпуская его рук.

— Сегодня собрание было. Всё... Всё — фабрику закрыли, и нет денег даже на зарплату. Наверное, придётся идти в суд, — грустно ответил Алик и присел на табурет.

— Не огорчайся, милый! Пока поживём на мою зарплату, а ты найдёшь себе новую работу, — поспешила успокоить Даша своего супруга.

Борщ закипел и бурлил в эмалированной кастрюле.

— Ой, что же я со своими расспросами к тебе пришла?! — Даша подошла к плите и стала разливать борщ в тарелки.

Алик с любовью смотрел на жену, на её тонкий стан, красивые ноги, короткую стрижку по моде. В душе было больно за всё происходящее, и он не мог смириться с тем, что будет жить на зарплату воспитателя в детском саду. Он тяжело вздохнул и принялся аккуратно есть борщ, чтобы капли не попали на стол.

— Может, ещё добавки? — поинтересовалась Даша и, подперев подбородок кулачком, ласково смотрела на него. — Мне так хорошо с тобой, и я счастлива, что мы вместе.

Алику верилось в искренность слов жены. Они прожили уже пять лет. Больших скандалов и ссор, которые порой разрушают семейные очаги, не случилось, и ему

казалось, что так будет продолжаться всю жизнь. Детей у них не было, и они жили с надеждой на Дашину беременность. Познакомились, когда Алик учился на последнем курсе института, а Даша уже закончила педучилище и работала воспитателем в детском саду «Колокольчик». Знакомство состоялось на танцах в парке культуры и отдыха имени Максима Горького. На площадке, скрытой большими деревьями, играла музыка, и пары, увлечённые друг другом, кружились в вальсе. Даша стояла возле входа, не решаясь пройти дальше. Алику сразу бросилась в глаза невысокого роста, худощавая, красивая девушка в голубом платье. Он быстро подошёл к ней, чтобы её не перехватили другие кавалеры, и пригласил на танец. Даша робко протянула руку, и они прошли вперёд, ожидая, когда прозвучит музыка. Послышалась песня популярного эстрадного певца Юрия Антонова «А мимо гуси-лебеди»:

*Несёт меня течение сквозь запахи осенние,
И лодку долго крутит на мели.
Сплетают руки лилии сплошной зелёной линией...*

Алик обнял Дашу за талию и чуть привлёк к себе, она не сопротивлялась и подалась к нему. От неё пахло сладкой карамелью, она была красива своей молодостью. После танцев они шли по тёмным парковым аллеям, рассказывая друг другу смешные истории. Внезапно появились двое подвыпивших парней. Один, рослый, длинноволосый, в рубашке с засученными рукавами, подошёл к Алику и без всяких предисловий сильно толкнул его в грудь.

— Ты чего, пацан, к нашим девкам пристаёшь? — хрипло начал он, затеяв драку.

— Кто вы такие?.. Я совсем не знаю вас, — дрогнувшим от испуга голосом ответила Даша и потянула за руку Алика. — Не связывайся с ними, пошли скорее...

— Пойдите! Пойдите! Я не отпускал ещё никого, — рассердился длинноволосый и размашисто ударил кулаком по лицу Алика.

Будущего инженера качнуло в сторону, но он удержался на ногах. В голове застучали молоточки, кровь прилила к лицу. Алик сократил дистанцию, схватил длинноволосого за руку, подтянул к себе и ударил сильно по ногам. Учась в институте, он два года занимался в секции самбо и неплохо освоил подсежки. Парень не ожидал такого поворота, упал лицом на асфальт, расцарапав себе щёку. Его друг — худой, с зачёсанными назад волосами и распахнутой рубашке — сразу возник рядом, стал его поднимать. В темноте на соседней аллее послышался милицейский свисток и крик:

— Стой! Стрелять буду по ногам!

Несколько человек убегали через парк, проламываясь сквозь кустарник. Двое драчунов постояли, прислушиваясь к близкому шуму, и как по команде исчезли.

Через год Алик с Дашей поженились. Свадьба была скромная, гостей немного. Они переехали жить в однокомнатную квартиру родителей, а те к себе в деревню, на родину, доживать свой век. Молодожёны жили счастливо, пока не началась перестройка, она набирала обороты, и через пять лет Алик лишился работы на швейной фабрике.

Как-то внезапно, словно грибы из-под земли, стали появляться возле дома и дальше по улице киоски, в которых продавались сигареты, алкоголь, жвачка. Торговля шла бойко, особенно ночью. Возле них снова появились подозрительные люди. Знакомый Алика с фабрики, также лишившись работы, торговал у одного кавказца в киоске. Увидев его однажды на улице, Алик заинтересовался:

— Витя, мне нужно найти работу, хотя бы временную. Понимаешь, сижу у жены на попечении, зарплата у неё

маленькая, и едва хватает, — для убедительности своих слов резанул ребром кисти себя по шее.

— Понял. В соседнем киоске недавно ушла одна барышня. Ты подойди к хозяину — Толяну, он мужик вроде бы ничего. Войдёт в положение.

На следующий день Алику, поев глазунью из двух яиц и попив чая без сахара, пошёл искать Толяна. Подождав возле железного киоска минут тридцать, он увидел, как подъехал красный «жигулёнок», из него вышел крупный парень с сигаретой во рту. Короткая стрижка, тяжёлый боксёрский подбородок — первое, что бросилось в глаза Алику. Он отошёл в сторону, пропуская его, и, когда мужчина поравнялся с ним, нерешительно спросил у него:

— Вы не Анатолий?

Мужчина остановился, оглядел его с ног до головы цепким взглядом:

— А что ты хотел?

— Да вот хотел у вас на работу устроиться.

— А кем раньше работал? — спросил Толян, прилепив к нижней губе сигарету.

— Инженером на фабрике, — замялся Алику, и ему почему-то стало стыдно.

— Тогда подойдёшь! Дело не сложное. У сменщицы примешь сегодня товар и в ночь выходи на работу, она, можно сказать, не пыльная. Если будет недостача, то считай, что ты уволен без выходного пособия.

Толян докурил сигарету и умело щелчком пальца отбросил в сторону. Зашёл в свой киоск, и металлическая дверь наглухо закрылась за ним.

Сменщицей у Алика была проворная, синеглазая, полнотелая, в короткой юбке женщина лет тридцати. Она с интересом блеснула глазами на Алику, когда тот пришёл на работу в первый день:

— Скажу тебе по секрету, — она навалилась на него полными грудями, — ночью можно хорошо заработать, если у тебя, парень, всё в порядке с головой.

— Как? — коротко спросил Алику, не понимая сути разговора.

— Объясняю только один раз, — женщина совсем зажала Алику между ящиками со спиртом «Рояль», не давая ему повернуться. — Покупаешь у барыг водку по одной цене, а ночью продаёшь по другой. Навар оставляешь себе и хозяину ни слова. Понял, инженер, простую арифметику?!

— А если всё же Толян узнает? — решился спросить Алику, краснея лицом.

— Ну если узнает, то у тебя возникнут проблемы и контракт расторгнут, — улыбнулась толстыми губами Неля. — У нас в конторе всё просто.

Через месяц Толян сделал ревизию товара — оказалась недостача. Алику остался без денег и работы.

Дома Даша, узнав об этой неприятной новости, раздосадовано пожала плечами и, чтобы как-то поддержать мужа, сказала:

— Вот тебе новые русские! Всё будет хорошо, не переживай, Алику! Найдёшь себе работу по специальности, пока в магазине грузчиком пристроился, и то ладно.

В душе было больно за мужа. Недавно она на улице встретила школьную подругу, и та затащила её к себе домой похвастаться новым шмотьём, как она выразилась. Зинка Петрова, незамужняя женщина, недавно купила себе новую турецкую дублёнку и красные кожаные сапоги. На вопрос Даши, где она нашла деньги, та хитровато улыбнулась и, крутясь в комнате возле зеркала, пооткровенничала:

— Нашла себе богатого спонсора. Он мне обещал ещё купить норковую шапку и, если я буду себя хорошо вести, свозит на море в Геленджик.

— А кто твой спонсор? — не удержалась Даша, ей стало интересно, кто же содержит Зинку — вечную неудачницу. Она уже побывала два раза замужем, ходила зимой в сером демисезонном драповом пальто и старых сапогах, купленных пять лет назад на премию мужа.

— Да ты знаешь его! В школе вместе учились, двоечник Мишка Трегубов. Его постоянно вызывали в учительскую для промывки мозгов. А сейчас он рэккетом занимается.

— Чем, чем? — не сразу поняла Даша.

— Если объяснить по-простому, он бандит местного пошиба, — рассмеялась Зинка, снимая с ног сапоги. — Смотри, вот ещё классные польские колготки, — она вытянула вперёд тонкие ноги с узкими ступнями. — Короче, подруга, скажу только тебе по секрету, как он работает, у него бабла полные карманы.

Даша сидела в потёртом кресле, и голова кружилась от незнакомых слов, она не понимала их значения.

— А что такое бабло? — спросила она у Зинки, которая снимала колготки, оголяя светлую кожу ног.

— Вот дурёха! — рассмеялась Зинка. — Да это деньги, если перевести на наш советский язык. Мишка-то с коRESHами ездят по кооперативам и частникам, кто торгует на рынке барахлом, и собирают с них дань.

— А если им не дадут денег, то что они сделают с человеком?

— Ну ты наивная, подруга, ничего не понимаешь в жизни. Живёшь со своим инженером, который не может найти работу, висит у тебя на содержании, и ходишь, как обдергайка, ничего себе не можешь купить. Нужен тебе такой муж? Подумай.

Даша обиделась на свою подругу и засобиралась домой. Хотя ей хотелось примерить дублёнку и сапоги, но она сдержала своё желание. В прихожей Зинка обняла Дашу:

— Ты не кисни, подруга! Найду тебе тоже спонсора, и будешь ходить в новых шмотках, ты же красавица! Все мальчишки из класса были в тебя влюблены. И муж ничего не узнает. Скажешь, что выиграла в лотерейный билет.

Она подвела её к зеркалу:

— Посмотри на себя. Лицо усталое, глаза потухшие, а губы... совсем посинели. Волосы посеклись. Витаминов мало что ли ешь? Ты вот что! Даю тебе неделю на осмысление. Позвонишь мне, как только созреешь. Есть на примете один мужичок состоятельный, коммерсант. Мне говорил Мишуня, что он крупные партии тушёнки китайской привозит и в своих магазинах торгует. Решайся, милая, один раз живём на этом свете!

Через неделю душевных колебаний Даша позвонила своей подруге. И вскоре всё закрутилось. Они встретились первый раз у Зинки в квартире.

— Жора, — коротко представился полноватый мужчина с выпирающим животиком из-под рубашки. Жоре было уже под пятьдесят. Крупная голова с седоватым ёршиком волос и маленькими пороссячьими красными глазами соединялась с плотным туловищем короткой шеей. На нём был надет красный пиджак, в широком вороте белой рубашки виднелась крупная золотая цепь с крестом.

После этой встречи жизнь Даши стала меняться. Она под разными предлогами уходила из дома и возвращалась ближе к полуночи, иногда с коньячным запахом. На вопрос Алика: «Где ты была?» — Даша, как правило, отвечала, что вместе с подругами после работы зашли в кафе, немного посидеть. Так продолжалось несколько месяцев. Алик сидел возле окна и смотрел в темноту в ожидании жены. В голове стали возникать подозрительные мысли, что она могла завести любовника. У Даши появились новые дорогие вещи, норковая шубка, золотая цепочка с красивым кулоном. Утром как всегда уже не позволяла

себя целовать. Мир вокруг Алика стал разрушаться. Так прошла зима. Отношения в семье с каждым днём накалялись и грозили взорваться вулканом.

Алик в выходной день по привычке сидел возле окна и бесцельно смотрел, как ходят люди во дворе. Стояла солнечная погода, на слегка подсинённом небе прочертил след военный самолёт... Он увидел, как возле их подъезда остановился чёрный «Мерседес», из него выпорхнула радостная Даша. Дома она равнодушно кивнула головой, быстро прошла, не раздеваясь, к платяному шкафу, стала собирать вещи в чемодан. Алик стоял с бледным лицом в дверях и не мог понять, куда же собирается жена. Поймав его вопросительный взгляд, Даша вздохнула, и Алику показалось, что на её глазах навернулись слёзы.

— Алик, мы расходимся. Понимаешь, так жить больше нельзя! — голос Даши надорвался, она присела на диван, закрыв лицо руками, её плечи подрагивали. Она плакала, и Алику стало так жаль её и себя, что он готов был тоже разрыдаться.

— Но почему?... Почему, объясни мне? — попросил он, подойдя ближе, и хотел обнять её за плечи. Даша резко встала, размазала по щекам слёзы кулачком, подхватила чемодан и заторопилась к выходу. Под окном настойчиво сигналила машина Жоры. В дверях она обернулась к Алику красным заплаканным лицом:

— Прости, если сможешь, но так я не могу дальше жить.

Даша вышла, не закрыв за собой дверь. По подъезду гулял холодный сквозняк, ворвавшись в квартиру, он хлопнул оконной форточкой и запечатал входную дверь.

После этого жизнь у Алика покатила по наклонной. Он стал выпивать с грузчиками на работе. Для истинных гурманов и эстетов из подворотни был денатурат крепостью восемьдесят два градуса и стоил по тем временам

полтора рубля. На этикетке красовался череп с тремя костями, но и это не останавливало их в желании оказаться за малую плату в царстве радости и грёз.

В стране велась борьба с пьянством, и где-то стали вырубать фруктовые сады и виноградники. Тогда хлынул из-за бугра голландский спирт в стеклянной таре «Рояль». Первое время его покупали с охотой, а затем появился в пластиковых литровых бутылках сомнительного происхождения и качества. Любители выпить стали травиться суррогатом...

В соседней квартире жил сосед Герасим. Он писал стихи и на собственные деньги издавал книги. Их никто не покупал, и поэт от этого страдал. Он приглашал Алика к себе в квартиру, где, налив водку в гранёные стаканы, читал ему стихи, впрочем, неплохие. Уходил Герасим от душевной тоски и жизненной серости в запой на неделю, другую и уже с полгода находился в дурдоме.

Так Алик почти каждый день заливал своё горе, и ему казалось, что выхода нет. Дашу он видел только один раз, она сидела в «Мерседесе» в модной шляпке и что-то рассказывала Жоре, жестикулируя руками. Алик остановился, и ему показалось, что Даша оглянулась и смотрит на него. Ему хотелось броситься за машиной, остановить её и набить наглузую физиономию Жоры. Но он только порывисто сделал несколько шагов и остановился, увидев, как машина всё дальше удалялась от него. Алик пришёл домой, прилёг не раздеваясь на диван и, засыпая, решил бросить пить.

Придя утром на работу в магазин, Алик первым делом прошёлся по подсобкам и тёмным закуткам и, не увидев Савелия, с которым когда-то работал на фабрике, спросил о нём у сонливой продавщицы с припухлыми глазами. Та, посмотрев на него исподлобья, недовольно бкнула:

— Нет твоего Савелия. Вчера ещё похоронили. Втроём выпивали возле колеса обозрения в парке, ну и решили прокатиться. Вот и свалился с самой верхотуры, отдал богу душу, — продавщица хмыкнула, посмотрела на Алика подсинёнными глазами. — Ты завязывай!.. Ты же инженером был и туда же с алкашами. Подумай хорошо, — она пошла в мясной отдел, поигрывая широкими бёдрами.

Весь день Алик перетаскивал деревянные ящики из магазина в склад. В голове всё крутился короткий разговор с продавщицей, становилось стыдно за себя, было грустно на душе, и тоска тянула сердце. Алик понял, что нужно кардинально менять жизнь, а иначе тупик, из которого нет выхода.

Погода стояла ясная, на небе не было видно облаков, только низко летали птицы, расчерчивая острыми крыльями геометрию полёта.

— Ты бы отдохнул, — из магазинной двери высунулась рыжая голова директора Маргариты Павловны, которая по-женски жалела Алика за то, что в его жизни получился крутой вираж. Неделью назад в обеденный перерыв директор пригласила его для душевной беседы, так она пояснила.

— Алик Петрович, как поживаете? — начала она издалека и даже назвала его по имени и отчеству, что сразу насторожило Алика.

— Да нормально живу, как все, — хмуро ответил Алик, и ему стало душновато в кабинете. Он поднялся и приоткрыл окно.

— Хочу тебя познакомить с одной женщиной. Домовитая, не какая-нибудь вертихвостка. В доме нужны мужские руки. Подумай, может, это твоё счастье.

Алик встал, приставил стул к директорскому столу, поджал губы, глаза сузились.

— Спасибо, Маргарита Павловна! Пока мне одному неплохо. Я пойду...

— Иди, иди! Подумай только хорошенько.

К концу дня небо заволокло серыми тучами, ближе к горизонту они чернели, налитые водой. Подул верховой ветер, который стал гнуть верхушки деревьев. Вдалеке грохнуло один раз, через короткий промежуток второй... Дождь сначала слабо закапал, затем всё сильнее и сильнее, и казалось, что кто-то на самом верху открыл водопроводные краны. Вода хлестала потоком.

Дождь застал Алика, когда он шёл домой через парк. Он встал под дерево с большой раскидистой кроной, чтобы не промокнуть. Стоял, привалившись к ещё теплому стволу, а мимо пробегали люди, некоторые прикрыли голову целлофановыми пакетами. Вокруг стало совсем темно, будто наступили вечерние сумерки. Над головой грохотало, сверкали молнии.

Алик повернул голову и увидел, что неподалёку бежит женщина в коричневом платье, держа в руках сумки. Платье прилипло к телу, обозначая фигуристое тело.

— Идите сюда! — махнул рукой Алик, не надеясь, что женщина услышит его из-за шума дождя. Но она на мгновение остановилась, словно оценивая обстановку, подбежала к дереву и встала рядом.

Некоторое время они молчали, изредка бросая случайные и робкие взгляды друг на друга. Потом Алик осмелел, повернул голову в сторону женщины:

— Наверное, дождь будет лить всю ночь. Давно не было такого ливня, всё лето стоит невыносимая жара.

— Пусть польёт, хоть грязь с улиц смоем, — ответила женщина спокойным, тихим голосом и тоже посмотрела на Алика. Стыдливо одёрнула платье, рукой пригладила сырые волосы. Сумки стояли возле её ног.

У Алика на лице потеплели глаза, ему почему-то стало хорошо на душе. Рядом стояла незнакомка, к которой у него возникала симпатия. Он жил уже два года без Даши.

Первое время сильно скучал и мучился, не спал по ночам. Через год боль стихла, и он стал реже вспоминать её.

— Как вас звать? — неожиданно для себя спросил он у женщины и даже удивился своей смелости.

— Екатерина, а можно проще — Катя, — ответила она, протянув тёплую руку. Алик взял её в свою, не хотел отпустить, сердце в груди скакало, норовя выскочить под дождь.

Дождь стал стихать, гроза ушла дальше в сторону, и там, в темнеющем небе, сверкали яркие молнии и слышался гром.

— Ну, я пойду, а то, пока добираюсь до дома, будет совсем темно, — Катя взяла сумки в руки и пошла по луже.

— Я вас провожу? — Алик шагнул вслед за ней, набрав полные кроссовки мутной воды, особо не надеясь на её согласие.

Катя остановилась и молча протянула ему сумки. Они были тяжёлые и оттянули руку Алика.

— Что вы там носите, кирпичи что ли?

— Продуктов накупила на месяц вперёд, — ответила Катя и пошла, увлекая за собой Алика.

Через час ходьбы по мокрым городским улицам они пришли к Катиной квартире.

— Заходите, хоть обсохнете, да и чаем вас угощу. А так можете простыть, дождь-то холодный лил.

Оставляя сырые следы в прихожей, Алик прошёл в небольшую чистую кухню, сел на табурет. Катя в ванной сменила сырое платье на махровый халат, обсушила волосы феном, и уже стояла в дверном проёме.

— Снимайте одежду, я быстро её простирну, — увидев испуганные глаза Алика, успокоила: — Да не съем я вас. Посмотрите, какие брюки грязные, да и рубашку тоже нужно в машину.

Вскоре они вместе сидели на кухне. На Алике тоже надет халат, только коричневого цвета, ему он был великоват, пришлось закатать рукава. Чай был душистый,

с травами, Алик пил осторожно, разглядывая Катю. Она чем-то напоминала Дашу. Такой же овал лица, с тонкими бровками, упрямые губы.

Они вели бесхитростную беседу, темы, облакаемые словами, были лёгкими, обыденными, и Алику казалось, что он уже отвык от такой жизненной простоты, добра, что даже поперхнулся чаем. Катя рассмеялась, и её смех разлился по кухне, словно рассыпались звонкие шарики.

За окном в ночи выглянула луна. Было тихо, только вдалеке забрехала собака, полаяла немного, больше для приличия, и успокоилась.

— Я вам постелю на раскладушке, а утром уедете домой. Куда сейчас в ночь непроглядную? Идите в комнату, раскладушка стоит возле шкафа, а я пока уберу посуду.

Алик, не включая свет, разложил раскладушку, положил матрас и прилёг, укрываясь пледом.

Катя, помыв посуду, тихо прошла к дивану и легла на спину, закинув руки за голову. Алик повернулся на бок, раскладушка заскрипела пружинами.

— А где ваш муж? Впрочем, можете не отвечать, я задал глупый и неуместный вопрос.

— Почему глупый? Как раз жизненный. Отвечу. Муж уехал пять лет назад за длинным рублём на север, так там и остался... Нашёл себе в столовой повариху. Домой приезжал только за вещами. Я не стала с ним даже разговаривать, ушла из квартиры. Сын уже взрослый, живёт в Астрахани, работает техником на рыбзаводе, — она замолчала и, как показалось Алику, тихо плакала в подушку из жалости к себе.

— Спокойной ночи! — проговорил он, проваливаясь в сладкую истому сна.

Катя встала пораньше, выгладила одежду Алика, заштопала дырявый носок. Тихо ходила по комнате, чтобы не разбудить своего гостя.

Утром они сидели на кухне, будто старые знакомые, и пили кофе с молоком. Катя приготовила на скорую руку бутерброды с маслом и, подперев подбородок кулачком, смотрела, как он ест. Алик, закончив трапезу, засим посмотрел на часы, висящие в прихожей.

— Мне пора на работу. Спасибо за гостеприимство!

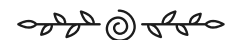
В прихожей она протянула тёплую руку:

— Заходите вечером... хоть чай вместе попьём, а то одной скучновато, — и она внимательно посмотрела на него, ища в его глазах ответ.

— Обязательно приду. Спасибо за ночлег! — Алик легко сбежал по ступеням вниз. Вышел из подъезда, поднял голову и увидел в окне Катю — она помахала ему рукой. Ему почудилось, будто в душе запели небесные херувимы.

Утреннее небо, выстиранное вечерним дождём, было слегка подсинённое и глубокое. По тротуару расползались вчерашние дождевые лужи, в них отсвечивался новый день.

НЕ СУДЬБА

Михаил Филиппович вышел из дому, и в глаза ему сразу блеснуло весеннее солнце. Дул лёгкий южный ветерок, и душа у него пела на все лады и аккорды. На бледно-синеватом небе не было ни единого облачка. Михаил Филиппович провёл рукой по отвислым усам. Соседи и знакомые звали его просто — Филиппыч. Ему было за пятьдесят с небольшим гаком, и выглядел он старше своих паспортных лет. Курносое и рябоватое лицо с весёлыми серыми глазами всегда было неунывающим.

Филиппыч работал когда-то на местном ремонтно-механическом заводе слесарем. Восстанавливали гусеничную технику, и завод считался передовым, но внезапно пришла приватизация. Он, как и его коллеги по работе, словно индейцы, купились на испанские безделушки у конкистадоров: бумажные ваучеры под сладкие веле-речивые слова директора Прошкина вложили в развитие предприятия. Потом появилась братва, они по-хозяйски ходили по цехам в красных пиджаках с золотыми цепями на бычьих шеях и сурово смотрели на рабочих. Директор Прошкин внезапно исчез куда-то вместе с ваучерами и заводской кассой. Поговаривали, что он начал новый бизнес где-то в Краснодарском крае, купил сахарный завод. А ремонтный завод по инерции подымил ещё трубой котельной и стал. Филиппыча, как и других работяг, без выходного пособия отправили за проходную.

Он зажмурился на несколько секунд и пошёл вперёд, обходя большую лужу. По ней плавали два кораблика, сделанные из спичечных коробков. Соседские ребята Стас и Егор сидели на корточках на краю лужи и палками пытались достать до своих кораблей.

— Далеко ли поплыли, капитаны? — с усмешкой спросил Филиппыч, погладив старшего десятилетнего Стаса по вихрастой голове.

— До Африки и обратно, — сразу нашёлся паренёк, доверчиво посмотрев снизу вверх в глаза Филиппыча.

— Ну тогда счастливого плавания, и, как говорится, семь футов под килем.

Хотелось с парнями поговорить, но он торопился на очень ответственную встречу с Лидией Павловной, пенсионеркой из соседнего дома. Когда-то он работал с её покойным мужем в одном цехе. Вчера вечером, когда уже стемнело и всё окрест окрасилось в густую синеву, он, лёжа на своём холостяцком диване, собрался спать, как раздалась трель телефонного звонка. «Кто это звонит в такое время? Может, Василий Игнатьевич, у которого он занял на неделю немного денег», — подумал он и прошлёпал босыми ногами по прохладному полу, взял трубку и услышал тихий журчащий, словно лесной ручеёк, женский голос.

— Не спишь ещё? Извини, пожалуйста, но ты мне нужен по одному срочному делу.

— Какое ещё дело? — встревоженный поздним звонком не понял он, переминаясь с ноги на ногу. Центральное отопление управляющая компания отключила рано за долги жильцов.

— Да ты завтра с утра приходи ко мне, и всё тебе расскажу, — настаивала Лидия Павловна, воркуя сладким голосом.

— Ладно, приду, — неуверенно пообещал Филиппыч и положил трубку.

Понял, что уснёт сегодня не скоро, отправился на кухню попить чаю с малиновым вареньем, которое сам и сварил, купив в прошлом году бидон спелых красных ягод у одной бабули на улице возле продовольственного

магазина «Богатырь». За окном была темень, посвистывал шальной мартовский ветер, и орали соседские коты. Филиппыч сидел на шатком табурете в длинных сатиновых трусах и красной майке. Малиновое варенье он сварил по рецепту бывшей жены Полины, которая, разочаровавшись в нём после тридцати лет совместной жизни, уехала в соседний город искать призрачного женского счастья. Иногда она звонила и жаловалась на судьбу и холодное, почти каменное сердце своего сожителя. Хотела несколько раз приехать повидаться, но он решительно отсекал все её желания. «Раз уехала, то с концом, раз и навсегда», — горько размышлял после Полининых звонков Филиппыч. Хотя изредка и скучал по её тёплому телу.

Попив чай, он прошёл в комнату и лёг на диван, отвернулся к стене, на котором висел ковёр со сценой царской охоты на тигра, и сразу уснул.

Пройдя улицу до следующего перекрёстка, он свернул под арку и сразу оказался возле дома, где жила Лидия Павловна. Подняв голову, он стал смотреть вверх и не заметил возле крыльца лужу, вступил, зачерпнув ботинком холодную воду. И, чертыхаясь, зашёл в подъезд, в котором на него резко пахнуло кошачьей мочой и каким-то непонятным запахом. Филиппыч армейскую службу проходил в пехоте и знал, что такое команда «газы». Спрятал нос в кулак и не дыша стал быстро подниматься на второй этаж. Ткнул пальцем в кнопку звонка. В замке шебаршил ключ, и он услышал торопливый голос хозяйки:

— Сейчас... сейчас открою.

Дверь распахнулась, и на пороге стояла дородная Лидия Павловна, она улыбалась, блестя вставными металлическими зубами. Как-то небрежно провела рукой по волосам, тряхнула головой.

— Проходи, Михаил Филиппович. Уже с полчаса тебя поджидаю да в окно выглядываю, не идёшь ли ты по улице.

Увидев сырые следы на линолеумном полу от его ног, она всплеснула полными руками и хлопнула себя по крутым бёдрам:

— Вот ведь напасть какая! И где ты успел ноги промочить?

— Да как раз под твоими окнами, Лида, — от огорчения он чертыхнулся в сердцах, и лёгкая тень легла на его лицо.

— Сымай скорее носки, как бы не простыл. Посиди на кухне, а я быстренько носки состирну, это минутное дело.

— Ничего со мной не случится, я закалённый и каждый день холодной водой обливаюсь, — попытался отказать Филиппович, но Лида твёрдо настаивала:

— Сымай, сымай, я же носки прошу снять, а не портки. Сейчас принесу мужнины тапочки...

И, плавно покачивая бёдрами, ушла в комнату. Филипповичу было неудобно перед ней. Он покраснел лицом, и по спине потёк предательский пот. Правый носок он износил на пятке до дыры. Штопать сам не умел, а выбросить его было просто жалко.

Он прошёл босиком на кухню, присел на стул возле окна и стал смотреть, что происходит на улице. Прошли две женщины в демисезонных одинакового фасона пальто, они о чём-то оживлённо говорили; за ними мужчина, держа берёзовый веник под мышкой, нёс портфель коричневого цвета с двумя застёжками. По синеватому небу медленно и не торопясь проплывали облака, закрывая солнце. На кухне пахло выпечкой. Рыбный пирог доспел в духовке. У Филиппыча от запаха засосало под ложечкой, утром он не завтракал, а обошёлся стаканом чая с сухарями. Михаил увидел, что край линолеума в углу отошёл от пола и лохматится. Он хотел предложить Лиде отремонтировать пол в кухне, но не решился. Несколько

лет он сторонился женщин, считая, что они приносят только проблемы.

— Вот и я! — появилась Лида и сразу заполнила собой кухню, принесла с собой из ванной запах стирки. — Сейчас пирог достану, наверное, уже дошёл, — она открыла дверцу духовки, выпустив жар. Передником подцепила край противня и поставила на стол.

Они сидели друг против друга в тесноватой кухне, оклеенной зеленоватыми обоями. На столе в широкой тарелке лежал пирог, порезанный Лидой на куски, и красовалась бутылка водки. Её выдавали вместо заработной платы в начале 90-х годов. Это были её старые запасы. Филиппович после двух рюмок водки раскраснелся, и несколько капелек пота выступили на покато лбу.

— Знаешь, Филиппович, для чего я тебя пригласила? — подвинула стул ближе к нему. От неё пахло жаром, будто из духовки. — Помощь твоя нужна в одном деле.

— В каком?! — с тревогой в голосе спросил он, и в голове промелькнула мысль, что не надо было приходить к Лиде. Неприятностей ему ещё не хватало на старости лет.

— Моего кота, этого безобразника Кашемира нужно отвезти от меня куда-нибудь в деревню. Понимаешь, житья мне нет от него. Соседи жалуются, что орёт днём и ночью в подъезде. Да этот гад ещё мочится под дверьми на коврики. А я что могу поделать с ним? Он меня всю исцарапал, — Лида подняла рукав блузки, и Филиппович увидел на её коже длинные кошачьи следы.

— А почему у кота такое странное, можно сказать, имя? — поинтересовался он.

— Да муж так его назвал. У кота подшёрсток густой и мягкий, — при упоминании покойного мужа у Лиды на глаза навернулись слёзы. Она тягостно вздохнула.

Филиппович налил из стеклянного кувшина воды и подал Лиде.

— На выпей и успокойся! В этом деле нужно твёрдое сердце, — он эту фразу услышал из телевизионного сериала «Пустынный берег». — У тебя есть план? — Филиппович тряхнул головой, придавая уверенности себе.

— Какой план? — не поняла Лида и подлила ему в рюмку водки. — На, выпей лучше да пирогом закуси, не стесняйся... У тебя есть друг с машиной? — неожиданно спросила Лида и подалась телом вперёд. Филипповичу почему-то захотелось погладить её по плотной спине.

— Есть! Николай из соседнего подъезда. Ему ещё от отца достался старый «запорожец».

— Вот и отлично, мой дорогой Миша! Вот наш план. Ты со своим другом на его «мерседесе» отвезёте до деревни Малинки, это десять километров отсюда, и выпустите Кашемира прямо на дорогу. Вот весь сказ. Там он найдёт себе нового хозяина, и ему будет привольно. Свобода!.. — Лида радостно рассмеялась и похлопала себя по крутым бёдрам.

— А давай тебе ещё налью, чтобы наш план сработал. А твой товарищ надёжный? А то вся душа изболеется, если кота сгубите, — она ткнула себя кулаком под сердце. — Не прощу себе... — из синих глаз, подёрнутых мелкими морщинками, потекли слёзы.

Ему хотелось сказать ей слова утешения, но, поразмыслив, решил ничего не говорить, молча встал и пошёл на выход.

— Постой. А носки забыл, что ли? — встрепенулась Лида, рукой смахнула с лица слёзы и пошла в ванную.

— Когда приехать за котом? — спросил Филиппыч, стоя в открытых дверях.

— Да хоть завтра. Он мне во-о-о... — она постучала себе по толстой шее ребром кисти.

— Понял. Тянуть не станем, — откланялся он и пошёл вниз по тёмному пахучему подъезду. В руке он нёс пакет

с ещё горячим пирогом с капустой. «Да, видимо, достал её кот, если она на такое решилась: отправить в ссылку в деревню. А может, ему там действительно будет хорошо. Свежий воздух, парное молоко», — философски размышлял про себя Филиппыч, выходя в светлый день.

На следующее утро, увидев в окно, как жена друга то-ропливо идёт по улице, частя ногами, он накинул пальто на плечи и заспешил к своему другу. В округе Николай слыл вторым кулибиным и мог чинить различные механизмы. Днями пропадал у себя в гараже: что-то варил электросваркой, паял и домой возвращался затемно. Звонки не работал, и Филиппыч постучал в деревянную, обшитую вагонкой дверь.

— Чего надо? — донёсся из-за двери хриловатый голос.

— Открывай, это я, Миша.

За дверью хозяин долго возился с замком, наконец она отворилась, и он увидел опухшего от сна Николая. Круглый живот выпирал из-под серой футболки. Спортивные штаны отвисли на коленях. Он задумчиво почесал крепкий затылок, зевнул широко, показывая крупные желтоватые зубы, и отошёл в сторону, пропуская раннего гостя в квартиру.

— Ты один? — спросил Филиппович, зная, что жена Николая не любила, когда к нему кто-нибудь из друзей приходил.

— Да, один... один. Жена убежала на рынок за продуктами. Вот записку написала.

Они прошли в комнату и сели на диван.

— Слушай, Коля, у меня к тебе деловое предложение есть, — начал Михаил издали, не зная, как он отнесётся к его идее. От нервного напряжения даже поёрзал на месте. Зачем-то потёр руки, словно хотел согреться.

— Ты не тяни козла за бороду, а говори напрямую. Мы что, девочки из десятого класса? — коротко оборвал

его Николай, он сидел вполоборота и цеплял глазами своего нежданного гостя.

— Нужно одного кота отвезти до деревни Малинки. Есть на него заказ от Лиды из соседнего дома.

— И чем же это кот так провинился, что от него хотят избавиться? — усмехнулся Николай.

— Кот замучил всех своим ором и разводит антисанитарию в подъезде. Соседи грозятся написать письмо мэру, чтобы он принял решение.

— Ну ты, брат, и насмешил меня, — Николай трясся всем телом от душившего его смеха. — Кот, видишь, всех замучил. Ну ты и загнул! Может, лучше будет, если новый мэр его кормить будет и усыновит, — он давился от смеха и тыльной стороной руки вытирал с полных щёк слёзы.

На следующий день они вытолкали красный «запорожец» из порыжевшего железного гаража и подъехали к дому Лиды. Она, увидев их из окна, замахала рукой, приглашая зайти к ней. У Николая на ногах были высокие рыбацкие резиновые сапоги, доходящие ему до паха, на руках — мотоциклетные потёртые кожаные краги. Филиппыч водрузил на нос прозрачные очки, надел крепкую брезентовую робу и зимние перчатки. В руках он держал мешок, в который они предполагал посадить кота. Как только они зашли в квартиру Лиды, она сразу наглухо прикрыла дверь.

— Где кот? — тихо спросил Филиппыч, глазами пошарил по квартире.

— Я его в туалете закрыла и свет выключила, чтобы ему спокойнее стало, — взволнованно ответила Лида. В душе ей было жалко кота, но пришёл час расставания, и она стояла с решительностью в глазах.

— Открывай дверь! — скомандовал Филиппыч и с мешком в руке шагнул в туалет. Оттуда раздался кошачий вопль и матерные слова охотника за котом.

Вскоре борьба закончилась, и на свет вышел Филиппыч изрядно поцарапанный, очки с носа спали и лежали на полу, с нижней губы капала кровь. В мешке сидел кот Кашемир, притихший от неравной борьбы.

— Сейчас я спиртом прижгу губу, — взволнованно зашептала Лида и пошла в комнату.

— Ладно, не надо. Заживёт до свадьбы, — тягостно вздохнул Филиппыч, и они пошли к машине.

Выехав из города, Николай притормозил машину возле обочины. Достал из кармана куртки пачку папирос, размял пальцами и закурил, пуская дым в открытое окно.

— Может, здесь оставим кота? Ехать до деревни, бензин жечь. Потом обратно.

Ему не хотелось ехать в слякотный день, встречные машины забрасывали потоками грязной воды. Дворники на лобовом стекле работали плохо, приходилось останавливаться, выходить и протирать стекло тряпкой, размазывая грязь.

— Договор дороже денег, — настаивал Филиппович, и они ехали дальше.

Доехав до окраины деревни, они остановились. Николай опять закурил.

— Иди, выпускай невольника на свободу. Может, он там в мешке задохнулся?

Филиппыч вышел из машины, разминая затёкшие ноги, посмотрел на низкое хмурое небо, взял мешок из салона. Надел защитные очки и кожаные краги, развязал мешок и потянул его кверху так, чтобы кот выпал из него. Он потряс ещё раз. Кот не хотел свободы, ему хотелось обратно к Лиде. Ему пришлось засунуть руку глубоко в мешок и вытащить кота за переднюю лапу.

— Вот ведь какой?! Не хочет на свет божий. Давай, котяра злой, иди мышей в деревне лови, — напутствовал он.

У кота шерсть на спине взъерошилась, он шипел и норовил укусить за руку. Кашемир сидел на обочине дороги, прижав уши к лобастой голове.

Мужчины сели в машину и долго молчали, каждый думал о своём. Николай повернулся к Филипповичу:

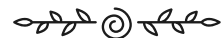
— Знаешь, жизнь — это выбор. Сам выбирай, в какую сторону идти: к чёрту на кулички или парить высоко в небе птицей вольной.

— К чему ты это сказал? — не понял он, и ему после слов друга стало стыдно за сегодняшний поступок. Хотелось как можно скорее покинуть это место.

— Да так, о своём, — Николай подался телом вперёд, повернул ключ зажигания, двигатель кашлянул и завёлся.

Они уехали, оставив одного кота на пустынной дороге. Он появился через месяц у Лиды, грязный, с вытекшим одним глазом и порванным ухом. Лида, увидев его, заплакала от жалости, прижала к себе. Налила из холодильника в блюдце сметаны, поставила ему на кухне. Кот Кашемир посмотрел на неё сурово одним глазом, есть не стал, повернулся и пошёл спать на своё привычное место возле батареи.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Лёвка Матросов, рослый мужчина в расцвете сил, с кроткой стрижкой под ёжик на круглой голове, с упрямыми губами на волевом лице, сидел за столом, положив на него жилистые руки. В компании электрика Сазонова и сантехника Горшкова в пятничный день он выпивал по случаю надвигающихся выходных.

Выпив по последней в аппаратной, они стали меряться силой, но внезапный стук в дверь прервал их состязание. Стучала сердитая уборщица Никишкина, ей нужно было вымыть пол, она зашла к ним, сузив глазки, посмотрела на стол, затем перевела взгляд на них и стала ерзать шваброй по полу. Мужики молча потянулись на выход. Лёвка вспомнил, что у него в холодильнике совсем пусто. В животе засосало, и он решил двинуться к сеструхе, поужинать, благо она жила совсем недалеко от кинотеатра «Луч». Лёвка ещё до призыва в армию успел закончить культпросветучилище имени Крупской и работал киномехаником, ему нравилось крутить фильмы.

В темноте долго шарил рукой по стене в поисках звонка и, найдя его, с силой воткнул указательный палец в кнопку, удерживая, пока не откроется дверь. Он буквально ввалился в квартиру к Петру Игнатьевичу, еле держался на ногах и попытался с первой попытки обнять хозяина квартиры за шею.

— Пётр Игнатьевич, дорогой ты мой человек! Дай тебя обнять и поцеловать, — он потянулся губами к лицу, но его качнуло, и Лёвка завалился спиной к стене.

Пётр Игнатьевич брезгливо сжал лицо, недовольно покачал головой и стоял, широко раздвинув ноги, словно не хотел пускать его за порог. Из комнаты появилась его

жена Клавдия Ивановна. Она сердито свела жидковатые белёсые брови у переносицы, посмотрела на них, вздохнула и поглубже запахнулась в синий фланелевый халат:

— Петя, проводи на кухню брата, — Клавдия повернулась сухим телом и ушла в кухню разогревать ужин.

Лёвку штормило, ему было мало места и воздуха, он рванул на груди рубашку, оголив волосатую грудь. Скинув на пол серую дублёнку и покачиваясь, держась на стену, он прошёл в ярко освещённую кухню, где уже хлопотала возле газовой плиты его старшая сестра Клавдия. Лёвка с размаху шлёпнулся на вовремя подставленный Петром Игнатьевичем табурет, кривя ртом:

— Пить хочу. Душа горит. Налей холодной воды из-под крана, — заплетающимся языком попросил он сестру. Лёвка стал пить, стуча зубами по кромке стакана, его острый кадык дёргался под кожей. Затем утёрся рукавом рубашки.

— Да, сеструха... Жизнь что-то тяжёлая пошла, — начал он только исповедоваться, как Клавдия резко оборвала его:

— А почто она у тебя пошла вкривь и вкось? Живёшь один, бабы к тебе заглядывают на огонёк. Катаешься как сыр в масле.

— Какие такие бабы? Ты о чём это, сеструха? — как бы удивлённо спросил Лёвка и тихо улыбнулся.

— Да слышалась от твоих соседей! Как ты один живёшь, а скорее, жизнь свою прожигаешь. Одумайся, пока не поздно. Годов-то тебе сколь?

— Тридцать с небольшим. А тебе какое дело до моих лет? — сердито насупил Лёвка и засобиравшись уходить, но твёрдая рука Клавдии посадила его на место.

— Ты сиди! Сейчас накормлю, поедешь к себе и не обижайся на правду. Она тебе глаза щиплет, братик. Ты вспомни, что мать нам говорила на смертном одре. Она, ещё будучи в трезвой памяти, наказала, чтобы я о тебе заботилась. А ты на меня с нападениями.

Тем временем в кастрюле сварились пельмени, они всегда были в морозилке у запасливой Клавдии. Быстро накрыла на стол, вынула из настенного шкафа початую бутылку водки «Столица»:

— Вот немного выпьешь, чтобы прийти в форму, и поедешь к себе домой. Вызову тебе такси к самому подъезду.

Пётр Игнатьевич стоял в дверном проёме, сурово и осуждающе поджав губы. Ростом он не выдавался, был сухощав, глаза впали глубоко в глазницы, а сероватый налёт на коже лица выдавал в нём желчного человека. Он был на пенсии, а до неё работал бухгалтером в кооперативе по пошиву обуви. Был ярым трезвенником и в душе презирал тех, кто выпивал, и особенно Лёвку, считая его жизненным неудачником и бонвиваном, у которого на уме только одно веселье.

Пельмени были вкусные, и Лёвка быстро их съел, перед трапезой не забыл пропустить рюмку водки. Дожевав последний пельмень, он подвинул пустую рюмку сестре:

— Налей мне стременную.

— Какую ещё стременную? — в голосе послышались твёрдые нотки, Клавдия не поняла и подальше убрала бутылку от брата.

— Ты даже не знаешь старого обычая? — Лёвка посмотрел на неё глазами, подёрнутыми алкогольной пеленой. — Поясняю: когда уходят в дальнюю дорогу, наливали полную чарочку.

— Ладно... В следующий раз налью обязательно, а пока собирайся домой, — Клавдия вышла из-за стола и пошла в прихожую, за ней потянулся Лёвка. Ему хотелось ещё посидеть у сестры, поговорить о жизни — так он любил пофилософствовать, когда выпьет.

Пётр Игнатьевич посторонился, пропуская Лёвку вперёд.

— Ты не забывай нас, почаще... почаще приходи, шу-рин. Рады тебя всегда видеть! — он это скороговоркой

выпалил, чтобы угодить своей жене, зная, что она любит брата.

Клавдия плечом оперлась на дверной косяк и с грустью в глазах смотрела на брата.

— Ну иди... иди с богом! Ты у меня один из близкой родни. Остальные уже в земле покоятся. Светлая им память.

Она перекрестилась, в глазах мелькнули слёзы, вздохнув, поправила халат.

Клавдия не любила своего мужа бухгалтера за его характер и придирки по каждому пустяку. Хотела не раз от него уйти, но жалость к самой себе схватывала за горло, как только она об этом задумывалась. Поплачет себе в подушку и вроде полегче становилось.

Лёвка вышел из подъезда и увидел, что его поджидает такси. Водитель с чёрными очками на лице и заломленной кожаной фуражкой на затылке курил в приоткрытое окно.

— Шеф! До Подгорной подвезёшь? — Лёвка наклонился головой к водителю, мужчине было лет под сорок, с рыжеватыми густыми усами и твёрдым боксёрским подбородком.

— Как не довезти?! Обязательно довезу за стольник.

— Тогда лады, — согласился Лёвка, располагаясь рядом с водителем.

Старенький автомобиль — французский «Рено» — с лысой резиной начал буксовать на месте, взвизгивая двигателем.

— Будь проклят тот день, когда я сел за этот примус! — начал злиться водитель, покусывая кончик уса. Он нажал педаль газа до упора, вцепился в баранку и наклонился вперёд, словно хотел помочь автомобилю.

— Да подожди ты, не горячись! Сейчас я выйду и подтолкну твой примус.

Лёвка открыл дверь и вышел на тротуар. Мимо проходили два старшекласника.

— Эй, шпана городская! — окликнул он ребят. Те остановились и невинными глазами посмотрели на красное Лёвкино лицо.

— Мы едем срочно на задание с напарником. Нужно помочь толкнуть машину. Видите, она не может с места тронуться.

— А какое задание? — пытливым спросил парень ростом поменьше.

— Секретное. Сказать не могу, но потом найдём вас в школе и объявим благодарность.

— Да ладно вам чесать языком, — огрызнулся парень, что был повыше, и потянул за рукав своего друга.

— Ну и молодёжь растёт! — крикнул им в след раздосадованный Лёвка, навалившись крутым плечом на багажник автомобиля, и столкнул его с места. Проехав несколько метров, машина остановилась, поджидая Лёвку.

— Поехали, шеф, вперёд заре навстречу, — Лёвке хотелось продолжить сегодняшний вечер. Широкая душа пела на разные лады и желала праздника.

Проехав два квартала, автомобиль остановился возле подъезда кирпичной высотки, в которой он жил. В доме горели окна. Близился вечер, вокруг стало темнеть, и недалёкий городской парк затянуло пеленой. На старой яблоне сидел большой чёрный ворон, он, наклонив голову, смотрел круглым зрачком глаза на слегка шатающего Лёвку. Тот пошарил рукой в кармане дублёнки и вытянул мятую сторублёвую купюру.

— Возьми плату, шеф! — протянул водителю ассигнацию и, уткнувшись носом в пушистый воротник, пошёл вперёд к входной двери. Проходя мимо яблони, поднял круто голову, и его ондатровая шапка съехала с головы и упала на тротуар. Ворон захлопал крыльями, скидывая снег на Лёвку, который чуть было не упал, потеряв шаткое равновесие. Птица несколько раз каркнула, потянулась вниз головой, и ему показалось, что она хочет слететь

к нему. Лёвка подумал: «Не к добру ворон каркает. Накличет мне беду».

Подобрал шапку, отряхнул о колено и быстрым шагом пошёл к двери подъезда, из которого выходила супружеская пара. Он узнал своих соседей по этажу. Они переехали недавно и вели себя почти незаметно. Как-то один раз Лёвка стрельнул сигарету у мужчины, который курил на площадке между этажами. Седоватый мужчина с намечающейся плешинкой на голове в спортивных штанах и домашних тапочках на ногах ловким движением большого пальца выбил сигарету из пачки «БТ» и протянул ему.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Лёвка. Прикурил от бензиновой зажигалки и только хотел завести с ним разговор о жизни, как в пролёте показалась блондинистая женщина с яркой помадой на полных губах. Она молча стояла в красном брючном костюме, уперев руки в бока. Мужчина, так и не докурив, потушил о край жестяной банки из-под оливок сигарету, заторопился к жене, перепрыгивая через ступени.

Проходя мимо них, Лёвка улыбнулся, поднял правую руку в знак приветствия и, ускорив шаг, оказался в полутёмном подъезде. На высоком потолке горела лампа, слабо освещая площадку. На него пахнуло жареной картошкой из квартиры возле лифта. В ней жил его старый корефан Лимонов, с которым они работали в киносети механиками. Однажды даже выпили по какому-то случаю, о чём Лёвка сейчас не помнил. Лимонов был тихим человеком, даже когда его лишили квартальной премии, он, зачитав приказ, поджал суховатые губы, долго стоял истуканом, видимо, в голове прокручивая свой сегодняшний разговор с женой Василиной. Жена отличалась крутым нравом, воспитывалась в детдоме и всяких неудач мужу не прощала. Однажды он пришёл с запахом женских духов после работы, Василина ещё в прихожей учуяла чужой парфюм

и, недолго думая, размашисто врезала мужу по щеке, оставив отпечаток своей кисти. Молча собрала в чемодан его вещи и выставила в коридор. Лимонов горестно повздыхал, переминаясь с ноги на ногу возле двери, и поехал на лифте ночевать к Лёвке.

Лёвка надавил большим пальцем на кнопку вызова лифта и стал ждать. Через несколько минут лифт остановился на первом этаже, и из него вышли двое пьяных парней в расстёгнутых болоньевых куртках. Один, чернявый, широкоплечий, в спортивной шапочке, толкнул Лёвку в плечо и пошёл дальше.

— Уважаемый, а нельзя ли поаккуратнее ходить и не толкаться? — сделал ему замечание Лёвка. И собрался уже зайти в кабину лифта, как получил сильный удар кулаком в затылок. Его толкнуло вперёд, и он ударился носом в кирпичную стену. Из носа потекла кровь, попала на губы, и Лёвка почувствовал солоноватый привкус. Он зажал нос пальцами и повернулся посмотреть, кто его ударил.

Лёвка не был трусом, ему изредка приходилось драться, в основном на каких-нибудь торжествах, где учинить потасовку не составляло большого труда пьяным мужикам. Первый раз ему крепко попало, когда он служил в армии на Дальнем Востоке. Крутил старый фильм солдатам в клубе, и плёнка внезапно порвалась. Пока он доставал её из аппарата, в комнатке появились трое старослужащих и без всяких объяснений стали его бить. Лёвка оборонялся как мог, но силы в тот момент были явно неравные.

От крепких ударов глаза заплыли, и он ничего не видел. Потом его посадили на стул и облили холодной водой из пожарного ведра. Лёвка такой обиды простить не мог. Утром сходил в санчасть и пояснил сержанту-фельдшеру, что упал с крутой лестницы. Тот не поверил, но расспрашивать не стал. После визита к эскулапу его вызвал

командир роты старлей Мышкин, он и вправду был похож на маленького мышонка: невысокого роста, худощавый, с тонкой полоской сероватых усов под узким хрящеватым носом. На его вопросы, что произошло, Лёвка упорно молчал, крепко сжав кулаки и зубы. Через неделю он отошёл от побоев, синяки под глазами спустились вниз жёлтыми пятнами. После отбоя он тихо встал, чтобы не разбудить соседей, надел кирзовые сапоги, намотал на руку армейский ремень с пряжкой, на которой была звезда, и отправился в дальний угол казармы разобраться с обидчиками. Там стояли кровати, на которых спали «старики».

Нагловатого ефрейтора Жгутикова он хлестал хладнокровно и безжалостно, чему сам удивился. Ефрейтор попытался встать с кровати, но ремень рассекал воздух, опускался на извивающееся под одеялом тело. Луна светила в большое окно, словно хотела быть свидетелем праведного суда. Подбежавшему на помощь ефрейтору рядовому Иванкину в майке, из-под которой торчали острые ключицы, Лёвка табуретом ударил сверху и разбил голову. Он, держась за неё и повизгивая по-щенячьи, исчез из вида. После этого случая больше к нему «старики» не подходили.

Второй удар Лёвка получил ногой в живот, от резкой боли он скрючился и опустился коленями на холодный бетонный пол. «Лишь бы ногами в лицо не стали пинать», — промелькнула мысль. Он приготовился к худшему развитию событий, как услышал женский крик:

— Это что такое? Я сейчас милицию вызову!

Чернявый парень подхватил с пола Лёвкину ондатровую шапку, бросился к двери и, хлопнув ею, оказался в темноте. За ним последовал его друг.

Лёвка поднял голову и увидел миловидную женщину средних лет с сумками в обеих руках. На ней была белая короткая шубка, на голове — серого цвета берет. Лицо

открытое, с зеленоватыми глазами, над которыми разметались черноватые брови. Лёвке стало стыдно, что он находится в таком положении. Остатки хмеля вылетели из его головы, и он смотрел на свою спасительницу уже трезвыми глазами. Женщина подошла ближе к нему:

— Вас не сильно побили? — её голос прозвучал мягко и сострадательно.

— Да, кажется, особо нет, — Лёвка встал на прямые ноги, оперся спиной на стену.

— У вас всё лицо в крови. Давайте я вытру, — женщина достала из кармана шубки белый платок и стала вытирать ему подбородок, щёки. Она стояла так близко, что он почувствовал, как пахло женским теплом, и ему даже захотелось подержать её за руку.

— Нет... Нет, не надо, — он отстранился, стал глазами искать свою шапку.

— Они унесли вашу шапку, какие подонки! — вздохнула женщина, ей хотелось помочь избитому мужчине. — Может, пойдём ко мне? Я вам лёд на нос приложу, а иначе кровь будет ещё идти.

У Лёвки распухли губы, он попытался улыбнуться и, кивнув головой, пошёл к двери. Овернулся и увидел, что женщина стоит на площадке и смотрит на него.

— Всё в порядке, не волнуйтесь. Спасибо!

На улице было тихо. Тёмное звёздное небо висело шатром над головой, и где-то в глубине светила яркая звёздочка. Лёвка хотел было рвануть по улице, поискать парней, но потом подумал, где их найдёшь, да и вид у него был не товарный. Присел на лавку, закурил, держа в разбухших губах сигарету. Крепко затянулся, голова закружилась, и он бросил сигарету в стоящую рядом бетонную урну. Лёвка поднял голову, хотел посмотреть на сидящего ворона, но его уже не было, и только голые ветки дерева сквозили в фонарном свете.

Прошёл месяц. Погода стала более солнечной, на небе появились бокастые пенистые облака. Лёвка уже подзабыл о неприятном случае в подъезде, и ему хотелось ещё раз увидеть женщину в беличьей шубке. Он частенько останавливался возле подъезда, надеясь на случайную встречу, но мимо него мелькали равнодушные лица жильцов. Лёвка купил в универмаге у знакомой продавщицы новую шапку из крашеного кролика. Однажды он издалека увидел стоящего на автобусной остановке мужчину в демисезонном пальто с каракулевым воротником в ондатровой шапке. Незаметно подошёл к нему сзади, держа крепкие кулаки в карманах. Пожилой мужчина с сеткой морщин на лице повернулся к нему, и Лёвка сразу определил, что шапка не его — она была потёрта снизу. Облегчённо вздохнув, Лёвка прошёл быстрой походкой мимо, направляясь по своим делам.

Возвращаясь домой после последнего сеанса, он остановился, чтобы прикурить сигарету, как в подъездном свете мелькнул силуэт женщины в беличьей шубке. Лёвка отбросил сигарету в ноздреватый снег и заторопился за ней. Женщина стояла возле лифта и читала объявления. Лёвка, перепрыгивая через две ступени, оказался возле неё.

— Здравствуйте! — поздоровался он, прислушиваясь к бьющемуся сердцу в груди. От волнения Лёвку бросило в холодный пот. Он подумал, что она сейчас уедет на лифте и не будет с ним разговаривать.

Женщина оторвалась от чтения, повернулась смугловатым лицом и внимательно посмотрела на него. По лицу пробежала лёгкая тень воспоминания, затем она улыбнулась уголками губ и ответила:

— Здравствуйте! Как ваши дела?

Лёвка неопределённо пожал плечами:

— Так, вроде бы ничего, — в его голове промелькнула мысль пригласить незнакомку в кинотеатр. — Вы не хотите посмотреть новый фильм?

Женщина непонимающе смотрела на него зеленоватыми глазами.

— Я работаю киномехаником и приглашаю вас посмотреть фильм «Анжелика и король Франции».

На следующий вечер Лёвка поджидал Венеру, так звали женщину, возле кинотеатра. Они прошли мимо уборщицы Никишкиной, которая, увидев их, бросила мыть пол и, выпрямив спину, зачем-то одёрнула серый халат, оценивающе посмотрела на Венеру. Зайдя в пустой зал, они сели на последний ряд. Свет медленно погас. Слышно было, как застрекотал аппарат, и они стали смотреть новый цветной фильм.

Лёвка попросил Лимонова покрутить им, он сначала помялся, потом согласился при условии, что тот отмажет его перед женой. Свой договор закрепили крепким рукопожатием.

Лёвка сидел, искоса посматривая на профиль лица Венеры, ему хотелось взять её руку, но он не решался. Затем, сдерживая дыхание, он положил на её руку свою, и ему показалось, что она её отдёргнет. Венера в темноте тихо улыбнулась, повернув голову к нему, и мягко сжала Лёвкину руку.

После кино они шли по тихому и сонному городу. Света в окнах не было, только фонари освещали им дорогу к дому. Над ними проплывало небо, усеянное мириадами далёких звёзд. Среди них мелькал красный огонёк пролетающего самолёта. На душе у Лёвки было радостно, мир вокруг расширился и становился чётче.

ОДИН ДЕНЬ И ВЕЧЕР

В обеденный перерыв инженер Игорь Балует по привычке собрался играть в шахматы с механиком Женькой Козловым. Наскоро перекусив в буфете на первом этаже винегретом с подогретой котлетой, они почти бегом поднялись на третий, взяли в кабинете шахматную доску и уединились в архиве, чтобы им никто не мешал. Там хранились старая техдокументация, чертежи и пахло пылью. У них было в запасе ровно сорок пять минут и ни секунды больше. Начальник производства Пётр Лиходосов, мужик вроде бы не вредный, но не любил по своей природе игру в шахматы, считая, что от неё только завихрение и припудривание мозгов получается. А вот игру в карты он просто обожал и неплохо разбирался в тонкостях преферанса. И если любители шахмат опаздывали с обеденного перерыва, то он сводил грозно густые рыжие брови у переносицы и тряс в воздухе указательным пальцем, при этом страдал лишить квартальной премии, но до этого дело пока не доходило. Сотрудники управления за глаза Лиходосова называли Иваном Грозным, он об этом знал и только порой ухмылялся, делая вид, что ничего не ведает. У каждого свои причуды.

Сегодня шахматисты-любители разыгрывали сицилианскую защиту, и Игорь начал первый ход белой пешкой e2-e4 — открыл для будущей ферзевой атаки по правому флангу. Женька улыбнулся, словно разгадал нехитрый план, в глазах промелькнул горячий блеск, пальцами отбил победный марш по столу и уверенно двинул свою пешку вперёд на поле a7-a6, чтобы в дальнейшем блокировать активность коней. Сделав ход, он вальяжно откинулся

на спинку стула. Достал из кармана джинсовой рубашки бензиновую зажигалку «Зипшо», открыл колпачок большим пальцем руки — при этом раздался своеобразный щелчок, — крутанул колёсико, высекая небольшое пламя, посмотрел на него и затем прикурил сигарету «Мальборо». Сладко затянулся, прикрыв веки, ожидая, какой будет следующий ход соперника. Борьба за негласную шахматную корону у них шла с переменным успехом. Игорь только взялся за свою фигуру двумя пальцами, поднял, чтобы поставить на шахматное поле, как дверь без стука резко распахнулась, и на пороге возникла фигура председателя профкома Лиды Хлебниковой.

На круглом лице, усыпанном мелкими рыжевато-розовыми веснушками, блестели карие глаза. Носик кнопчковой задиристо вздёрнут вверх. Все сотрудники удивлялись её кипящей энергии, она всё время находилась в движении, будто внутри у Лиды при рождении установили перпетуум-мобиле. Она перешагнула порог, занесла своё полноватое тело в комнату, и сразу стало в ней как-то тесно. Правой рукой она плотно прижимала дерматиновую папку к крутому бедру.

— Вот, мальчики, я вас наконец-то нашла! — измученным долгими поисками голосом произнесла она и твёрдо упёрлась руками в канцелярский стол возле шахматной доски. Лида подалась телом немного вперёд, и в разрезе синеватого летнего платья с яркими подсолнухами появились полные налитые белые груди. Они, словно спелые ферганские продолговатые дыни, источали сладострастие. — У нас горит путёвка на Кавказ! Кто поедет из вас? Сразу сознавайтесь! — на лице блеснула улыбка, обнажив передние крепкие зубы.

У Игоря мелькнула мысль, что такая, если вцепится, не отпустит. Он старался сторониться самоуверенных в своей иллюзорной правоте женщин, они могут идти

напролом железным катком, сметая всё впереди и не считаясь с потерями.

Женька Козлов стыдливо отвёл взгляд от разреза платья, ему всегда нравились рубенсовские женщины с пышными формами: ещё будучи школяром, тайком от матери смотрел репродукции голландского художника в цветном альбоме. Он сделал неожиданно удивлённое лицо, вздёрнув бровки, собрал морщинки в уголках глаз, размашисто разогнал рукой сизый табачный дым от лица, замотал головой, словно его кто-то невидимый больно дёргал за ухо.

— Нет... Нет, я не поеду! У меня различные дела по хозяйству, вот нужно домик садовый достроить, да и жена не отпустит одного — она у меня моралистка. Чуть что, сразу на развод.

Лидино пылающее лицо упёрлось в Балую, в её в глазах мелькал вопрос.

— Ну, ты-то холостой, Игорь, вот и поезжай! Не пропадать же путёвке. Материальную помощь получишь на дорогу, — она достала из папки путёвку. — Вот читай: Ессентуки, лечение ЖКТ... Попьёшь там целительного нарзана, подышишь свежим воздухом, а то смотрите, как здесь накурено, — она перевела взгляд на Козлова. — Тебе-то пора бросить курить, весь уже пожелтел. Как ещё жена дома терпит?! — Лидя придвинулась ближе к Игорю. — Давай уж соглашайся! Твой вид мне не нравится, какой-то бледноватый, давненько за тобой посматриваю. Там питание трёхразовое. А дома кто тебе готовит? Бегаешь, наверное, по всяким столовкам, и гастрит себе уже нажил, — Лидя поставила ему диагноз и поинтересовалась его питанием с такой женской заботой и теплотой, что Женька Козлов закашлялся, стал крутить в руках зажигалку. Дома его супруга больше пилила по пустякам, да и ворчливая престарелая тётка, жившая вместе с ними, не пропускала повода

заговорить о почти загубленной жизни своей дочери. Предупреждал же его отец: «Перед тем как жениться, подумай сто раз своей головой и понаблюдай за будущей тещей». Прав оказался отец, и не раз вспоминал его мудрые слова Женька.

— Да у меня пока ещё ничего не болит, — уверенно возразил Игорь, понимая, что шахматную партию сегодня уже не получится доиграть, а так хотелось поставить красивый мат Козлову, но и отдохнуть ему не мешало бы. — Впрочем, а когда нужно ехать?

— Через неделю должен быть на месте, — твёрдо говорила Лидя. — Зайди ко мне, нужно расписаться за получение путёвки, потом пройдёшь врачей — и счастливой дороги! Помахать платочком, к сожалению, не смогу.

Сделав серьёзное лицо, поправила лёгким движением подсолнухи на платье, кивнула головой и исчезла за дверью, оставив запах своего присутствия.

Женька Козлов с огорчённым и кислым лицом сидел за столом, опустив голову, ему хотелось доиграть партию. И он уже заранее обдумал дальнейшие ходы, но внезапное появление Лиды спутало все козыри. Он посмотрел на большие с серебряным оттенком японские часы «Сейко», которые купил у знакомого фарцовщика Лёвкина, торговавшего различными импортными вещами. В наших магазинах аналогов было не найти. Женька заплатил барыге свой месячный оклад, хотя в душе подтачивал червячок сомнения: а были ли они действительно известной японской фирмы?

— Нам пора идти, а иначе появится Лиходос со своими бровями. Может, после работы партию доиграем? — он вопросительно посмотрел на Игоря.

— Сегодня не в тему. Давай отложим до лучших времён, после работы у меня есть кое-какие дела, — он стал собирать шахматные фигуры в футляр. Одна фигура упала

со стола и покати́лась по полу. Игорь наклонился и стал рукой шарить в поисках ладьи.

— Я тебе отчасти даже завидую, — услышал голос и откровенное Женькино признание, когда они заперли на ключ архив и шли в свой кабинет по ярко освещённому коридору. Хлопали двери, сотрудники возвращались на свои места.

— Почему же? И на то есть веская причина? — не понял Игорь и посмотрел на Женьку. На его лице была серая тень гримасы, которую сложно скрыть. Парень он был неплохой, но иногда в нём возникали скрытые от глаз мотивы зависти.

— Ну, там познакомишься с красивой женщиной, сводишь её в ресторан и так далее, сам понимаешь... — он намекал на некие физиологические продолжения, о которых не захотел выразиться вслух.

— У тебя вечно странные фантазии разыгрываются после обеда на сытый желудок. Как отношения с женой? — решил осадить пылкость своего друга Игорь, зная от него о порой непростых отношениях с Викой.

— Да всё вроде бы в порядке. Утром уходил на работу, она даже поцеловала на дорожку, — Женька почему-то покраснел, наклонил голову вперёд, толкнул дверь рукой и первый зашёл в кабинет.

После работы Игорь сел в автобус и, проехав пять остановок, оказался возле спортивного комплекса «Бодрость». Зашёл в стеклянные двери и, увидев сидящего на привычном месте седоватого вахтёра дядю Степана, старого футбольного игрока, махнул ему приветливо рукой. Тот оторвался от телевизора, где шёл футбольный матч, что-то произнёс невнятно и снова уткнулся в светящийся экран. В раздевалке Игорь быстро переоделся в спортивный костюм, зашёл в зал, где уже разминались баскетболисты. Мяч он умел держать: ещё в институтской команде играл

на городских соревнованиях. Побегал по залу, попотел, потом встал под кольцо на подбор и закинул два мяча соперникам. Игра закончилась, и все потянулись в душевую. Игорь окликнул высокого, немного сутуловатого и костистого Лёху Стрелкова, с которым он играл не первый год:

— Пошли в тренажёрку, подкачаемся.

Тот развёл в сторону руками и посмотрел на электронные часы, висящие на стене: мол, времени нет. Игорь зашёл в просторную комнату, где стояли разные тренажёры, там никого не было. Открыл окно и, впусив свежего воздуха, встал на беговую дорожку. Так пробежал в спокойном темпе пять километров, подсчитал пульс на руке, он был в норме, учитывая нагрузку. Прихватив полотенце, пошёл в душевую. Пол скользил под ногами, кто-то второпях забыл выключить воду, и она била сверху сильной струёй в кафельный пол, оставляя подтёки на стене.

Уже на выходе решил подойти к вахтёру Степану. Увидев Игоря, он повернулся к нему красноватым брыластым лицом с редкими седыми бровями, убавил пультом звук.

— Как идёт игра? — поинтересовался Игорь, чтобы как-то начать разговор, хотя сам не любил футбол.

— Да ну их! — раздражённо возмутился ветеран футбола и от досады поскрёб пятернёй небритую щетинистую скулу. — Играть совсем не умеют. Бабки получают большие, а бегать по полю ленятся, — не увидел команды. Вот мы раньше играли за невысокую зарплату и всё... и победы были, — он рубанул воздух рукой, добавил звук и, наклонившись телом вперёд, облокотился о колени, стал дальше смотреть матч.

Когда над вечерним сумеречным городом стали сгущаться серые полные воды тучи, Игорь пришёл домой. Он жил с подселением в трёхкомнатной квартире. В одной комнате проживала пенсионерка без возраста Клавдия Семёновна, она зимой и летом ходила в одном старом байковом

халате, шлёпая тапочками по паркету. В другой — он, а третья комната считалась общим залом, там были деревянная кадка с фикусом да цветной телевизор, который Игорь поставил, чтобы Клавдия Семёновна могла по вечерам коротать одиночество. Услышав, как Игорь зашёл в квартиру и в прихожей снимал обувь, она тихо, будто поджидала, вышла из своей комнаты, вытянув вперёд худое лицо с острым носом, и едва слышно прошелестела:

— Игорь Григорьевич, добрый вечер! Хочу вас спросить об одном деле, — она немного замялась, поправила пояс на халате, на лбу сбежались волной мелкие морщинки. — Вот вы человек образованный! Скажите мне, говорят, что скоро опять продукты питания будут по талонам давать, так ли это?

Подошла к нему почти вплотную, наклонила набок седую голову, смотрела на него глазами, подёрнутыми пеленой старческой глаукомы, ожидая ответа своего соседа.

Игорь положил спортивную сумку на пол, выпрямился во весь рост, хрустнул плечами:

— Да не верьте всяким сплетням, ей-богу! Откуда вы взяли, что это произойдёт?! Мы тяжёлый период уже пережили, и едва ли произойдёт снова подобное, — он ещё помнил, как, будучи студентом, приезжал после сессии домой к родителям, и они ходили в магазин, прихватывая с собой талоны. Тогда как-то враз с полок и витрин исчезли продукты питания. Так обозначилась государственная перестройка в конце восьмидесятых двадцатого века. Отец работал инженером в конструкторском бюро на заводе, выпускающем холодильники. Словно по чьей-то команде рубильник выключили, и конвейер встал, многих сотрудников сократили, в том числе и его. Игоревы знакомые ребята, которые не пошли учиться, отслужив в армии, стали ездить в Турцию за вещами и торговали ими на рынке. Платили своей криминальной крыше, чтобы не беспокоили.

По центральному телевидению выступал один специалист, обещавший оживить экономику страны за счёт иностранного импорта. Твердил, что производить ничего не нужно, а будем покупать всё за рубежом. Круглое лицо с небольшими бегающими глазками и редкими прилизанными волосами лоснилось от призрачного будущего. «Запад нам поможет», — под таким девизом разрушалась экономика державы.

Услышав причитания Клавдии Семёновны, Игорь хотел рассмеяться, но, зная обидчивый характер соседки, сдержался, спрятал улыбку в губах.

— Да кто вам такую нелепицу сказал? — спросил он, теряя всякий интерес к экономической теме. Подхватив рукой сумку, встал в некой задумчивости и всё же решил дослушать соседку.

— Да, дворничиха Мымрина из соседнего подъезда сегодня сказала и наказала никому больше не говорить. Я только с вами поделилась и больше никому, — для убедительности своих слов, она приложила тонкий сухой палец к потрескавшимся губам и повела глазами в сторону дверей.

Игорь пригладил волосы на голове, слегка ухмыльнувшись такой конспирации, покачал головой:

— Отменяется конец света, по крайней мере на целый месяц, — он обошёл соседку, стоящую в тесноватой прихожей, направился в свою комнату.

— А почему на один месяц? — не поняла сказанного Клавдия Семёновна, сделала удивлённое лицо, собрав сухие морщины, пожала костистыми плечами.

— Да просто я уезжаю скоро отдыхать, и какой может быть конец света? Жизнь только начинается! — ответил Игорь, перед тем как закрыть наглухо дверь своей комнаты и отгородиться от вечерних новостей.

Клавдия Семёновна была безвредной старой женщиной, на её веку прошла война, она работала токарем

на заводе. Там же оставалась с подругами ночевать, до общезнания было далековато идти. Муж вернулся весь израненный, воевал в пехоте — царице полей. Прожили вместе всего-то два десятка лет. После смерти мужа получила отдельную комнатку. Так одна коротала богом отмеренные годы. Разочарованная соседка, шлёпая тапочками, за-сунув руки в глубокие карманы халата, пошла на кухню.

На следующий день Игорь зашёл в управление, чтобы подписать заявление на отпуск у Петра Лиходосова. Тот сидел в кабинете за какими-то бумагами и, как только увидел вошедшего Игоря, поднял густые брови, близоруко сощурился. Солнце светило прямо ему в глаза, прикрыв их широкой ладонью, он посмотрел на него как-то удивлённо, будто видя его в первый раз. Повертев в руках лист бумаги, Лиходосов взял ручку со стола и размашисто подписал, потом улыбнулся полными губами, что делал редко, и пожелал Игорю приятного отдыха.

— Ты вчера не смотрел новости по телевизору? — прокашлявшись в кулак, поинтересовался Лиходосов, согнувшись в поясе, подался телом вперёд. Брови сошлись возле переносицы, отчего превратились в одну прямую линию.

— Нет, не смотрел, я не любитель голубого экрана, были дела поважнее.

— Напрасно, напрасно, — разочарованно произнёс он. — А вчера в стране произошло ЧП почти вселенского масштаба!

— Да что вы говорите?! — сделал удивлённое лицо Игорь. — У нас что ни день, так новое событие. Ничему не удивляюсь, всё переменчиво в этом мире.

Он сам не понимал, что происходит. Вроде бы жили спокойно, умер престарелый генсек Леонид Брежнев, и с появлением нового партийного лидера всё забурлило, закипело в головах людей. Всем сразу захотелось непонятной западной демократии, и она вскоре пришла, смета

всё с полок в магазинах. Старые люди стали чаще молиться, осеняя себя крестом, скупали на всякий случай соль и спички. Жива у народа историческая память.

— Да, да. Немецкий лётчик Руст сел на своём самолётике прямо на Красную площадь. Ты можешь себе это представить?! С этой площади наши отцы в 41-м уходили после парада прямо в бой под Москву, а сейчас, получается, получили плевков в душу и от кого? От немцев! — болезненно сморщив лоб, Лиходосов мысленно представил себе, как небольшой самолётик «Сессна» с чёрными крестами на бортах падает прямо с неба на площадь, по которой гуляли люди, и из него выходит рыжеволосый детина в очках. От таких мыслей в душе стало что-то нехорошо, он сглотнул слюну, помял губами.

Глядя на своего начальника, Игорь не испытывал к нему ни злорадства, ни слабой насмешки, которую он смог бы скрыть, а видел в первую очередь человека, которого потрясла эта новость.

— Это чистой воды провокация, других мыслей у меня пока не возникло. Тем более вчера был день пограничника, если мне память не изменяет, — почти машинально ответил Игорь, понимая, что аудиенция у начальника затянулась и пора бы честь знать.

— Может быть... Может быть, — глубокомысленно согласился Лиходосов, сжав кулаки на столе. — А как он смог пролететь через границу, если у нас ПВО на страже неба?! — потом он помолчал немного, глянул через плечо в окно. По небу лениво плыли кучки белых облаков. — Ну ты там особо не развлекайся! — шутливо пробасил он, рукой откинув волосы со лба, чтобы не лезли в глаза.

— Почему? Мне прежде всегда казалось, что отпуск для этого и предназначен. И почему такой странный вопрос или даже пожелание? — Игорь стоял в кабинете, держал в руке подписанное заявление, и собирался уже выйти, но стоял в надежде услышать от Лиходосова ответ.

Лиходосов, немного помямлив и понимая, что сморозил глупость, пошевелил плечами, будто зачесалась спина.

— Да знаешь, у нас несколько лет назад случай неприятный такой произошёл, — замолчал ненадолго, собирая, видимо, мелкие осколки давнишней истории в памяти, затем продолжил: — Один мастер уехал в санаторий на юг и пропал.

— Как пропал? — не понял Игорь.

— Да там познакомился с одной барышней. Закрутил любовный роман, уехал к ней в Ставропольский край — она была одинокой — и закуролесил там. А жена у него здесь оставалась, и она стала ходить ко мне почти ежедневно, чтобы я подал заявление в милицию на розыск. Я ей чётко объяснял, что в мои компетенции это не входит. Потом он, правда, объявился через два месяца, весь издёрганный, худой, похожий на выщипанного петуха. Вот до чего любовь доводит нашего брата. Хотел вернуться домой, а жена с разгневанным видом вышла на порог и выбросила его вещи в коридор. В результате развод, и разбежались они в разные стороны, а хорошая семья была. Так что смотри!

В это время в дверь приглушённо стукнули, и в проёме появился Дима Нежданов — снабженец. Его отличительная черта — появляться в самый неподходящий момент. Широкое лицо с небогатой волосистой растительностью на подбородке и маленькими чёрными хитроватыми глазами блестело, словно хорошо начищенный медный самовар к выходному дню. Он небрежно тряхнул кудрявой головой, волосы пошли волной, и с протянутой рукой шагнул навстречу Игорю.

— Привет, отпускник! Слышал... Слышал от профкома, что едешь на Кавказ. Что ж, отлично! Подышишь свежим воздухом, попьёшь хорошего винца, — он хотел что-то ещё сказать, но прервал полёт своих мыслей,

потёр двумя пальцами переносицу. — Мне нужно обсудить одну проблемку с шефом. Ты уж извини, разговор чисто конфиденциальный, — сделал виновато натянутую улыбку, разводя руками в стороны.

Лиходосов встал со своего стула, прошёлся немного по кабинету, разминая затёкшие ноги от долгого сиденья, страхнул указательным пальцем невидимые пылинки с коричневого пиджака, помял кисти рук — хрустнули суставы. Посмотрел на Игоря серо-зелёными глазами, над которыми нависли тяжёлые желтоватые веки.

— Ну ладно, Игорь, счастливо съездить! Будь осторожнее: женщины — весьма коварные существа, хотя без них нам сложно. Это как чемодан без ручки: тяжело нести и выбросить жалко, — он это почти по-отечески произнёс и, как показалось Игорю, даже хотел по-дружески похлопать его по плечу.

У Лиходосова была вторая жена, и с ней он порой жил как кошка с собакой. Так что неплохо разбирался в женской загадочной натуре.

— Мне это не угрожает, Никита Михайлович! Я живу один, — махнув листком бумаги, Игорь исчез за дверью, чтобы месяц не видеть своего шефа.

Через два дня Игорь шёл по узкой дорожке с небольшим коричневым чемоданом в руках в городе-курорте. День стоял солнечный и тёплый, сквозь плотную зелёную крону деревьев едва проглядывалось безоблачное синеватое, с белыми пятнами небо. Игорь добрался до города на поезде и, сойдя с него, сразу же направился через парк в санаторий. У входа его встретила гипсовая скульптура женщины с веслом. Крупное тело, с переплетёнными мышцами рук и ног символизировало женщину-строителя новой жизни. В руке она крепко держала весло и широко улыбалась. Местный скульптор-новатор, имя которого не сохранилось в анналах истории, попытался

слепить образ своей жены, но приёмная комиссия походила кругами вокруг скульптуры, не поняв его замысла, порекомендовала её переделать. По неизвестным причинам скульптор занемог, так она осталась стоять, улыбаясь всем входящим.

В парке гуляли отдыхающие, бегали несколько бездомных собак, судя по пёстрому окрасу, они были из одного помёта. На ветках деревьев сидела стая городских ворон. Навстречу Игорю шёл, прихрамывая на левую ногу, мужчина средних лет в спортивном костюме и красной бейсболке на седоватой голове.

— Извините, не подскажете, как пройти к санаторию «Вершины Кавказа», — спросил Игорь и поставил чемодан возле ног.

Мужчина посмотрел на него сквозь очки:

— Да вы почти пришли, — и показал рукой на небольшой магазинчик, где на фасаде красовалась вывеска «Меха». — Потом повернёте направо, спуститесь немного вниз и окажетесь возле проходной санатория.

— Спасибо, — поблагодарил Игорь, подхватил чемодан и зашагал вперёд, думая, что подходит конец его путешествию. На железнодорожном вокзале он остановился возле вагона и стал смотреть, в какую сторону ему идти, как незаметно из-за плеча возник невысокого роста юркий чернявый парень с хрящеватым носом и тонкими губами на нагловатом лице. Заглядывая прямо ему в глаза, тихо спросил:

— Квартира нужна? Есть подходящий вариант, недалеко от парка. И совсем недорого возьму, — не дожидаясь ответа, наклонился, потянулся рукой за чемоданом. На правой кисти между большим пальцем и указательным синел паук.

— Ты не торопись, парень, — остановил его Игорь и ногой подвинул чемодан ближе к себе. — Иду в санаторий,

так что не беспокойся, — Игорь обошёл навязчивого незнакомца и зашагал вдоль перрона на выход в город, спитой чувствуя жгучий взгляд чернявого.

Санаторий открылся сразу, как только он свернул от магазина вниз. Высокое современное здание с большими лоджиями и небольшим ухоженным парком, в котором росли раскидистые деревья и плотный кустарник возле дорожек.

Игорь, проходя мимо дремавшего на стуле вахтёра в синей спецовке, слегка постучал кончиками пальцев по стеклу. Мужчина поднял крупную лысую голову, безразлично окинул его взгляд, вяло махнул рукой — проходи, мол. Вскоре он уже стоял в просторном холле первого этажа. Блондинистая девушка с узким лицом и волосами до плеч взяла путёвку, паспорт, посмотрела на него ясными голубыми глазами:

— У нас свободные номера остались только на седьмом этаже. Согласны?

— Да, конечно, мне любой подойдёт, — согласился Игорь, понимая, что в данном случае торг неуместен и шоколадка не подействует на исход.

— Сейчас дам вам ключ, а после обеда пригласят к врачу. Будьте в номере, — девушка протянула ключ с деревянным брелком. — Надеюсь, вам понравится у нас, — она дежурно по привычке ответила и бросила взгляд на него, глаза у неё потемнели.

— Мне тоже так кажется. Солнце, чистый воздух и покой, а что ещё нужно для хорошего отдыха.

Игорь сначала решил пешком подняться на седьмой этаж, но остановился возле лифта, передумал и нажал кнопку вызова. У лифта двери мягко и бесшумно открылись, впуская его внутрь. На стенках были зеркала, он посмотрел на своё лицо, нахмурил серые брови и только протянул руку к пульту, как услышал женский отрывистый голос:

— Подождите, подождите меня!

Запахавшись, в лифт забежала невысокая плотная женщина примерно пятидесяти лет с короткой стрижкой. Лицо с сеткой мелких морщин под бегающими глазами источало благополучие. На ней надеты длинные шорты почти до колен, и немного мятая футболка. Она снизу посмотрела на него бесцветными глазами, поморгала ресничками, верхняя губа слегка дёрнулась, попросила:

— Мне нужно на пятый. Тороплюсь опоздать на процедуру. Всё бегом-бегом, так весь день и занята, — женщина вздохнула как-то даже обречённо. На пятом этаже она вышла, оставив запах цветочного мыла.

Игорь прошёл по коридору, устланному зеленоватого цвета ковровой дорожкой, постучал в дверь. Чемодан поставил возле ног. Рядом прошла полноватая горничная со взбитой причёской, на левой ноге был явно замечен варикоз, она покосилась подведёнными синими глазами на него и, покачиваясь, словно баржа на волне, прошла дальше, держа веник в руке.

— Входите, открыто, — раздался за дверью мужской басок.

Зайдя в номер, Игорь увидел сидящего на кровати рыжеватого мужчину лет сорока в зеленоватой армейской майке, тренировочных брюках и плетёнках на босу ногу. На худощавом скуластом лице курчавились бакенбарды. На правом предплечье синела татуировка сидящей девушки с распущенными до плеч волосами. Он повернул голову к нему, натянуто улыбнулся, показывая крупные резцы зубов:

— Дзянь добры! — поздоровался, привстал жилистым телом, наклонил голову с заметной плешинкой.

— Вы поляк? — поинтересовался Игорь, зная, что в этом санатории отдыхают иностранцы, и ему стало удивительно, как они оказались вместе.

— Да нет, друже, я настоящий исконный русак, и фамилия Белых. Звучит, а?! Просто служил прапорщиком в Польше, вот и понахватался там разговорных словечек. Там без этого нельзя. И мне поляки приглянулись, а особенно тамошние паненки, ну чисто красавицы!

— А кем вы там служили, если не секрет? — спросил Игорь, оглядывая номер. Ему он понравился: просторный, много света, дверь на лоджию распахнута, вдали просматривалась в прозрачном воздухе высокая гора. Он взял чемодан, не зная, куда его поставить.

Сосед, увидев его неопределённость, с готовностью вскочил и показал рукой на высокий, до самого потолка шкаф.

— Вот там занимай правую половину, места хватит. А служил почти пять лет начальником продовольственного склада.

— Ну, в общем-то, неплохая и даже сытная должность, — усмехнулся Игорь и стал распаковывать чемодан. Ему хотелось поскорее принять душ и немного отдохнуть после долгой дороги. Да и попался чрезмерно разговорчивый сосед...

— Может, sprysнем по сто граммов коньячку за знакомство и твой приезд? — рыжеволосый подошёл к своей тумбочке, присел на корточки и извлёк початую бутылку дагестанского коньяка «Лезгинка» и два небольших красных яблока. — Кстати, рекомендую. Утром можно сто граммов принять на тело, а вечером перед танцами сто пятьдесят, и санаторная жизнь покажется праздником.

— Давай отложим до вечера. Мне сейчас идти на приём к врачу, и ты особо не увлекайся, моменто мори.

Сосед, услышав незнакомые слова, насторожился, на лице легла тень сомнения, брови сердито опустились вниз, он пожал плечами.

— Ты мне поясни, что за странные слова я услышал. Может, они ругательные?

— Да нет же! Это перевод с латыни: «Помни о смерти!» — и совсем необходимые слова. Просто мы должны помнить, что наша грешная жизнь не вечна под луной. Вот и всё. Впрочем, как тебя звать-величать?

— Можно просто Гога, если даже Жорой назовёшь, то никак не обижусь, — он с явной неохотой и сожалением на лице спрятал коньяк обратно в тумбочку, грузно завалился на кровать. — У меня сегодня ванна с морской солью и массаж спины. Попроси у доктора эти процедуры, отлично помогают от боли в суставах.

— А меня звать Игорем, — протянул руку Гоге, он, не вставая, пожал её крепко, и рука безвольно упала на кровать.

— Вечером отметим твоё прибытие на кавказский курорт. До тебя здесь был мужик с Сахалина, и не лень ему было переться в такую даль. Дак мы с ним почти каждый день выпивали, и, знаешь, даже ничего, — Гога привстал на локоть руки и пробуравил глазами Игоря.

— Нет, я по этой части не очень. Как-то не приучился выпивать. А здесь есть спортзал?

— Есть на первом этаже с тренажёрами, и плавательный бассейн там же. Так что можно себя подкачать. А я не буду, мне полезны чистый воздух и целебный нарзан. У нас в городе стоит металлургический комбинат, он всю округу травит ядовитыми выбросами. Писали во все инстанции... всё бесполезно.

Игорь разложил вещи из чемодана в шкаф, вышел на лоджию, вдохнул тёплый прозрачный воздух и почувствовал, как он проник в него и расширился в груди. Хотел присесть на пластиковое кресло-шезлонг, но увидев Гошино махровое полотенце, шагнул вперёд. На круглом столике стояла импровизированная пепельница из-под жестяной кофейной банки. Игорь облокотился на ограждение лоджии, стал смотреть вдаль. Открывался

прекрасный вид на окрестности. В ложбинке меж невысоких холмов текла речка, по берегам тянулись ввысь тополя. Стояло несколько каменных домов, дорога петляюще уходила дальше в горы. В слегка подсинённом, почти прозрачном небе реяла большая птица, она, распахнув крылья, подхваченная нисходящими тёплыми воздушными потоками, взмывала вверх, исчезала из вида и снова появлялась в стороне.

В дверном проёме возникла голова Гоши:

— Игорь, пошли в ядальню, время подошло. Тут тебе записку принесли от врача. Ждёт на приём в четыре часа. Пошли, не тани время, на лифте будет сложно спуститься, народ повалит из своих номеров.

Игорь ещё раз посмотрел на парящую птицу, вздохнул и вошёл обратно в номер.

В столовой стоял ровный приглушённый шум, он складывался из обрывков разговоров, бряцания посуды. Между столиками шустро сновали официантки, подавали с тележки блюда. Игорь нашёл свой столик в самом углу столовой, за ним уже сидели две женщины и мужчина. Поздоровавшись, он сел рядом с моложавой женщиной лет тридцати, она повернула к нему своё красивое очерченное смугловатое лицо с карими, с золотистыми прожилками глазами, улыбнулась мягкими губами. Короткая причёска каре была ей к лицу. Женщина, сидевшая напротив, молча кивнула седоватой головой, сквозь очки пронзила его острым синеватым взглядом и дальше принялась за еду. Мужчина, с обвислым брыластым лицом и крупным рыхловатым носом, хитро подмигнул ему правым глазом:

— Издалека приехали? — спросил он с набитым ртом. Казалось, что его крупные челюсти исправно, словно железные шестерни, пережёвывают диетическую санаторную пищу.

— Да, издалека, можно сказать, — не стал вдаваться в подробности Игорь, подвинул к себе тарелку, в которой лежала сухая котлета с тушёной капустой. Немного поковырявшись вилкой в тарелке, он выпил стакан компота, собрался было уходить, как его остановил вопрос мужчины:

— Что-то с аппетитом у вас неважно. Желудок приехали, наверное, подлечить? — он закончил с трапезой и ковырялся во рту зубочисткой.

— Да всё в порядке, просто сегодня только приехал и пока ещё не акклиматизировался.

— Это дело поправимо. Я завтра утром уезжаю и оставляю вам на попечение этих прекрасных дам, с которыми мне посчастливилось провести время, — он снова подмигнул правым глазом и широким подбородком показал в сторону моложавой женщины. — Вот Галина у нас недавно приехала и скучает, всё сидит в номере, будто девица несмеяна. Я бы на вашем месте не дремал, а то могут увести из-под носа.

Мужчина положил вилку, вытер салфеткой губастый рот, с шумом отодвинул стул в сторону и вытащил своё полноватое бесформенное тело из-за стола. Встал, прижав руки по бокам, театрально поклонился и с пафосом в голосе пророкотал:

— Счастливо оставаться. Мы уже не увидимся на этой прекрасной земле, воспетой нашими поэтами, — утром, первой каретой отбываю восвояси, — он откинул прядь волос с выпуклого лба, повернулся на носках и легко понёс своё тяжёлое тело к выходу.

— Как можно к вам обращаться? — поинтересовался Игорь у пожилой женщины.

Прекратив жевать, она сглотнула, поперхнулась и сухо закашлялась, прижимая кулачок ко рту.

— Извините, — Игорю стало неловко, что он задал ей вопрос в неудобное время.

— Да нет, ничего, подайте мне лучше стакан с компотом, — попросила женщина, краснея лицом. — Это у меня бывает. Просто схватывает дыхание, как жгутом. А меня звать Маргарита Петровна, а можно просто Рита, — она равнодушно кивнула ему головой, уткнулась в тарелку и принялась доедать капусту.

Игорь повернул голову в сторону смугловатой соседки:

— А вас уже представили. Очень приятно. А меня звать Игорем.

Галина посмотрела на него чёрными, словно египетская ночь, очами, тонкие бровки дрогнули на лбу:

— Очень приятно. Я тоже приехала недавно.

— А откуда? — произвольно вырвалось у Игоря, хотя он не думал задавать подобный вопрос и считал его в данном случае бестактным.

— Из Петрозаводска. Слышали о таком?

— Конечно! Карелия — край лесов и озёр. Говорят, у вас там очень красиво.

— Точно. Кто хоть раз приезжал, то обратно возвращается полюбоваться. Хотя у нас не только это можно посмотреть.

— А что ещё?

— Заповедник «Кижы». Там собраны прекрасные экспонаты деревянного зодчества. Храм Преображения — это вообще нечто! Его старые мастера построили без одного гвоздя, и только лепестки на маковках закрепили на мелкие гвоздики. В хмурую погоду купола отдают серебряным цветом, а в солнечный день издалека сверкают золотом.

Рита сидела отрешённо, погружённая в свои мысли, и краем уха вслушивалась в тихий разговор между соседями. Она приехала из Калмыкии, где степи переходят в полупустыни, и карельские красоты видела только по телевизору. Ей хотелось тоже поучаствовать в разговоре,

но поняв, что это будет неуместно, она подняла голову и стала рассматривать заоконное пространство. Тёмные с синеватым оттенком пальцы лежали на белой скатерти и слегка подрагивали. Рита вздохнула и встала из-за стола:

— Ну, я, пожалуй, пройдусь по парку, прогуляюсь, сегодня погода чудная стоит, — она поправила очки на носу и, наклонив голову, пошла между столиками.

— Что-то с ней не так? — Игорь проводил глазами соседку.

— У неё личное горе. Не так давно муж умер. Вот она так тяжело переживает, — у Гали погрузнели глаза, она их прикрыла пушистыми ресницами и горестно покачала головой. — Вы уж на ужин не опаздывайте.

— Хорошо, постараюсь.

Игорь встал из-за стола и подошёл к официантке, худощавой, молодой женщине с тонкими ногами и короткой стрижкой. Она слушала его, чуть наклонив вбок, коротко улыбнулась и покатила тележку с собранной посудой со столов.

Гога лежал в номере на кровати, закинув руки за голову, прикрыв глаза и что-то тихо напевая. Услышав, как зашёл Игорь, он резво вскочил и пошёл ему навстречу, широко разводя руки в сторону, блестя глазами.

— Ну ты, брат, оказывается, не промах! Вижу по тебе — стреляный воробей, сразу смуглолицую взял в оборот. Да всё правильно, живём только один раз, — Гога хлопнул в ладоши, зачем-то потёр их, словно они озябли. — Сегодня вечером приглашаю в кафе, посидим, выпьем коньку и потанцуем. Там неплохо шашлык из осетрины готовят, просто пальчики оближешь. Позови свою знакомую. Впрочем, как её звать?

— Галина, — неохотно ответил Игорь, особо не желая Гогиного вмешательства и различных комментариев.

— Галинка... Галчонок. Впрочем, неплохое имя, и лично у неё смазливое. Я сам хотел с ней закрутить, но как-то не встретил её на танцах, а ты сразу цап-царап. У меня была одна знакомая Галинка из Кишинёва. Такая славная дивчина, — на лице Гоги промелькнула радостная волна, он хотел было рассказать своему новому соседу, как закончился их роман, но, видя, что Игорь не заинтересовался и остался равнодушным к его любовным похождениям, смолк, сел на кровать, уставился в точку на противоположной стене. Там висел высохший паучок.

— Вот так наша жизнь суетная проходит. Плетём паутину, а потом бац... и все превратились в мумию. Можно сказать, аллес капут — и короткий некролог от своих верных друзей в местной газете.

— Гога! Расскажи, за что тебя уволили из армии. Ты был при своём месте. Начальник продовольственного склада — это звучит... Как бы сказал один классик, «звучит гордо».

У Гоги над верхней губой собралась складка кожи, он потёр пятернёй крутой лоб, видимо, воскрешая в памяти свои армейские воспоминания и думая о том, можно ли всё доверить Игорю. У него были свои тайны, и он старался никому не рассказывать их, да и жизнь несколько раз ошпаривала, словно кипятком. Жил по принципу: доверяй, но проверяй.

— Служил, одним словом, не тужил, все проверки и ревизии проходили гладко. Только однажды я решил осенью обзавестись резиной для своего автомобиля, который стоял у меня в гараже. Договорился с одним знакомым поляком, таким шустрым, — мы с ним не раз выпивали, — что за два ящика тушёнки он даст мне четыре шипованных колеса. Ну, вроде бы ударили по рукам. На следующий день я отвёз ему домой тушёнку и забрал колёса, правда, не новые, но на них можно было отъездить

ещё не один сезон. У меня через год заканчивался контракт, и я вольной птицей улетел бы домой. У него была дочка-студентка Габриэла, я звал просто Габи, влюбился в неё с первого взгляда. Когда Якуб, это её отец, уходил в небольшой костёл в выходной день помолиться, мы с ней тайком садились на скамейку в саду и держались за руки, заглядывали друг другу в глаза и молчали. Правда, всё же я её однажды поцеловал — губки такие сладкие, словно шоколадная помадка, — Гога сделал паузу, тяжело вздохнул, отчего вены на шее взбугрились, он поиграл желваками скул. — Вот кто-то настучал на меня, и внезапная ревизия приехала из полка. Короче, меня за два ящика тушёнки уволили раньше времени. Пугал командир полка Зверев трибуналом, но есть, видимо, бог на небесах. Всё тихо улеглось, и только отправили меня домой к родным берёзкам. Так скажем, неудачный бизнес получился. Пся крев, — по-польски выругался он и опять безучастно уставился на паучка, висящего на стене. Видимо, он приводил Гогу к некоторым философским размышлениям о бренности нашей жизни.

Вечером Игорь с Галой и Гога со своей пассией Жанной, одетой в красный брючный костюм и туфли на высоком каблуке, направились в кафе «Перевал». Гала была одета в голубую блузку с короткими рукавами и чёрную юбку с небольшим разрезом сбоку, облегающую её бедра. На шее висела тонкая витая золотая цепочка с овальным кулоном, украшенным сверкающими небольшими бриллиантами.

Они шли по тихим тёмным улицам санаторного городка. В кустах пощёлкивала невидимая птица. Она испуганно вспорхнула при их приближении и, частя небольшими крыльями по воздуху, перелетела на дерево и скрылась в густоте листьев. Через короткое время она снова затрещала. Мимо пробежала крупная лохматая серая собака,

на лобастой голове прицепились несколько репейников. Увидев их, она остановилась, почесала бок задней ногой, побежала дальше, виляя хвостом.

Зайдя на большую террасу, скудно освещённую светом, они остановились, осматриваясь, куда бы сеть. Из темноты, будто их поджидали, тихо возник молодой парень-официант с прилизанной головой, тонкими прижатыми к голове ушами, в чёрной жилетке и белой рубашке с коротким рукавом:

— Мы, как всегда, рады видеть наших гостей, — приветствовал он приятным тенорком, наклонив голову к плечу. — Можете пройти дальше, там есть свободные места, — он рукой показал столик, над которым висел круглый прозрачный плафон. — Я сейчас подойду и приму у вас заказ. Меню на столе, пока можете ознакомиться. Он шагнул назад и исчез в темноте.

Жанна села на заботливо подставленный стул, рукой поправила блондинистые волосы, откинувшись на спинку:

— Как здесь хорошо! Мне нравится. А вам как, Галина?

— Мне тоже нравится, — улыбнулась в ответ она.

Подошедшему официанту заказали бутылку пятизвёздочного коньяка «Дербент», дамам по бокалу красного вина, шашлык из осетрины и фрукты.

Небо над ними набухало чернильной плотностью, неостывший дневной воздух парил над ними, и были отчетливо видны проклюнувшиеся первые звёзды. Пахло дымом, скорым шашлыком, слегка примешивался сладковатый запах росшего неподалёку куста.

Гога налил рюмку до краёв, поднял, окинул взглядом компанию:

— Хочу предложить тост. Если вы, конечно, не против. Все молча согласились, повернули головы в его сторону.

— Мои новые друзья, мне очень приятно выпить сегодня за наше знакомство. Пусть отдых покажется лёгким

и медовым. Одним словом, за наших дам, — заключил Гога и умело опрокинул рюмку в рот, стал пристально смотреть, как будут пить женщины.

На веранде появилась троица подвыпивших молодых парней. Они громко разговаривали, при этом жестикулировали руками, привлекая общее внимание. Один из них долговязый, поджарый, похожий на гончую собаку с вытянутым лицом, покачивался маятником, затем, увидев подставленный стул, плюхнулся телом, откинув назад голову, приоткрыл рот, словно ему не хватало воздуха.

Другой парень Игорю показался знакомым. Да, точно, его он видел на железнодорожном вокзале в день приезда. Юркий, с узким хрящеватым носом и тонкими, словно одна линия, губами, шарил по женским лицам. Бледноватое лицо выглядело уверенным, даже слишком. По его резким движениям Игорь понял, что он может ввязаться в любой конфликт, и его ничто не остановит. Когда они встретились на перроне вокзала, ему показалось странным блеск в глазах и оживлённая мимика лица, такое обычно бывает у наркоманов. Третий парень, чтобы его не качало, прислонился крупным телом к стене, опустив голову-шар, упёрся почти квадратным подбородком в грудь. На нём была пёстрая с пальмами рубашка, верхние пуговицы расстёгнуты, и в разрезе видны кучерявые волосы.

Из темноты возник официант и наклонился к худощавому с впалой грудью парню, что-то стал ему говорить. Тот только небрежно кивнул головой и пошёл к столику, стоящему неподалёку от входа. Вся троица села, развалившись, и вяло перебрасывалась словами меж собой, будто играя в нехитрый пинг-понг. Видно было, что они здесь частые посетители и их хорошо знает персонал кафе.

Официант поставил им на столик большой графин с водкой и какую-то нехитрую закуску.

Послышалась из динамиков медленная музыка. Пела Алла Пугачёва песню «Миллион алых роз». Худощавый встал, заправил выпроставшуюся белую рубашку в зеленатоватого цвета брюки и медленно стал подходить к столику, за которым сидел Игорь с компанией. Он остановился, не доходя до них, прошёлся растопыренной пятернёй по короткой стрижке, затем криво ухмыльнулся и, оказавшись рядом, положил руку на плечо Галины. Наклонил голову и пригласил на танец. Галина слегка вздрогнула плечами, вся сжалась, и в глазах промелькнул видимый испуг. Она повернула голову к худощавому парню и помотала головой, отказывая ему.

— Значит, не хочешь со мной потанцевать? — худощавый разжал тонкие губы, лицо его стало полотняным, скулы набухли, он согнулся, подался телом вперёд. Галина выставила руки, чтобы тот не упал на неё.

— Дама не хочет с вами, а следующий танец она оставила за мной. Так что извини, — уверенным твёрдым голосом произнёс Игорь, предчувствуя неизбежность конфликта и всё же слабо надеясь, что можно обойтись без него. Недовольный ответом худощавый стоял, слегка покачиваясь вперёд-назад, сжав острые кулаки, блестя глазами. Неожиданно он шагнул вперёд, размахнувшись, хотел ударить Игоря по голове. Не рассчитав силы и дистанцию, повалился всем телом в его сторону. Схваченный Игоревой рукой, протянулся вперёд, надломился в коленях и пробороздил пол лицом. Его друзья, увидев, что их предводитель упал и вяло встаёт, опираясь рукой, резво вскочили, повалили стулья на пол и заторопились ему на выручку.

Сидевшие недалеко мужчина с женщиной повернули словно по команде головы в их сторону. В сумраке блеснули золотистые большие серьги в ушах полноватой женщины с перекрашенной в непонятный цвет копной волос

и бледным испуганным лицом. Она привстала со стула, прижала руки к пухлой груди, внезапно закричала дребезжащим сухим голосом:

— Официант, вызовите милицию!.. Да вызовите же поскорее. Сейчас пьяные будут людей избивать.

Её сосед, седой мужчина в стильном костюме с чёрной бабочкой, с шикарной шевелюрой на небольшой голове, недовольно покачал головой, бережно подхватил её за локоток, и они торопливо подались к выходу. Навстречу им перекрёстным курсом шёл быстрой походкой на носках официант, надеясь взять с них расчёт за ужин.

Завязалась драка. Игорь боковым ударом сильно врезал кулаком в подбородок подбежавшему крупному парню. Голова у него откинулась в сторону, и он безвольно упал подкошенным снопом.

Гога встал в боксёрскую стойку, покачался, примеряясь, куда врезать парню, похожему на гончую собаку. Промахнулся и сам получил хороший удар в живот, его скрючило от боли и нехватки воздуха, в глазах потемнело.

Игорю пришлось отбиваться от двоих. Ему порвали рубашку и разбили костяшками кулака лицо под левым глазом, оно стало затекать гематомой.

Придя в себя, Гога уже не стал вставать в стойку, а пошёл вперёд и пару раз врезал здоровяку.

Худощавый парень полез рукой в задний карман и достал нож, намереваясь ударить им Игоря.

Гала, увидев в руке нож, закричала:

— У него нож! Игорь, смотри, — она сидела, обхватив ладонями полотняное лицо, хотела встать, но невидимая сила не давала ей подняться.

Схватив ближайший стул, Игорь ударил им по голове худощавого, тот осел на пол, затем спиной завалился вниз и смотрел открытыми глазами на потолок, не понимая, что с ним происходит. Руки стали враз непослушными,

хотел подняться, но ноги не хотели подчиняться, только каблуками туфель несколько раз поскрёб по полу.

Где-то в стороне из темноты слышался милицкий свисток. Двое парней суетливо подхватили за подмышки худощавого с пола и быстро ретировались с веранды, оставив после себя сломанный стул, недопитую водку и неприятные воспоминания.

Гала подвинула свой стул, села ближе к Игорю и приложила прохладную ладонь к глазу.

— Тебе больно? — с жалостным участием спросила она. — Нужен холодный компресс, а иначе завтра синяк расплывётся на всё лицо.

Игорь с разбитым лицом, ещё не отошедший от драки, равнодушно пожал плечами:

— Может быть, но где сейчас достанешь лёд?

— Подожди, я сейчас схожу на кухню и попрошу немного льда, — через секунду она исчезла.

Гога сидел с лицом победителя, прижав к себе блондинку, шептал ей что-то на ухо. Она тихо смеялась, излучая женскую покорность.

Из темноты снова возник официант, он стоял, согнувшись вперёд, участливо заглядывая в глаза Игоря.

— Вам что-нибудь ещё принести? — почти прошептал он, не сводя острых глаз. — Сегодня ваш ужин за счёт нашего кафе, так распорядился хозяин, он не хочет, чтобы его посетители обижались, — он сделал паузу, подёрнул головой, как бы давая осмыслить сказанное им, продолжил: — Но хочу попросить вас об одном одолжении: не писать заявление в милицию. Ходу ему не будет, а эти парни просто не дадут вам отдохнуть. Они частенько задирают отдыхающих. Так что подумайте, — заключил он и растворился в темноте. Вдалеке на границе света и тьмы стоял полноватый угрюмый мужчина в светлом костюме, заложив руки за спину, пристально смотрел на них.

Это был хозяин кафе «Перевал», и он умел улаживать различные недоразумения.

Блондинка облегчённо вздохнула, провела лёгким движением руки по своему лицу, будто снимая невидимую паутинку страха, тесно прижалась плечом к Гоге.

— Тогда пойдёмте. Ещё не поздно, прогуляемся по парку, придём в себя. Игорь, а ты возьми лёд с собой, ещё пригодится. Завтра утром зайду в аптеку и куплю бодяги, она хорошо снимает отёк, и большой синяк не расплывётся по лицу, — предложила Гала и первая встала из-за стола. В душе у неё горчило от сегодняшнего вечера, и хотелось бы иначе его провести. Игорь ей нравился, и она думала продолжить завязавшееся знакомство.

Они спустились с веранды, на которой ещё играла музыка, но не слышались людские голоса. Рядом светили два фонаря, а дальше проглядывалась крошечная темнота. Появилась большая лохматая собака с обрезанными ушами и смышлёной мордой. Она не спеша подошла к ним, обнюхивая и не проявляя никакой агрессивности, легла на ещё тёплую бетонную дорожку, положила голову на вытянутые лапы и закрыла глаза.

Гога с блондинкой пошёл впереди, слышался женский звонкий смех. Он рукой приобнял её за талию, блондинка прижалась к нему боком, — им было хорошо вдвоём. Гога обернулся через плечо, помахал рукой.

— До видзэня! — крикнул он гортанно, словно простуженным голосом, они свернули на боковую узкую дорожку и исчезли, только слышались приглушённые голоса, но и они вскоре утихли.

Поднялся ночной ветер. Деревья над головой зашумели листвой, сквозь ветки проглядывалось далёкое аспидное небо, обсыпанное яркими звёздочками. Гала, взяв под руку Игоря, старалась идти в ногу с ним и частила.

— Я должен перед тобой извиниться, Гала, — Игорь остановился, всматриваясь в черты лица. Она всё больше и больше нравилась ему. Ночь скрадывала женский облик, делала таинственным и в то же время притягательным.

— За что? Я не совсем понимаю тебя, — невольно вырвалось у Галы, и сердце обволокло странным пышущим жаром.

— Я думал пригласить тебя на танец, но, к сожалению, не получилось, — он кисло улыбнулся, замолчал, затем передёрнул плечами, рукой схватился за грудь: — У меня, кажется, вода потекла под рубашкой.

Игорь отнял лёд от лица и, чтобы как-то исправить свою оплошность, хотел с размаху бросить ледяные кубики вглубь ночного парка.

— Да, его можно уже выбросить, — взяв скользкие кусочки холодного льда, Гала отошла немного в сторону и пропала из вида. Вскоре появилась из-за кустов, поправила причёску. — Сегодня вечерок какой-то странный получился, думаю, мы найдём время ещё потанцевать с тобой, только не в этом кафе. Ты такой смелый и не побоялся этих местных парней. Они, видимо, часто задирают отдыхающих в кафе.

— Не думаю, что я такой смелый, — с усмешкой ответил Игорь, всё ещё держа руку у лица. — Просто так обстоятельства сложились, да и вели себя нагло, вот и напоролись на ответ. Может, в следующий раз не будут так себя вести. Впрочем, я им не педагог.

Гала улыбнулась. Потрогала мочку уха и как-то неуверенно тихо спросила:

— Игорь, а ты веришь в любовь с первого взгляда? Если не хочешь, то можно не отвечать. Задала тебе почти детский вопрос, даже самой неудобно.

Игорь хотел ответить, но сухость во рту не давала складываться словам, он глотнул, прогоняя неуверенность:

— Даже не знаю, что и сказать. Наверное, гипотетически она есть, может, на уровне химии или физики и даже в тонких материях существует, когда атомы начинают хаотично двигаться и притягиваться друг к другу. Всё это происходит независимо от нас, — он не хотел говорить на эту весьма деликатную тему с Галой, как, впрочем, и не делился своими душевными переживаниями с другими. Зачем открывать калитку в свою душу, в которой он сам не мог разобраться.

У него была первая любовь, когда он учился на третьем курсе института. Влюбился в девушку одномоментно. Он увидел её летом в солнечный день на улице. Она спускалась по ступеням в метро, шла легко, словно за её худощавой спиной росли невидимые крылья. Русые волосы развивались по ветру, на ней было лёгкое летнее платье. Стройные ноги, тонкие руки и фигура, как у гимнастки. Игоря тогда пробил мощный электрический разряд с головы до ног. Он стоял, окаменев, молча провожая глазами девушку, пока она не скрылась в толпе прохожих. Игорь потерял покой и аппетит, искал возле входа в метро две недели, пока не встретился с ней. Девушку звали Есения, она работала лаборанткой в поликлинике. Потом у них был бурный, всё сжигающий роман... без продолжения. Осенью они расстались, оказалось, что она ждала своего парня из армии. Тогда для Игоря наступил конец света, и небо обрушилось на него своей свинцовой тяжестью. Он тогда еле выкарабкался от давившей его любовной лихорадки. Так часто случается после первой любви...

Вокруг них тишина сомкнулась, образуя невидимый круг, в котором были только они вдвоём. И лишь сверху на них взирали звёзды, освещая пустой парк и дорожки скудным холодным светом.

Гала подошла почти вплотную к Игорю, прижалась щекой к его груди, будто вслушиваясь в его сердцебиение,

от её волос пахло приглушённым запахом духов, ночной свежестью. Потом она немного отстранилась, подняла голову и заглянула безмолвно ему в глаза, пытаясь, видимо, что-то прочесть и найти ответ. Потянулась на носочках вверх и, найдя его мокрые губы, поцеловала прикосновением мягких губ.

В конце весны у поэта Чугуева случился творческий застой, да не тот застой, который бывает, когда едкая желчь застаивается в пузыре и отдаёт болью в правый бок и лишает покоя. Поэт Чугуев мучился уже месяц от бессилия, что не может написать ни одной строчки. Днём он сходил в ближайший магазин, купил докторской колбасы и литровую бутылку молока, потом подошёл к винному отделу, стоял в задумчивости, ему хотелось купить кубинский ром «Негро» с красивой негритянкой на этикетке. Глазами пробежался по полке и остановился на пузатой бутылке. Он мысленно подсчитал в гаманке свои наличности и решил, что должно хватить. Продавщица, дебелая молодая женщина с двойным подбородком, смотрела на него, прищурив глаза, словно хищная щука на карася.

— Ну что будете покупать, гражданин? — где-то в груди прозвучал её голос.

Чугуев от неожиданности даже вздрогнул и смущённо отошёл в сторону. Продавщица проводила его крикой улыбкой на полных губах. Чугуев пошёл быстрой походкой к выходу и в дверях столкнулся с Кузькиным, тот работал в театре пожарным. Они жили в одном кооперативном доме, построенном для творческих людей. Не замечая Чугуева, он пробежал в кедах вглубь магазина, держа в руках авоську с пустыми молочными бутылками, и встал в очередь за бабушкой в чёрной юбке до пят. «Детям молоко решил купить», — подумал с теплотой Чугуев и в душе порадовался за Кузькина.

Чугуев хотел было вернуться обратно к винному отделу, но посмотрел издали на продавщицу, которая стояла

подбоченясь, и сразу вспомнил свою суженую, как та кричала на него, когда он приходил поздно домой, багровея в собственном крике так, что Чугуеву казалось, что вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Ночью он проснулся в липком поту, лежал тихо, чтобы не разбудить супругу, затем встал и, шлёпая босыми ногами по прохладному линолеуму, прошёл в кухню, стал пить холодную пахнущую хлоркой воду, зубами стуча по бронзовому крану. Потом сел на табурет возле ночного окна и, обхватив руками голову с буйными кудрями, закачался, что-то несвязное мыча себе под нос.

За окном висела убывающая луна, от неё исходил бледно-желтоватый цвет. Небо было украшено многочисленными звёздами. Он давно заметил, что в этот период его жена Джульетта становилась невыносимой и могла закатить скандал без повода. С улицы слышался кошачий визг. «Опять этот Мурза котов треплет. Сколько раз говорил Льву Никифоровичу, завхозу драмтеатра — хозяйину кота, чтобы тот по ночам не шастал под окнами», — вспомнил недавний разговор полуночник Чугуев.

В кухонном проёме появилась Джульетта в короткой ночнушке, заспанная, с редкими ресницами и взлохмаченной головой. Она стояла, опёршись острым костистым плечом о дверной косяк и широко зевая во весь рот.

— Чего тебе опять не спиться, Сидор? Не можешь рифму подобрать, что ли? Шёл бы лучше спать! Весь и так измучился, посмотри на себя в зеркало. Лица на тебе нет. Придёт к тебе муза, и так напишешь, что прозаик Кошкин собакой от зависти завоет, — Джульетта говорила, и голос её становился твёрже, кисти рук сжимались в костистые кулачки, будто она собралась подраться с прозаиком.

Она не любила соседа по площадке Кошкина и его толстую жену Зою и не скрывала этого. У писателя почти ежегодно выходили книги, и он на полученные гонорары

вместе с женой летом уезжал в Крым. Отдыхали по путёвке в писательском санатории в Коктебеле, где Чёрное море ласково плещется у ног, крупные звёзды над головой. Возвращались спустя месяц загоревшие и помолодевшие. Ходили вместе во дворе, держась за руки. Вокруг них витали молекулы любви.

Джульетта, увидев их в окно, вставала коленями на табурет, прилипала носом к стеклу, бледно хмурилась и шипела Сидору:

— Смотри, смотри! Опять эти влюблённые идут! Зойка-то себе опять новое платье справила. И где только они деньги себе берут?! Вот недавно услышала от женщины из соседнего подъезда, что и машину хотят купить.

— А тебе-то что? — хмуро отозвался Сидор потухшим голосом, зная, что когда жена заводится, не видать ему ужина, опять придётся варить опостылые пельмени, в которых мяса отродясь не было.

— А у тебя когда книгу напечатают?! Последнюю издали три года назад, и гонорар мы давно потратили: дочечке нашей помогли новой мебелью обзавестись. Ты давай строчи свои стихи, а не ходи с Кошкиным по пивным, и так противно, когда от тебя пахнем рыбой и псиной.

Он и правда со своим другом по пятничным дням заглядывали в подвальчик на соседней улице, где продавали бочковое пиво. Кошкин звонил с утра и под предлогом сходить в книжный магазин приглашал Чугуева выпить по две-три кружки свежего пива. Спустившись в полутёмный подвальчик, они становились за дальний столик в углу, и юркая быстроглазая Зинка с нахимиченными волосами приносила им по большой пенной кружке. Выпив, они заказывали у неё шкалик водки и выливали во вновь принесённые кружки. Кошкин доставал из кожаного синего портфеля сушёную воблу, протягивал одну Чугуеву, а своей стучал по краю столика и начинал чистить

зубами. Посетителей становилось всё больше, в прокуренном воздухе слышались обрывки пьяных разговоров. Зинка ходила с осторожностью по скользкому полу. К их столику выплыл из полумрака мужчина с синяком под правым глазом и разбитой верхней губой. На нём был надет полотняный пиджак поверх тельняшки. Он был уже изрядно под градусом и стоял с улыбочивым лицом пьяницы, покачиваясь.

— Вот я слышал, что вы писатель, — обратился он к Кошкину, смотря на него шальными глазами.

— Да, вы правы, уважаемый, — ответил он, выставил руку, будто ограждаясь от незнакомца, и подвинул ногой портфель ближе к себе.

— Да, я сразу вас признал, — радостно выдохнул любитель литературы и протянул грязноватую ладонь.

— Кеша, — коротко представился он и поглядел на кружку с недопитым пивом. — А я моряк. Плавал на торговом судне и побывал почти во всех портах мира.

Кеша откинул рукой волосы со лба и, кашлянув для порядка, запел:

*В Кейптаунском порту
С пробоиной в борту
«Жанетта» поправляла такелаж...*

— Зина! — крикнул Кошкин и махнул рукой, подзывая её к столику. — За мой счёт налейте кружку знакомому моряку Кеше. А вы пока идите к своему столику, нам с коллегой нужно ещё кое об чём потолковать.

На Кешином лице застыла маска с радостной улыбкой.

— Может, вам ещё что-нибудь спеть, я знаю несколько хороших песен о морях и несчастной любви.

— Нет, нет, не надо, в следующий раз, голубчик, — отрезал Кошкин, в его голосе прозвучали твёрдые нотки, а в глазах мелькнули искры раздражения.

Возвращались они домой, когда вечерние сумерки поглощали окрест, шли, слегка пошатываясь, и не замечали тихого шёпотка соседних старушек, которые коротали время на лавочках возле подъезда.

Вышедшая несколько лет назад книга поэта Чугуева «Любовь на все века» имела читательский успех. Его стали приглашать в трудовые коллективы, однажды он даже ездил в колхоз и на ферме читал новые стихи. Собрались в небольшой подсобной комнате, где не так сильно пахло навозом. Доярки, полногрудые молодые девахи, кровь с молоком, внимательно слушали заезжего городского поэта, изредка переглядываясь меж собой. Одна, высокая, чернобровая, с озёрной синевой в глазах, даже, как ему показалось, подмигнула. Чугуев в белоснежной рубашке с коротким рукавом, войдя во вкус, театрально разводил руками, притопывал ногой, улыбался и, когда закончил читать стихи, низко поклонился, тряхнув кудрявой головой. Доярки дружно захлопали и почти хором попросили ещё раз приехать к ним.

В это же время в доме культуры «Колос» выступал прозаик Кошкин, он выразительно читал по памяти отрывки из своих рассказов, в которых пел гимн труженикам села, отважным полярным лётчикам. Тема у него была бесприкрытая.

После выступлений они собрались в кабинете председателя колхоза Дрынкина. Сели за стол с разнообразной закуской и тремя бутылками водки. Дрынкин, не вставая с места, наклонился под стол, блеснул своей лысиной, открыл пузатый металлический сейф, достал плотную пачку купюр, плюнул себе на пальцы, отсчитал несколько ассигнаций и почти торжественно вручил творцам. Потом они крепко выпили. Сначала за писателей, потом за дружбу между народами и на посошок за смычку деревни и города. Председатель Дрынкин, ещё крепкий но-

сатый мужчина, долго мял их в своих объятиях, чмокал сырыми толстыми губами в лицо и на силу их отпустил, уговаривая остаться ночевать. Домой друзья возвращались на колхозном «козлике», везя с собой свежие пупырчатые огурцы, гладкие кабачки и две трёхлитровые банки свежего молока.

Когда поэт Чугуев в трусах вернулся в опочивальню, жена Джульетта лежала на спине, подбив круто подушку под голову. В темноте у неё светились яростно глаза. Она поджала тонкие губы, крылья носа трепыхались от злости. Ей всё время казалось, что во всех её бедах виноват поэт, за которого она совершенно случайно выскочила замуж. Пришла пора рожать детей, и особого выбора у неё не было. Познакомились они на творческом вечере Чугуева, который проходил на ткацкой фабрике. После его выступления к нему робко подошла невзрачная, худосочная девушка и попросила автограф. Книжку она бережно прижимала к груди. Так произошло их знакомство, и через полгода они стояли в местном загсе и слушали «Свадебный марш» Феликса Мендельсона.

— Ты вот что, разлюбезный! Иди работать на завод к станку или пиши новую книгу, — поставила она вопрос ребром. — Смотри, у драматурга Инкина, который живёт под нами, жена ходит зимой в мехах, золото блестит в ушах и на пальцах. А я в чём хожу? Старое драповое пальто донашиваю, — Джульетта замолчала, обдумывая, всё ли она правильно выразила. — А иначе развод! — заключила она и повернулась худой спиной к мужу, натянув одеяло на голову.

Утром, не разговаривая с ним, ушла на работу, хлопнув дверью. «Видимо, всё серьёзно», — подумал Чугуев и вышел во двор обсудить этот болезненный вопрос с Кошкиным. Он знал, что тот всегда сидит в беседке и курит, читая свежую газету.

Увидев своего закадычного друга, вышедшего из подъезда, Кошкин приветливо помахал ему рукой.

— Ты чего такой сегодня смурной? — поинтересовался он, доставая сигареты из кармана белой куртки.

— Да так, ничего! — отвёл грустные глаза Чугуев.

— Ты говори... говори, мне же всё видно, — не отступал Кошкин, заглядывая прямо ему в глаза.

— Да жена хочет на развод подать! Говорит, что книги у меня не выходят, денег дома нет, и муза не посещает. Застой, одним словом! — с дрожью и обидой в голосе сознался Чугуев, ему почему-то захотелось от жалости к себе заплакать, как в детстве, когда его обижали парни постарше.

— Вот что я тебе скажу, дружище, — подсел поближе Кошкин и приобнял его за плечи. — Если жена такое говорит, то, одним словом, нужно расходиться, дальше счастья не видать, это точно. Лодка любви и счастья дала течь. Поверь мне! А где тебе музу искать? Эта дама капризная и не к каждому приходит, — Кошкин глубоко затянулся и выпустил клуб дыма, окутав их. — Слушай, паря. Знаю я одну такую музу, потом ты будешь писать стихи запоем. Она живёт в соседнем доме, зовут Клавдией, вдова. А свою оставь и не неволь себя. На пельменях только невроз и язву желудка получишь.

Джувьетта играла в молчанку несколько дней, потом собрала свои вещи, поблескивая глазами, сидела на диване, сжав тесно острые колени.

— Вот что, Сидор! Ухожу от тебя к одному хорошему человеку, он сказал, что меня любит, а я пока нет... но, наверное, привыкну. Мы с тобой абсолютно разные люди и дальше жить не будем. Ты не можешь меня содержать, а жить на одну мою зарплату просто не хочу. На курорт меня ни одного раза не свозил, а у меня ноги больные. Ты понял меня?!

— А кто твой избранник? — с трудом вымолвил Чугуев, и ему показалось, что потолок падает на него. Сердце в груди заходится от ударов.

— Ты его знаешь! Он к нам приходил чинить водопроводный кран.

— Амелькин, что ли? Этот рыжий увалень?! — невольно вырвалось у него, и лицо обдало жаром. Ему почему-то захотелось набить наглую физиономию, и он даже привстал с места. — И давно вы встречаетесь?

— Уже полгода.

— Тогда счастливой жизни, пернатые!

Чугуева обидные слова резанули по самому сердцу, он почти задохнулся от жалости к себе, но, сделав глубокий вдох, успокоился: он и раньше думал, что такой печальный финал возможен в их отношениях. Ему показалось, что Джувьетта хотела напоследок всплакнуть по-бабьи, но у неё не получилось, а только лицо по-старушечьи сужилось и посерело. Джувьетта никогда не отличалась женской сентиментальностью, это была женщина-кремень, хоть памятник ставь.

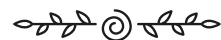
— Ладно, пойдё! Он, поди, заждался возле подъезда. Мы с ним через неделю поедём на Кавказ, — сказала она, чтобы позлить напоследок уже бывшего мужа. Постояла с чемоданом в руках посередине комнаты, но, так и не дождавшись слов прощания, равнодушно махнула рукой и пошла к дверям. Так Джувьетта навсегда исчезнет из его жизни.

Клавдия действительно оказалась для Чугуева музой. В первый вечер они посидели на кухоньке с цветными занавесками, выпили по бокалу красного вина «Каберне». Толстый полосатый кот всё ходил возле ног Чугуева, принимался и тёрся о них, признавая своим хозяином. Клавдия, положив белые руки на стол, смотрела на него ржаными глазами и улыбалась красивой улыбкой. Потом

она нажарила полную чугунную сковороду свежей картошки с луком и наделала паровых котлет. Допили бутылку вина, тихо спели, не тревожа соседей, «Подмосковные вечера», и у Сидора размякла душа.

Через год у него вышла новая поэтическая книга «У любви не бывает разлук», и вместе с Клавдией они поехали отдыхать в солнечный Крым.

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Геныч, так звали мужчину пятидесяти лет, невысокого худосочного вида, с мятым от сна лицом, вышел из своего подъезда и упёрся взглядом в серое, налитое дождём небо. В нём низко чертили фигуры высшего пилотажа несколько птиц. Верхушки деревьев под южным напором верховика раскачивались из стороны в сторону. Воздух был наэлектризован будущей грозой. Из открытого окна первого этажа слышался разговор между женщиной и женщиной. Женский голос звучал требовательно и настойчиво:

— Ты когда отремонтируешь ванну? Ну сколько можно раз тебе об этом говорить?!

Увидев выходящего Геныча, невидимая рука тихо притворила створки окна. Геныч пригладил рукой волосы на голове, быстро зашагал в продовольственный магазин купить литровый пакет молока, чтобы сварить манную кашу, которую он любил с детства.

— Эй, Геныч! Куды это ты с самого утра намылился? — остановил его басистый голос соседа Витьки Жучкина. Геныч обернулся и увидел его стоящим в одних длинных чёрных трусах-смейниках на балконе. Витька радостно улыбнулся, и почти не было видно узких глаз из-за толстых щёк. Широкие взлохмаченные брови казались случайными на низком лбу. Витька жил с ним в одном подъезде, только на третьем этаже.

— Ты там стоишь на верхотуре и полощешь своими парусами. Плыть куда-то собрался? Снизу всё видать. Срамота, да и только, — сплюнул под ноги Геныч и пошёл своей дорогой. До него доносился Витькин смех.

— Да ладно тебе! Я по утрам сверху смотрю на вас — мурашей, как мелкими шажками ходите туда-сюда.

Ты, поди, в магазин побёг? Новую хозяйку ещё не привёл в свою хату?

Последние слова резанули Геныча по сердцу, он хотел сказать что-нибудь обидное соседу, но, втянув голову в плечи, только ускорил свой шаг. Жена умерла два года назад от тяжёлой болезни, которая изнутри изъедала её женскую плоть. Маргарита, жена Геныча, женщина тихая и ласковая, выросшая в деревне, воспитанная своей матушкой в покорности мужу. В конце месяца Геныч обычно приходил домой после получки в дымину пьяным. Перед тем как попасть к себе в квартиру, он долго шарил рукой по стене в поисках кнопки звонка. Маргарита слышала, как возвращается домой муж, она стояла в комнате с выключенным светом и тревожно вглядывалась в заоконную темень. Дверь внизу хлопала, впуская запоздалого жильца, и Геныч, тяжело дыша, поднимался на пятый этаж к себе домой. Он знал, что его ждёт Маргарита, которая встретит с осуждающими и холодными глазами. Перешагнув через порог, Геныч почти падал в заботливые руки жены и еле выдавливал из себя глухим осипшим голосом:

— Прости меня, милая, если можешь, подлеца окаянного! Посидели с мужиками из цеха в пивной, выпили по две кружки. Клянусь, больше не бу-буду!

Из кармана клетчатого пиджака торчало горлышко поллитровки. Он приносил с собой запах пивной сырости, вяленой рыбы и собачьей шерсти. Маргарита тяжело вздыхала, раздевала мужа заботливыми руками, как она раздевала дочь, когда та была маленькой.

Геныч распахнул дверь магазина и оказался в небольшом помещении с низким потолком и висящими клейкими лентами, к которым прилипли серые высохшие мухи. Пахло мышами, застоялым кислым запахом и стиральным порошком. Свет пробивался сквозь небольшое окно, переплетённое металлической решёткой. К прилавку вы-

строилась жидковатая очередь. В основном толклись престарелые женщины, перешедшие уже черту бальзаковского возраста. Последней в очереди стояла худощавая женщина в синем платье и серебряной цепочкой на шее. Волосы прибраны и уложены в тугой пучок на затылке.

— Вы последняя? — задал глупый вопрос Геныч.

— До недавнего времени была крайней в очереди, — обернулась женщина и посмотрела на него ярко-голубыми глазами.

У Геныча, ещё толком не отошедшего ото сна, защёлкало в голове, будто кто-то там крутил ручку механического арифмометра. Он стал поближе к ней, разглядывая тонкую шею с ещё не старой кожей.

Женщина купила нарезной батон и пачку чёрного чая. Отошла от вытертого до блеска прилавка в сторону, ближе к свету, пересчитывая сдачу. Геныч пробежал глазами по полкам, припоминая, что ещё нужно купить на неделю, чтобы не ходить в магазин. Ему не нравилась продавщица Людка по прозвищу Обсчитай. Увидев Геныча, она упёрлась тяжёлым взглядом прямо ему в переносицу, поджала губы и молчала в ожидании, чего он скажет. Генычу стало как-то неловко, он пошарил в кармане деньги, вытащил мятую купюру.

— Вот, Люда, мне литровый пакет молока, хлеба серого и пачку макарон.

— И всё, что ли? — продавщица поёрзала толстым животом по прилавку.

— Всё, — согласился с ней Геныч, думая поскорее выйти из магазина. Люда по прозвищу Обсчитай небрежно взяла банкноту из руки и положила в кассу.

— Ты мне хорошего молока дай, а то в прошлый раз стал его кипятить, так оно синей плёнкой покрылось. Чем нынче коров кормят? — осмелился спросить Геныч, зная заводной Людкин характер.

— Откуда я знаю, чем их кормят! Привозят с молокозавода, я вот продаю, ведь не дояркой в колхозе работаю! И не надо лишних вопросов задавать, и так очередь ждёт, — опять нахмурила лохматые брови продавщица, грозя сорваться на крик.

Стоящая сзади бабушка-одуванчик с седыми прядями волос подпирала Геныча в спину, и он быстро побросал купленные продукты в мятый полиэтиленовый пакет Marlboro, торопливо вышел из магазина. Дверь за ним захлопнулась, оставив неприятную встречу позади. Людка-продавщица жила в соседнем доме вместе с дочерью, которая была похожа на мать, как две капли воды. Геныч, когда возвращался домой с работы, проходил мимо их окон. Если у Людки был выходной день, то она сидела возле распахнутого настежь окна и лузгала семечки, выплёвывая шелуху прямо на улицу. Женщина она была без всяких жизненных комплексов и предрассудков. Муж от неё ушел несколько лет назад к другой, и Людка после этого возненавидела весь мужской род, считая всех отъявленными предателями. В магазине она обсчитывала пьяненьких мужиков, которые приходили прикупить ещё чего-то выпить. И, не получив сдачи, стояли, покачиваясь, словно лунатики, возле прилавка в ожидании Людкиной милости. Но она была стойкой женщиной и умела только выполнять два несложных действия: сложение и умножение в свою пользу. Людка всегда помнила о своей дочери, собирая ей приданое на свадьбу с местных незадачливых выпивох. Некоторые смельчаки жаловались участковому, но он только ухмылялся в густые прокуренные усы и махал рукой: «Да ну вас! И так хлопот хватает».

Геныч вышел из магазина, почувствовал, как ему на голову сверху стало капать. Он рукой стряхнул водяные капли, посмотрел на чёрное небо: вдалеке оно задевало верхушки деревьев, виднелись гроззовые разряды,

которые прошивали тучи насквозь и уходили к земле. «Вот сейчас польёт как из ведра», — подумал Геныч и, впрочем, был недалеко от истины. Пока он шёл домой, тяжёлые, беременные водой тучи пролились на землю сплошным потоком. Вверху сильно громыхало, так что становилось не по себе. В человеке заложен определённый ген страха перед природными катаклизмами.

Мутные лужи на тротуаре запузырились от крупного дождя, и, когда Геныч подбегал к подъезду дома, уже был весь сырой. К спине неприятно прилипла рубашка, некогда подаренная женой. В туфлях было мокро ногам, в них противно хлюпала вода. Геныч шёл по тёмному подъезду, поднимаясь к себе. Проходя мимо квартиры Витьки Жучкина, показал крепко сжатый кулак: «Так бы и врезал ему за словоблудие. Язык без костей, мелет, что попадёт ему в бестолковую голову».

С Витькой они учились в одной школе, только в разных классах. Витька оставался на второй год в восьмом и был зол на всех учителей. Однажды весной выждал момент, когда никого не было в классе, налил густого корицевого клея на стул преподавателя истории Марии Зигмундовны, которая донимала его больше всех, — так ему казалось. Она провела урок, стоя возле исписанной доски, но в конце устало присела на стул и приклеилась шерстяной юбкой к нему. Шум гремел в школе до небес. Витьку чуть снова не оставили на второй год, но на педсовете мудро решили освободить школу от него, и все остались довольны. Витька Жучкин подпорчивал жизнь Геныча, особенно когда был пьяный. Геныч одно время хотел даже поджечь дверь его квартиры, надеясь, что он утихомирится, но потом передумал, решив, что только озлобит непредсказуемого Витьку.

Придя домой, он щёлкнул выключателем в прихожей, скинул мокрые туфли и, шлёпая ногами, прошёл

в ванную. Посмотрел в зеркало и не понравился себе сам. Лицо заросло недельной рыжеватой с проседью щетиной. Глаза мутноватые, хотя Геныч уже два года ничего крепкого в рот не брал. Выпивать сразу завязал после смерти Маргариты, считая, что он сам виноват в её болезни и скорой кончине.

В небольшой церквушке, когда отпевали Маргариту, было сумеречно и тихо. Ходили богомольные старушки в чёрных одеждах, часто крестились и целовали иконы. Пахло горящими свечами. Маргарита лежала в гробу, словно заснула, лицо было тихое и умиротворённое. Народу пришло немного: коллеги по работе да соседи. Дочь Геныча стояла рядом, прижавшись плечом к нему, всё время плакала, дрожа худощавым телом, и вытирала платочком глаза. Нина жила в другой области, приехала, как только получила телеграмму от отца. На кладбище Геныч остался один, остальные пошли в столовую на поминальный обед, упал на колени перед невысоким холмиком, упёрся головой в сырую землю и, разжимая тесно сжатые посиневшие губы, просил прощения у жены.

Похоронив жену, Геныч крепко затосковал и не мог найти себе места. Фотография Маргариты висела как раз напротив дивана, на котором он спал. Жена смотрела, прищулив глаза, словно заглядывала ему в душу. Одинокие женщины вскоре стали проявлять к нему интерес. Кристина Борисовна из соседнего подъезда, работавшая в местном ателье бухгалтером, как-то в густых сумерках подкараулила его возле кустов разросшейся жимолости.

— Ты что один всё ходишь, Геннадий Павлович? Мог бы и ко мне заглянуть вечером. Вместе телевизор посмотрели, а то и по рюмочке-другой для здоровья пропустили.

Геныч, опешивший от того, что его называли по имени и отчеству, даже остановился и окинул взглядом Кристину Борисовну. Крутобедренная женщина со светлы-

ми жидковатыми кудряшками стояла подбоченившись, не давая ему пройти. Высокие сочные буфера нервно нервно колыхалась. Витьке Жучкину она нравилась, и, когда Кристина Борисовна проходила мимо него, поигрывая бёдрами, он вздыхал и долго провожал её томным, полным желанием взглядом. Жена у него была плоская, костистая, да и к тому же злая. Ходила всё лето в одном платье с длинными рукавами и на всех посматривала косо. В подъезде ни с кем не здоровалась, проходя мимо, делала вид, что не замечает соседей.

— Да некогда мне телевизор смотреть, хоть свой не выбрасывай! — ожесточился он от такого напора.

— А чем же ты занят вечерами? — напирала она грудями, похожими на футбольные мячи, грозя прижать Геныча в густые кусты.

— В основном размышляю о вреде алкоголя, — быстро нашёлся, что ответить, и пошёл своей дорогой, обходя стороной настойчивую Кристину Борисовну.

— Ну-ну, размышляй! Тоже мне философ доморощенный нашёлся, видали мы таких! Так и останешься один на белом свете, — эти слова толкнули его в спину. Геныч прибавил шаг и вскоре оказался в родном подъезде, пахнущем кошачьими испражнениями. На стене первого этажа кто-то выцарапал гвоздём: «Катя, я люблю тебя!», а ниже криво и размашисто: «Ну и дурак».

Геныч переделался в сухую одежду, прошёл на кухню сварить себе манной каши. Из шкафа достал алюминиевую кастрюльку, в которой ещё дочке варили разные каши, посмотрел внутрь и налил из пакета молока. На этот раз молоко было настоящим и пахло травой, как показалось Генычу. После завтрака он походил по квартире. Её он получил, как только Маргарита принесла из роддома дочь, а до этого они жили в деревянном бараке, продуваемом всеми ветрами. Зато жили в нём весело. Праздники

отмечали вместе за одним столом во дворе, где недалеко стояло отхожее место и зимой отмечалось тонкими тропками от барака.

Прошла неделя. Геныч, особо ничем не обременённый в жизни, решил прогуляться по городку. Прошёл два пыльных квартала и упёрся в реку. Она его притягивала с малолетства. Когда-то по ней сплавляли плоты с верховьев. Трудяги-буксиры, уткнувшись носом в воду, напрыгаясь дизельными силами, тянули длинный караван из леса вниз по течению. Геныч с дворовыми пацанами с самого утра, как только солнце проклюнется на дальнем горизонте, прихватив бамбуковые удочки, катили на велосипедах на плоты, стоящие возле самого берега, поудить разную рыбёшку.

Геныч сел на деревянную лавочку под недавно посаженную школьниками берёзку и пристально всматривался вдаль. «Жаль, что бинокль не прихватил с собой», — подумал он. На горизонте появился трёхпалубный теплоход «Феликс Дзержинский». Возле кормы появились белые наглые чайки, они летали близко от синей воды, резко взмывали вверх и на лету подхватывали куски хлеба, которые им щедрой рукой бросали пассажиры. Теплоход, оставляя за собой буруны взлохмаченной воды, делал полукруг, чтобы причалить к бетонной стенке, где уже грудились местные выпивохи, чтобы проскочить незаметно для вахтенного в буфет и прикупить бутылочного «Жигулёвского». По причалу мелькнули две женщины в просторных платьях, у которых на шее, словно ожерелье, висела сушёная рыба. Под звуки шлагера «Вернись, вернись, я всё прощу» теплоход причалил. Солнце щедро светило и отражалось от воды. Пассажиры облепили бортики теплохода, с нетерпением ожидая, когда подадут сходни. На причале сидел на кнехте молодой матрос с повязкой на рукаве. Ему нравилось смотреть на воду, теплоход и прозрачное небо.

Геныч собрался было уйти, но увидел женщину из магазина. Она сидела на комле недавно упавшей сосны и задумчиво что-то чертила прутиком на песке. Геныча это заинтересовало, и, преодолевая свою неловкость, он подошёл к ней.

— Здравствуйте, — произнёс он, тихо улавливая биение сердца.

— Добрый день, — отозвалась женщина, поднимая голову и окидывая его взглядом пронзительно синих глаз.

— Извините, а что вы такое малюете? — с нескрываемым интересом спросил Геныч, понимая, что женщина может его проигнорировать.

— Пишу ноты, хотя я не музыкант. Больше для себя, вывожу скрипичный ключ. Может, так настраиваюсь на целый день, чтобы было хорошее настроение.

— М-да, — только промычал Геныч и собрался уже уйти, не мешать погружаться в собственное пространство этой незнакомке.

— А я вас запомнила ещё в магазине! — женщина встала с дерева, отряхнула юбку и протянула тонкую хрупкую ладошку. — Инесса Григорьевна, — представилась, улыбнувшись, отчего на щеках показались маленькие ямочки, прозрачные ушки просвечивались солнцем.

— Геныч, — представился он, но, спохватившись, назвался полным именем, — Геннадий Павлович. Да можно просто — Геныч. Меня так все зовут ещё со школы. Я уже привык.

Весь день до позднего вечера они гуляли по берегу реки и разговаривали на разные темы. Как оказалось, Инесса Григорьевна до выхода на пенсию работала в школе преподавателем русского языка. Геныч больше молчал, чтобы не показаться глупым, и только кивал головой. Инесса Григорьевна пригласила его к себе домой попить чай, когда на небе высыпались яркие звёзды и от реки

потянуло волглой прохладой. Из темноты раздавались удары лодочных вёсел и заразительный женский смех.

Инесса Григорьевна жила в однокомнатной квартире недалеко от центра городка. Пока она хозяйничала на кухне, Геныч разглядывал небольшую комнату. На стенах висели фотографии мужчин в военной форме. На одной из них — большебородый казак с шашкой, а рядом молодая красивая женщина в платке.

— Это мой дед с бабкой, ещё до революции сфотографировались. Тяжёлая у них судьба потом сложилась. В село, где они жили, пришли красные грабить, потом пришли белые — опять грабить. Ладно, об истории не будем говорить на ночь, — она достала из шкафа стопку музыкальных пластинок в бумажных серых пакетах. — А вы, Геннадий, любите музыку слушать?

Геныч молча кивнул головой, соображая, как бы ему не обмишуриться перед образованной дамой.

— Сегодня будем слушать Свиридова «Метель» по повести Александра Пушкина.

Проигрыватель немного прошипел, и полилась музыка, отдалённо слышался перезвон колокольников — это тройка лошадей сквозь метель несётся вдаль. Послышались тревожные удары барабана, извещающие о приближающейся беде. Геныч, сам не замечая, вздремнул, уронив голову себе на плечо. Проснулся от лёгкого прикосновения руки хозяйки.

— Что-то я утомила вас, Геннадий Павлович! Вы идите, а завтра приходите снова. Чайком побалуемся и музыку дослушаем. Видимо, вы пока не готовы прикоснуться к великому искусству, но это поправимо, — с этими словами Инесса Григорьевна проводила запоздалого гостя до двери.

Геныч шёл домой, не разбирая ночной дороги. В душе у него происходило смятение чувств. Они горячей волной

окатывали его с головой, а затем скатывались холодом в груди, от этого его бросало то в жар, то в холод. На улицах фонари не светили из-за отсутствия денег в городском бюджете. В темноте Геныч сбился с дороги и уткнулся в глухой забор. Злобно залаяла собака, кинулась к нему. Геныч рванул с места, словно ему пятки намазали скипидаром, побежал сквозь кусты и заросли репейника. Над головой парили звёзды, светила желтоватая луна. Раздалась кошачья драка, между ног проскочила тень, напугав Геныча.

— Вот зараза! Можно так и инфаркт схлопотать, — раздосадовано проговорил он и коротким путём через узкие проулки вскоре оказался дома. Зайдя в квартиру и включив свет, он посмотрел на фотографию жены, которая, как ему показалось, одобряла его. С лёгким сердцем Геныч заснул, едва коснувшись горячей головой мягкой подушки.

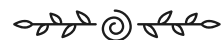
На следующий день он почистил свой единственный клетчатый пиджак, не жалея, вылил на себя почти половину флакона «Шипр», в коридоре прошёлся щёткой по туфлям и пошёл в гости к Инессе Григорьевне. Генычу хотелось праздника, так, чтобы в душе сверкали разными цветами фейерверки. Проходя мимо двери своего заклятого друга Витьки Жучкина, скривил презрительную рожу и побежал вниз через две ступени. От него исходил такой парфюмерный запах, что проходившая мимо пожилая женщина зажала нос пальцами. Но этого Геныч не замечал, он просто был счастлив, и грудь распирало от радости предстоящей встречи, ему казалось, что люди улыбаются вместе с ним.

Вскоре он оказался в центре городка. На возвышенном месте стоял памятник вождю мирового пролетариата. Ильич высоко поднял голову, на ней в тот момент сидел голубь и с осуждением смотрел в сторону завода, который

нещадно чадил трубами, выбрасывая в атмосферу чёрные клубы дыма, — от него зимой в городке чернел снег и кашляли люди. В правой руке вождь крепко зажал кепку с помятым козырьком, а левой указывал, в каком направлении нужно было идти Генычу. Возле этого каменного исполина Геныч, будучи ещё пионером, с трепетом под барабанную дробь клялся верности идеям пролетарского вождя и вскидывал правую руку в знак готовности на любой поступок ради него. Потом здесь же под песню «Наш бронепоезд стоит на запасном пути...» Генычу прицеплял комсомольский значок секретарь горкома Иван Булкин. Через несколько лет он станет богатым человеком, исчезнет в дальнем забугорье и позабудет комсомольские идеалы о равенстве и братстве. Несколько десятилетий народ, словно маленькие дети, шли за мечтателями, которые придумали мифическую счастливую жизнь.

Геныч, виновато озираясь, сорвал с клумбы несколько красных цветов для Инессы Григорьевны, запихнул их под пиджак и, ускорив шаг, скрылся в ближайшем переулке.

ФЕВРАЛЬСКИЙ СНЕГ

Алексей Спиридонович проснулся рано и лежал, прислушиваясь к завывающему ветру за окном. Было около шести утра, стрелки настенных часов беззаботно отмеряли свой ход, и он слышал слабый звук секундной стрелки. За окном проехала грузовая машина, на короткое время скользнув светом фар в комнату сквозь жалюзи. Алексей Спиридонович подумал: «Пора вставать, нечего разлёживаться», — потянулся сухим и ещё сильным телом, откинул тёплое одеяло и пошёл босиком по холодному полу в ванную. Проходя мимо барометра, по привычке посмотрел на чёрные стрелки, — было низкое давление. «Погода будет меняться», — решил он.

С начала зимы с погодой случались странности: то ветер забуйствует, принесёт с севера холода, то отпустит, и южак надуёт тёплый воздух, и сразу с крыши дома побежит капель, застучит по карнизу. Он вспомнил слова своей бабки Зинаиды Карловны, она всегда, когда портилась погода, говаривала: «Это всё американцы своими ракетами небо продырявили». Не любила она их и считала, что все неприятности у нас в стране только от них — супостатов и нехристей. Зинаида Карловна была набожной и часто ходила в церковь, молилась, шевеля сухими губами. Возможно, в её словах была отчасти правда. Военные научились воздействовать на ионосферу и вызывать природные катаклизмы в виде цунами и землетрясения.

Алексей Спиридонович щёлкнул выключателем, увидел в чугунной ванне своего старого знакомого — паука. Паук жил в ванной комнате почти два года и особо не досаждал своим видом и паутиной. Он взял веник, стоящий

возле стиральной машины, и, подцепив паука, перенёс его в дальний угол, где он обитал. Бабка говорила, что нельзя обижать пауков в доме, они приносят счастье. В этот бабкин догмат Алексей Спиридонович особо не верил, но паук не обижал и всегда помогал ему, когда он ночью спускался в ванну попить воды, а обратно не мог подняться из-за крутых и скользких боковин.

Он посмотрел на себя в зеркале, и ему не понравилось собственное отражение. Под глазами небольшие желтоватые мешки, лицо, не бритое уже три дня, заросло седоватой щетиной. Он уныло улыбнулся себе, но получилось как-то жалостливо. Достал из шкафа бритву «Жилет», густо напенил худощавое лицо с синими глазами, стал бриться. Станок сам скользил по лицу, оставляя после себя гладкую кожу.

Алексее Спиридоновичу — под шестьдесят, он был пенсионером, хотя по внутреннему ощущению себя таковым не считал. Жил несколько лет один. С женой Нюрой разошёлся, как только узнал об её обмане. Когда познакомился с ней, она представилась вдовой с двумя детьми и постоянно с горечью в голосе и слезливыми глазами вспоминала своего мужа. Наступило лето, и они с Нюрой на Троицу пошли на городское кладбище привести в порядок могилку её бывшего мужа. Прихватив с собой банку с краской, кисточки и некоторый инструмент, он ошкурил ржу с железной оградки и покрасил новой краской. Хотел открутить фотографию и заказать новую, но шурупы сгнили и никак не поддавались. Подправил деревянный столик, за которым они посидели и немного выпили, помянув усопшего. Тем временем погода испортилась. По высокому и светло-голубому небу заходили чёрные тучи, закрыв солнце. Вверху громыхнуло один раз, вскоре второй и грохнуло так, что, казалось, небо расколет-ся на несколько частей. Внезапно полил крупный дождь,

стало темновато, будто спустились на землю сумерки. Быстро собрали инструмент, конфеты и печенье по старому обычаю оставили на могильной плите. Стояли под большой раскидистой сосной около часа, рядом в низине тек грязный дождевой ручей. Ливень закончился, и небо просветлело. Люди стали выходить из старого неухоженного кладбища и потянулись домой, скользя и чавкая ногами по разбухшей глине.

Спустя год Алексей Спиридонович случайно узнал от знакомого, что у Нюры есть ещё одна дочь и живой муж и никакая она не вдова. Как оказалось, она бросила маленькую дочку отцу и престарелой свекрови. Состоялся откровенный разговор, и он решил разойтись с лживой женой. Нюра на кухне рыдала, размазывая слёзы по лицу, картинно ломая руки, но Алексей Спиридонович твёрдо стоял на своём. Ему никак не приходило в голову, как можно бросить маленького ребёнка, жить и не вспоминать о нём. Как-то, встретив свекровь Нюры на улице, поинтересовался, приходила ли горе-мать навестить свою малютку, но она только посмотрела на него потухшими глазами и, покачав седой головой, пошла дальше.

Позавтракав пшённой кашей на молоке, Алексей Спиридонович надел в прихожей спортивный зимний костюм, который ему подарил тренер по прыжкам с трамплина Коля Сбоев, взял лопату и веник, вышел в полутёмный коридор. Слышно было, как приглушённо разговаривают соседи, из их двери доносился запах жареной рыбы. Потянул на себя дверь с пружиной и оказался возле лифта. Только подошёл к нему, как из него вышла девушка с верхнего этажа: голова замотана плотным шарфом, острый носик торчал, будто клювик болотной птицы. Она пошла впереди Алексея Спиридоновича, оставляя за собой запах ночи и слабого в меру парфюма.

Когда он сидел на кухне и тщательно прожёвывал кашу, сотовый китайский телефон звякнул о том, что пришло сообщение от Надежды Николаевны. Она работала сельской учительницей и преподавала математику. В сообщении Алексей Спиридонович прочитал короткую сводку погоды, а также сколько за ночь выпало снега. Он познакомился с ней в областном центре на курсах по программированию. Сразу выделил из общей массы слушателей невысокую красивую, с чётким профилем лица, стройную женщину с серыми выразительными глазами. Она сидела отдельно от всех и что-то всё время писала, затем почувствовала его взгляд, подняла голову, посмотрела на него и почему-то покраснела. Когда объявили обеденный перерыв, Алексей Спиридонович осмелился и подошёл к ней.

— Можно вас пригласить отобедать со мной? — предложил он, особо не надеясь на её согласие. Женщина снова покраснела, посмотрела более пристально на него и молча кивнула головой. Закончилось занятие, они шли по длинному коридору, и между ними завязался разговор, слова цеплялись друг за друга, плетя нить словестного доверия.

Зашли в ближайшее кафе «Золотой фазан». Было многолюдно, все столики заняты, и они собрались уже уходить, как Алексей Спиридонович увидел, что два места возле окна освобождаются. Они направились туда. Только сели за него, как возникла полноватая официантка с короткой стрижкой, она, протянув меню, молчаливо стала ждать заказ.

— Вы что будете кушать? — спросил Алексей Спиридонович у Надежды Николаевны, ожидая, что она скажет.

— Нет, ничего не буду кушать, только закажите мне чашку чёрного кофе и заварное пирожное.

— Хорошо, — согласился он.

Себе он заказал стейк из форели с овощами и чашку чая.

После перерыва Алексей Спиридонович пересел к ней за стол. Вечером они прогуливались по центральной улице Перми, сверкающей неоновым светом. Слышался шум проезжающих машин. Говорили на разные темы, им было интересно вдвоём... Ближе к полуночи облака расступились, и на небесном покрывале высыпались яркие звёзды, они казались далёкими в тёмном небе. Луна желтела и отбрасывала тусклый свет на город. Алексей Спиридонович проводил Надежду Николаевну до гостиницы. На его лице проявилась грусть расставания.

— До свидания, — она протянула маленькую и тёплую руку. — И не грустите, вы такой мне не нравитесь, — улыбнулась она как-то виновато. — Мне уже действительно пора идти. Муж должен позвонить, он у меня строгий.

— Хорошо! Грустить не буду, но вы мне очень... очень понравились, — Алексей Спиридонович хотел ещё подержать её руку в своей, но ладошка мягко выскользнула.

— Счастливо доехать до дома! — сказала она и исчезла за стеклянными дверьми гостиницы, помахав рукой.

После их встречи они часто переписывались эсэмэсками. И когда Надежда Николаевна узнала, что он ходит чистить снег у памятника, стала писать о погоде и о том, сколько, снега выпало за ночь. Она с детства увлекалась природными изменениями и вела журнал погодных наблюдений.

Алексей Спиридонович жил в доме на окраине города. Наружные фонари не горели уже несколько лет, и, выглянув в окно, можно было увидеть беспросветную ночную тьму.

Он вышел на улицу и уверенной походкой двинулся через дорогу к памятнику, нужно было идти с полкилометра. За ночь снега намело, он лежал пухлыми валами возле дороги. Под ногами похрустывало. Час был ранний, и людей не было видно. Алексей Спиридонович только

завернул за угол дома, как на него бросилась собака, она злобно лаяла, скаля зубастую пасть, и пыталась схватить его за ногу. Из темноты вынырнул хозяин собаки, молодой парень, лет двадцати, в пышной меховой шапке, обутый в высокие, почти до колен валенки. Алексею Спиридоновичу показалось, что на его полном лице застыла плохо скрытая ухмылка.

— Ваша собака? — почти крикнул он, продолжая обороняться лопатой от собаки. Ему хотелось двинуть ею по голове этого парня.

— Да ты не бойся, дядя, она не кусается. Точно, Бакс? Ты у меня славный пёс. Пошли домой.

Собака, услышав голос своего хозяина, вильнула коротким хвостом и побежала впереди него. Отбежав несколько метров, остановилась и, повернув короткую мускулистую шею, посмотрела на Алексея Спиридоновича, будто стараясь его запомнить.

Памятник стоял возле пешеходного тротуара, заметённого со всех сторон свежим пушистым снегом. Алексей Спиридонович взял лопату и стал прокапывать и откидывать снег в разные стороны. Через полчаса работы спина вся взмокла, и он решил передохнуть. Опёрся рукой на черенок, посмотрел на храм Георгия Победоносца. Он подсвечивался прожекторами снизу и казался в глухой аспидной ночи парящим в воздухе. Луковки куполов блестели золотом. В церковные праздники с колокольной раздавался перезвон, который растекался окрест.

Покончив со снегом, Алексей Спиридонович присел на стоящую рядом лавку. Отдохнув, веником смёл с пьедестала остатки снег, освободив траурную доску чёрного цвета, на которой белыми буквами были обозначены все городские чернобыльцы. Он с огорчением думал, что в списке умерших были и ныне здравствующие. Приходя к памятнику, он не читал свою фамилию, считая, что его

уже кто-то по недоразумению похоронил. Но ведь он ещё живой и стоит рядом. На верхней плите лежал камень, кузнец выковал железный цветок, и кто-то постоянно к нему приматывал бумажные цветы, будто поминая покойника. Алексей Спиридонович, сняв зимние перчатки и сунув их под мышку, откручивал туго скрученную проволоку и относил цветы на лавку.

На следующий день он не пошёл к памятнику, с неба валил густой снег. Да, совсем некстати у него разболелась поясница. Из аптечки он достал разогревающую мазь «Финалгон» и, лёжа на боку, стал растирать крестец. Прилёг на спину, прислушиваясь к себе. Вскоре низ спины стало сильно жечь, и Алексей Спиридонович осторожно повернулся на левый бок, накрылся клетчатым пледом, задремал. Ему снилось, как он летом ходил со своим другом Аркадием Платошиным за грибами. С вечера договорились, что поедут на его машине через Каму в сосновый лес, который тянулся вниз по течению. Аркадий знал все грибные места в округе. Пока доехали до места, солнце уже стояло высоко в небе. «Ниву» оставили на обочине лесной дороги, почти заросшей травой, и, взяв из багажника плетёные корзины, вошли в глубь прохладного леса. Пахло прелой землёй, древесной корой.

Аркадий первым увидел боровик:

— О, смотри какой красавец! — он держал в руке большой гриб с коричневой шляпкой и радостно, словно пацан, лыбился. Положил его в корзину, нагнулся ближе к земле и стал разводить траву руками, ища другие. — Здесь должно быть целое семейство.

Алексей Спиридонович, чтобы не мешать тихой охоте своего друга, углубился дальше в лес. Стояла звонкая тишина, и было непривычно окунуться в неё. Он поднял голову вверх и увидел клочок тёмно-синего неба.

В тот день они набрали по полной корзине боровых грибов, — крепкие, они лежали, прикрытые листьями лопуха.

Почти весь день Алексей Спиридонович пролежал на диване, боль держалась в спине, и, как только он вставал, она простреливала в правую ногу. Кто-то настойчиво несколько раз звонил по телефону, но он не поднимался с дивана и не подходил к нему. На ночь ещё раз намазал спину мазью и уснул.

Утром проснулся, спина ещё болела, Алексей Спиридонович решил идти снег чистить только ближе к полудню. Походил бесцельно по квартире, поглядывая в окно в ожидании рассвета, не дождавшись, заторопился выйти на улицу.

В утренних, ещё густых сумерках пошёл по сугробам к памятнику, снега за ночь намело с полметра.

Алексей Спиридонович скинул куртку, остался в спортивной толстовке и начал лопатой расчищать снег. Через час он закончил. К памятнику подошла невысокая женщина в длинном сероватом в крапинку пальто, на голове вязаная шапочка, в очках. Лицо показалось ему отдалённо знакомым. Он не стал её спрашивать и стоял в стороне, смотрел, что будет делать женщина. Она стояла возле памятника, шевеля сухими губами, потом достала из пакета небольшой букет цветов, смахнула варежкой снег и положила их на холодную плиту. Обернулась и, увидав Алексея Спиридоновича, невольно вздрогнула.

— Извините, не хотел вас напугать, — виновато развёл руками он и пошёл за курткой.

— Нет... Нет. Вы совсем меня не напугали! Я пришла помянуть сына, у него сегодня день рождения, — женщина подошла ближе к памятнику и показала рукой на фамилию сына.

— Я часто прихожу сюда, на старости осталась одна. Сяду на скамейку и просто молчу.

Она тяжело вздохнула, и на глазах навернулись слёзы.

— А вы дворником работаете? — как-то неуверенно спросила женщина у Алексея Спиридоновича и сделала робкий шаг навстречу.

— Нет, дворником я не работаю. Часто хожу мимо и в начале зимы вижу, что снег не убран, а люди приходят к памятнику. В прошлом году здесь снег чистил один чернобылец с женой, но что-то его не стало видно, может, приболел. Я сам тоже был в Чернобыле.

— Да?! — невольно вырвалось у женщины, и она стала пристально всматриваться в лицо Алексея Спиридоновича. — А как ваша фамилия?

— Это совсем даже неважно. Вот ваш сын ушёл из жизни, светлая память ему, а здесь в поминальном списке половина ещё живых. Видимо, это совсем безголовые сделали, не знали, что нельзя авансом хоронить живого человека.

— Дай бог вам крепкого здоровья! — женщина хотела было уйти, но что-то её остановило, она провела рукой по лицу, будто снимая невидимый покров, и тихим голосом поинтересовалась: — В каком году вы были в Чернобыле?

— В восемьдесят шестом пришлось побывать.

— Мой Игорь тоже в том же году был, его через военкомат в июне призвали — и сразу в Чернобыль. Писал в письмах, что живут в больших палатках. Сначала работали на самой электростанции, а потом их отправили рубить «рыжий лес». Слышали о таком?

— Да, как не слышал! Это сосновый лес недалеко от станции, он попал под радиационный выброс, и вся хвоя порыжела. Там много было радиации.

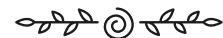
— Я только по письмам знаю, как там им тяжело было. После работы они возвращались в часть, смыть всю грязь

с себя не было возможности. Видимо, там сын и переоблужился. Приехал домой через пять месяцев весь бледный, похудевший. Привёз почётную грамоту от командира части за доблестный труд. Потом стал часто болеть, с кровью что-то было не в порядке. Сначала здесь ходил в городе по врачам, всё бесполезно. Потом дали направление в Пермскую областную больницу в гематологическое отделение, там полежал немного и умер, — женщина заплакала, всхлипывая, плечи вздрагивали, и казалось, что она стала даже меньше ростом.

У Алексея Спиридоновича у самого сдавило в груди железным обручем. Он постоял на месте, хотел подойти к женщине, но она, угадав его мысли, махнула рукой и пошла к скамейке, присела, опустив голову. Он подумал, что здесь он лишний, пусть женщина останется в своих воспоминаниях. Сердечная боль не проходит с годами, а ещё больше давит и не даёт успокоиться.

Прихватив лопату, он пошёл по тротуару. Спешили на работу люди, пробежали, опаздывая, два школьника, молодая мамочка с заспанным лицом тянула на санках ребёнка в детский сад. Всё же жизнь побеждает смерть — это вечное движение, и его не прервать.

СОН В РУКУ

Сергей спал бы ещё, но проснулся от грудного надсадного кашля своего деда Питирима. Кашель донимал его последнюю неделю, и тогда дед сотрясаясь всем слабым высохшим телом. Ни различные пилюли, ни горячая грелка на грудь никак не успокаивали старческую хворобу. Получилось так: когда сержант Иконников Питирим воевал с немцами и зимой наводил переправу через реку, стоя выше пояса в холодной, обжигающей тело воде, сильно простудился. Переправу солдаты всё же, несмотря на сильный миномётный огонь, соорудили, но он получил воспаление лёгких. Целый месяц между смертью и жизнью прометался на госпитальной койке гвардеец Иконников — и выжил.

И вот, спустя многие годы телесная немощь дала о себе знать. Дед ночью метался в бреду, что-то пытаясь сказать, но неподвластный язык никак не хотел издавать звуки. Сергей давал ему тёплой кипяченой воды из поильника, вытирал полотенцем крупный пот на лбу и стоял возле деда, пока тот не успокаивался и не засыпал поверхностным болезненным сном. Так в жизни получилось, что они остались только вдвоём на белом свете и крепко держались друг друга.

Сергей, лёжа на диване, ещё находясь в царстве сладкого сна, разлепил отёкшие веки и на некоторое время уставился взором в потолок, по которому пробежали неглубокие борозды трещин. Дом был старый, ещё довоенной постройки. Строители, видимо, не учли глубину промерзания земли или близость грунтовых вод — уложили бетонные фундаменты на быструю руку. Через пятьдесят

лет дом скособочился фасадом, и казалось, что он может клонуть в дождливую погоду носом на проезжую часть. Некоторые соседи быстро покумекали, обменяли или продали квартиры по бросовой цене, исчезли из почти аварийного дома, как говорится, от греха подальше.

Деду Питириму было всё равно, откуда снесут его на старый погост. Место было забронировано в одной оградке с женой. Он лежал на кровати возле самой стены и кашлял под одеяло, думая не разбудить своего внука. Болело где-то внутри справа, и когда Питирим кашлял, то боль усиливалась и острым обручем обхватывала худую с пергаментной кожей грудь. Сергей приподнялся на локоть, пристально всматриваясь в деда. Под синим одеялом чётко вырисовывалось острое плечо, виднелись белый затылок с мятыми волосами и край уха с небольшим пушком волос. Сергей опустил ноги на прохладный пол, посмотрел на настенные часы, которые показывали половину восьмого утра. Под окном был слышен приглушённый разговор двух женщин. Солнечный свет пробрался сквозь зелень листвы росшего под окном тополя и стелился по полу, оставляя белёсую полосу.

— Дед, а дед, тебе плохо? — спросил тревожно Сергей ломким ото сна голосом. Дед не ответил, а только стал сипло дышать. «Дела, видимо, совсем неважные», — решил он и быстро подошёл к кровати деда. Пожелтевшее лицо с глубоким провалом щёк, губы обметались белым налётом. Сергей погладил деда по голове, поправил сбившуюся подушку и стоял в одних плавках возле кровати, думая что предпринять. Прошёл по скрипучему полу в прихожую, взял телефон в руку и стал накручивать тугой чёрный диск.

— Диспетчер слушает, — отозвался альтовый женский голос.

— Скорую можно вызвать? — Сергей мысленно представил женщину с таким низким голоском. «У неё конец ночной смены. Лицо диспетчера, наверное, усталое, с немного красными глазами, к тому же худая, если такой низкий голос», — заключил Сергей, предполагая, как может выглядеть невидимая женщина-диспетчер.

— А что случилось? — телефонный голосок резко завибрировал.

— Деду моему плохо, еле дышит... Вы можете приехать побыстрее? — уже настойчиво просил он.

— Приедет бригада через полчаса, не раньше. Всю ночь и утро слишком много вызовов, а машин не хватает, — диспетчер уточнила адрес и закончила коротко разговор: — Ожидайте.

Сергей прошёл на кухню, отдёрнул плотную штору, которую ещё повесила покойная бабушка Нюра. Её не стало два года назад, но вещи напоминали о ней и вызывали чувство душевной горечи. Свет потоком хлынул в небольшую кухню, отсвечиваясь на никелированном боку литрового чайника. Сергей покачал чайник, уловив, что там есть вода, чиркнул спичкой, зажёл газовую конфорку, поставил его на гудящий желтоватый огонь. Затем выпил по-быстрому слабозаваренный чай из пакетика «Нури». Сходил в ванную, набрал под напористой струёй воды в детский тазик и, прихватив с верёвки махровое полотенце, пошёл в комнату умыться деда.

Дед лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. Синие вены под тонкой, почти прозрачной кожей, переплетались и на кистях набухли узлами — руки труженика. Глаза были прикрыты, и редкие ресницы слабо дрогнули, когда Сергей подошёл ближе.

— Ну, деда, просыпайся, будем принимать освежающие процедуры. Жизнь продолжается, несмотря на различные неудобства.

Сергей придвинул ногой ближе стул с высокой спинкой, поставил на него тазик с тёплой водой. Дед открыл глаза, стал равнодушно смотреть на него, словно увидал впервые.

— Вчера вроде бы умывался, — разлепив сухие губы, попытался слабо отшутиться Питирим, уголки губ слегка дрогнули. Он хотел облокотиться и встать немного, но рука безвольно скользнула по одеялу, свесившись вниз.

— Ладно тебе геройствовать. Сейчас приедет скорая помощь, и отвезём тебя в больницу. Там подлечат, подкормят и обратно домой вернёшься. Сергею хотелось не только успокоить своего деда, но и ободрить его словами, которые пришли ему почти спонтанно. Он подбил покруче деду подушку под голову. Намочив полотенце, аккуратно стал протирать морщинистое лицо. Питирим лежал, спокойно сомкнув крепко глаза, лицо с острым подбородком выражало покорность и кротость. Дед как-то не раз пытался заговорить с внуком о доме престарелых, но Сергей, не дослушав его доводов, категорически прерывал его речь:

— Вот ведь, что выдумал себе на старости лет. Какой такой дом престарелых?! Твой дом здесь, где мы с тобой живём, у тебя в паспорте штамп стоит. А про смерть рано ещё думать. Она сама придёт без приглашения.

Дед неделю назад завёл было разговор о Лене, подруге Сергея:

— Серёжа, а почему ты не приведёшь сюда жить Елену Васильевну? Женщина она справная, всё при ней, образованная, да и тебя, похоже, любит. Ты напрасно её передерживаешь в невестах, если вовремя не окольцуешь, то потом лови ветра в поле. Женщина должна не только сердцем, но и всей кожей чувствовать, как её любит мужик, а иначе охладает. Природа не любит пустоты.

— Ладно тебе, дед! Всему своё время и потехе час. Никуда она не денется, только вчера с ней виделись и ходили в театр.

Сергею самому хотелось укрепить их отношения и перевести в другое русло. Ему стукнуло уже тридцать лет, за плечами был один неудачный брак с однокурсницей Никой, они разошлись, прожив всего несколько месяцев. Семейное счастье разбилось в небольшой студенческой комнатухе в шесть квадратных метров. Первое время им хватало места спать в обнимку на узкой кровати с панцирной сеткой. Днём они в аудитории изучали сложную науку — сопромат, а ночью испытывали на прочность продавленную сетку своей кровати. Влюблённые исследовали телесные возможности друг друга, сексуальный накал достигал критической точки, и не вовремя раздавался настойчивый стук по батарее центрального отопления. Так давал о себе знать Сергею его однокурсник, которому надоедало слушать ночные рапсодии любовных утех.

Возможно, Ника быстро смекнула, что в таких спартанских условиях строить райское будущее не получится, и незаметно съехала на съёмную квартиру, предварительно устроив несколько душещипательных скандалов, как подучила её мать Зинаида Кирилловна, побывавшая в пяти законных браках. Никины родители всегда были против их брака с Сергеем, как они считали, его пролетарское происхождение не совсем подходило для счастья дочери. Они хотели видеть в будущем зяте нечто большее, и через год после окончания инженерного института она уже ездила на работу в бежевой «Волге», сидя на переднем сиденье и с любопытством разглядывая прохожих.

Родители подыскали ей стареющего вдовца-адвоката с подорванным здоровьем и неплохими накоплениями в Сбербанке. По городу ходили слухи, что он долго не протянет. Кто-то завидовал Нике, её внезапному богатству, а кто-то осуждал за порочность. Впрочем, каждому своё. А Сергей тяжело переносил разлуку с Никой, совсем запустил учёбу, его вызывали в деканат, грозились

отчислить и выселить из общаги. Он ходил бесцельно по городским улицам, опустив низко голову, и даже пришлось лечь в больницу, чтобы подлечить расшатанные нервы. Тогда спас положение дед Питирим, он возник в палате, словно волшебник, под Новый год, держа в руке сетку с жёлтыми апельсинами.

— Ты вот что, внучек! — начал дед вроде бы издалека, но поняв, что нечего тянуть кота за хвост, перешёл ближе к делу, как только они вышли в тёмный, пропахший едкой хлоркой коридор.

— Забудь эту блудницу раз и навсегда! — дед это говорил, смотря Сергею прямо в глаза. — Ты не отводи, не отводи своего ясного взора, — настаивал на своём дед.

— Да люблю её, не могу без неё, она у меня первая женщина. Отстали бы все от меня, и так тошно на душе, — тяжело вздыхал в полумраке Сергей, ладони вспотели от такой больной и щекотливой темы.

— Успокойся, наконец-то! Свет клином не сошёлся на Нике. Ну, крутанула девка хвостом, а ты, как тень, за ней вечно будешь ходить и изводить себя. Меня, как призвали на войну, твоя бабка, царство ей небесное, шла за подвой десять километров до станции, где нас формировали в стрелковый батальон, и дождалась меня после войны израненного. Вот это любовь! А потом ютились по землянкам после войны, не знали, что такое поесть вдоволь. С утра по заводскому гудку шёл прямиком в цех с куском хлеба в кармане, как бы не опоздать и не подвести своих товарищей. А ты, чуть что, распустил нюни. Ты для чего на свет появился? Запомни! Твоя фамилия Иконников, и не позорь нас. Ушла девка?... Да бог с ней! Нехай катится подальше. Может, и хорошо, что так произошло, а если бы детвора стала появляться на свет, и у вас бы случился этот конфуз. И что от этого — мужику в петлю лезть? Знавал я по молодости одного человечка. У него тоже баба была

с форсом, губы на помадит и глазами стрельбу устроит. Так дострелялась, что потом мы её муженька из петли вытаскивали. В грязном, обгаженном голубями чердаке повесился дуралей. Тоже мне любовь! Не губите себя из-за дурных баб.

Дед Питирим шагнул вперёд и порывисто прижал к себе Сергея, зашептал ему горячо в ухо:

— Не печалься! Забудь и выкинь из головы эту канитель. У тебя всё будет хорошо, я сон видел накануне, как правнука своего нянчил в зыбке. Вот это продолжение нашего рода. Подтянись и смотри вперёд, Сергей Иконников!

Может, откровенный разговор с дедом или эскулапы постарались вывести Сергея из состояния нервного ступора, но он из больницы выписался со здоровой головой и твёрдым сердцем.

У Сергея после Ники были разные женщины, некоторые не оставили даже лёгких воспоминаний.

С Еленой Васильевной, а точнее Леной, он познакомился год назад на своей работе совершенно случайно. Навстречу ему по длинному и пыльному переходу между корпусами шла красивая девушка с бронзовыми волосами и синими глазами. Короткая юбка приковывала каждый раз мужские взгляды на круглые коленки и стройные ноги бывшей легкоатлетки. Она несла, прижав к себе, пачку документов, но в самое неподходящее время часть из них выскользнула из-под руки и упала на цементный пол. Девушка растерянно остановилась, затем стала собирать папки с пола.

— Может, я помогу вам? — Сергей присел на корточки, собирая бумаги, всматриваясь в синеву глаз. Девушка виновато улыбнулась, блеснув белизной зубов. Лицо с немногими широкими скулами и раскосыми глазами намекало на то, что её далёкими предками были степные кочевники,

привыкшие только побеждать, а женщины — смелые и непокорные врагам. Поворотом головы она откинула в сторону медные волосы, под дневным светом они заискрились, словно по ним прошёл сильный искрящийся заряд. У Сергея в тот момент по коже проскользнула электрическая дуга, замкнулась где-то глубоко в голове. Глаза незнакомки равнодушно скользнули по нему, будто оценивая по некой ценностной шкале. Эта рыжеволоска явно знала себе цену.

После этого случая у них произошла ещё одна встреча в столовой НИИ, где они работали на разных этажах. Институт тематически разрабатывал некоторые спецпроекты для Минобороны и располагался в тихом районе девятиэтажного дома, в нём можно было, работая годами, так и не столкнуться с человеком. Сергей понял, что это некий посыл сверху и не стал испытывать очередной знак судьбы, поспешил выстраивать их отношения по спирали — от простого к сложному. Они через некоторое время, пройдя конфетно-букетный период, стали встречаться у Лены дома. Она жила одна в серийной пятиэтажке. После первой ночи близости у Сергея закрепилась мысль, что Лену ему послал добрый небесный ангел.

Дверной звонок надрывался. Сергей поспешил к двери, поняв, что приехала бригада скорой. По пути он надел джинсы «Vrangler», натянул на тело коричневую футболку с коротким рукавом и двумя поворотами ключа в английском замке распахнул дверь. На пороге стояла женщина в белом помятом халате без возраста. Ей можно было дать лет тридцать, а то и пятьдесят. В руке она держала потёртый чемоданчик с красным крестом. На узковатом лице от души наложен плотный макияж. Глаза ничего не выражали, кроме усталости. В ушах сверкнули небольшие серёжки с зелёными камешками. За её худой спиной маячил фельдшер-практикант с лёгким пушком над верхней

полноватой губой. От нерешительности он переминался с ноги на ногу, поправляя рукой причёску на вихрастой голове и что-то усердно жевал.

— Вызывали скорую? — спросила женщина хриловатым прокуренным голосом.

— Да, вызывал. Проходите в комнату к деду. Ему что-то уже неделю как плохо.

— А почему тогда раньше не вызывали нас? — недовольно буркнула врач и, не задерживаясь в дверях, прошла в комнату. На Сергея слегка пахло слабым парфюмом, который в изобилии продавался на местном рынке под разными брендами. Духи «Шанель» можно было приобрести совсем за небольшие деньги.

— А где медицинская бригада? — поинтересовался он.

— Я в одном лице бригада. Некому работать по ночам! — отозвалась врач. Она достала из чемоданчика фонендоскоп, стала выслушивать дедову грудь.

— Подышите поглубже, — попросила она и придвинулась ближе. — Так-так... — на её лице пробежала тень сомнения, кончики узких бровей клюнули ближе к переносице. — Нужно его в больницу отвезти, там уточнят диагноз, да и рентген сделают, кровь из вены возьмут на исследование. Без снимков точного диагноза не поставить, так что собирайтесь, поедem с нами.

Она внимательно посмотрела на лежащего деда.

— Наверное, он у вас не ходит. Лёня, сбегай быстро до машины, принеси носилки, — распорядилась врач, собирая чемоданчик.

— Спасибо, что быстро приехали. Деду поможет? — у Сергея неожиданно дрогнул голос.

— Работа у нас такая — людям помогать, — без жеманства ответила врач, присев на стул, положила себе на острые колени чемоданчик. — Лекарств особо нет, так и приходится выкручиваться. До пенсии доработаю и уйду. Видимо, для убедительности качнула ногой.

— А кто же нас будет лечить? — бесхитростно спросил Сергей. Он услышал шум в прихожей. Это практикант неуклюже вносил в комнату носилки, задевая ручками стены. Они вдвоём переложили с кровати деда на них. Брезент носилок местами выцвел белыми пятнами и был нечист.

— Ну, пойдёмте вниз к машине. У нас много ещё вызовов.

Врач пошла к выходу, унося из квартиры запах «Шанели». Практикант поднял носилки, от натуги покраснело лицо, он прекратил шевелить челюстями и двинулся вперёд за ней, но Сергей остановил его:

— Я понесу первый, головой вперёд. Это только покойников выносят ногами из дома, а дед у нас ещё поживёт. Ему некуда спешить. Можно сказать, вся жизнь впереди.

Сергей посмотрел на лицо деда, оно посветлело, с глаз ушла мутноватая пелена, и они смотрели на него с надеждой, что всё обойдётся на этот раз благополучно.

Внизу возле зелёного санитарного УАЗа сидел на корточках пожилой водитель с натянутой на самые глаза синеватого цвета бейсболкой. Он разглядывал на земле копошившегося в небольшой песчаной кучке муравья, который тащил на себе засохшую травинку. Полноватыми губами, вытянутыми вперёд, водитель поддувал воздух, помогая муравью. Увидев санитаров с носилками и Сергея, он суетливо встал и заспешил открывать дверь в машину. Деда поместили в чрево скорой. Он лежал, сложив сухие руки с длинными пальцами на груди. Сергей подошёл к врачу, сидевшему в кабине:

— Вы позаботьтесь, пожалуйста, о нём, а я приду в больницу ближе к обеду.

— Да вы не волнуйтесь! Отвезём вашего деда в приёмное отделение, а там решат, что с ним делать. Подлежат — и прибежит домой обратно.

Врач дежурно улыбнулась, показав крупные передние зубы. Смурной водитель завёл машину, и они отъехали от подъезда, оставив Сергея с грустными размышлениями.

Вернувшись домой, он прошёл на кухню. Поставил варить кофе в турке из нержавеющей стали, пока вода закипала, в комнате широко раскрыл окно — проветрить застоявшийся ночной запах с примесью «Шанели». Телефон настойчиво звонил. Сергей снял трубку и услышал рассерженный голос Лены:

— Второй раз звоню! Ты спишь, что ли?

— Не сплю! Деду плохо что-то стало, пришлось скорую вызывать. Ходил провожать его до машины.

— Нам нужно с тобой поговорить, — настойчиво проговорила Лена.

— Хорошо, я тебя внимательно слушаю. Только быстро схожу на кухню и кофе сниму с плиты, а иначе убежит.

— Разговор не по телефону.

— Тогда давай встретимся в больнице, которая на Можайской, в два часа.

— Ладушки, — Лена чмокнула губами в трубку и отключилась от связи.

Сергей стоял возле входа в приёмный покой и смотрел по сторонам, пытаясь выследить Лену в толпе людей на автобусной остановке. Мельком посмотрел на часы, было уже половина третьего. Солнце стояло высоко в небе и напекало голову. Он хотел уже отойти в сторону деревьев и спрятаться в слабую тень, в которой расхаживали грязноватые голуби, как из автобуса выпорхнула Лена в ярком цветастом платье. Она щедро улыбалась и махала ему рукой. Красивое платье выше колен облегалось её фигуре, подчёркивая линии тела.

— Извини! Заждался, наверное? Что-то автобус поздно подошёл.

Лена притянула Сергея к себе, чмокнула его в щёку. От неё пахло свежестью молодого тела. Лена взяла его руку и приложила к плоскому животу.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросила она загадочно.

— Пока нет. Я что должен почувствовать? — недоумённо спросил Сергей. — На ощупь определить, какое у тебя пищеварение, — усмехнулся он.

— Я не предполагала, что ты такой непонятливый.

Лена отодвинулась от него. Лицо её источало радостное состояние.

— Я беременна! — тихо произнесла она. — Ты рад этому?!

Сергей стоял растерянный и не сразу нашёлся, что ответить Лене. У него как-то сразу спазмировалось горло. Пришлось даже несколько раз кашлянуть, чтобы слова смогли сложиться в сухом рту.

— Конечно, конечно рад! А почему ты только сегодня об этом сказала?

— Пока сама не была уверена в этом. Только сегодня проверила тестом.

Сергей от нахлынувших чувств крепко обнял Лену, нашёл её губы, отдающие спелыми ягодами, поцеловал сначала их, а потом в глаза. Проходившая мимо старушка, с натянутым головным платком на самый лоб, оставилась и укоризненно покачала головой: «Вот тоже нашли, где целоваться! Дома нельзя, что ли? Ну и пошла у нас в стране молодёжь вместе с перестройкой. Всё стало дозволено. Стыд и срам!» Она хотела что-то ещё сказать, но только махнула досадливо рукой и пошла своей дорогой, шаркая ногами со стоптанной обувью.

Дед лежал в большой светлой палате один. От стойки с пузырьком с лекарством тянулась прозрачная трубка, и было видно, как оно капает в слабую пульсирующую венку. Сергей присел на шаткий стул, всматриваясь

в лицо деда. Ресницы слегка дрогнули, он повернул голову в сторону Сергея, приоткрыл глаза:

— Пришёл наконец-то. Я уже тебя заждался. Всё думаю, может, мне конец пришёл. Даже мне ангел в белом халате привиделся. Видимо, ошибся, — это дежурная медсестра приходила, уколы делала. Красивая деваха, голова вся в кудряшках, ну чистый ангел во плоти. Врач, молодой парень, сказал, что всё будет хорошо и пойду скоро на поправку. Так что ещё поживём.

Дед Питирим зашевелился под тонким серым одеялом. Выпростал руку. Потянулся к лицу, поскрёб правую щёку:

— Давно не брился. Принеси в следующий раз бритву электрическую, она хоть дребезжит и плохо бреет, но всё же волос можно убрать. Как у тебя дела? — дед увидел, что в стороне стоит Лена. — Подойди поближе. Хотя на тебя, красавица, посмотрю. Любил я в молодости женщин разглядывать. Все разные, особенные, и в каждой своя изюминка заложена от родителей и природы-матушки.

Сергей наклонился ближе к дедову уху и прошептал:

— Дед, а, дед, у нас в семье будет пополнение. И ты станешь прадедом, так что крепись и выздоравливай.

Лицо Питирима пошло красными пятнами, он глубоко задышал, из глаз по морщинистым щекам закапали прозрачные слёзы. Сухие губы растянулись в полуулыбке:

— Ну, внучек, порадовал старого! После этого обязательно пойду на поправку. Мне надо ещё твоё дитя на руках покачать. А вы идите... идите, занимайтесь своими делами, а мне поспать захотелось.

Сергей оставил на стуле пакет с провиантом, кивнул головой Лене, и они тихо вышли из палаты, осторожно прикрыв дверь, чтобы коридорный шум не беспокоил деда Питирима.

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Полдень. На сентябрьском небе, затянутом хмурой мглой, не видно просветов. Низко с шумом пролетел армейский вертолёт Ми-8 в сторону Чернобыльской АЭС. Погода стояла тихая и безветренная после проливного дождя. Деревья и кустарники опахнуло цветом наступившей осени. Накануне в небесной верхотуре ближе к вечеру забегали беспокойно пузатые серо-чёрные облака, потом вдалеке упруго загрохотало, небо стало близким и угрюмым, сверкали яркие молнии, холодный обложной дождь полил сначала робкими каплями, но всё усиливался и полил так, что казалось, ему не будет ни конца ни края.

Возле полевой кухни сидели на перевёрнутых деревянных ящиках два уже немолодых солдата, призванных из запаса на военные сборы. Они молча чистили картофель, думая каждый о своём, бросали его в алюминиевый бачок с двумя ручками. Один, среднего роста, плотный, жилистый телом, с бледноватым крупным интеллигентным лицом и грустными глазами, тихо напевал, отбивая такт кирзовым сапогом:

*Призрачно всё в этом мире бушующем,
Есть только миг — за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь...*

Недопев до конца песню, поднял голову и посмотрел коричневыми глаза на сидевшего напротив солдата. Лицо разгладилось, на губах обозначилась слабая улыбка:

— Вот смотрю на тебя, Дима, и удивляюсь, почему ты без зубов? Или твоя жёнушка разлюбезная нечаянно

по ним звезданула? А может, ты был записным гулякой у себя в деревне? Честно сознайся, — Василий стал заводить бессмысленный разговор больше от скуки, нежели задеть за живое своего сослуживца.

Солдат, к которому были адресованы эти слова, недовольно скорчил суховатое скуластое лицо, дрогнул бровями и поморщился, словно от надоедливой зубной боли, отчего на покато лбу прошлись волной морщины. Он поднял лысоватую голову и посверкал сердито глазами:

— Тоже мне сказанул! Жена выбила? Придумал бы другую версию, да она у меня просто золото! — протянул он тонкими сухими губами и языком пошарил у себя во рту. — Ну ты чего ко мне с этими зубами постоянно пристаёшь? Надоел уже! — он нервно бросил в бачок с водой неочищенную картофелину и раздражённо встал с ящика. — Дурень ты городской, Василий, другого я не скажу, — рукой с короткими пальцами вытянул из кармана едва початую пачку сигарет «Прима». Послунявил языком конец сигареты, чтобы не прилипала к губам, прислушиваясь, потряс коробком, чиркнул спичкой, прикурил. Сладко затянулся, так, что впали щёки, и, выпустив облачко сизого дыма прямо в лицо Василия, стал с тихим наслаждением наблюдать за ним, считая это ответом за его зубоскальство. Тот потускнел глазами, похлопал ресницами, повернул голову в сторону и замахал руками, отгоняя дым:

— Вот леший мохнатый! Тоже мне надумал меня травить. Тебе уже несколько раз говорили, что курить в радиоактивной зоне трижды опасно. В мирное время один грамм никотина убивает лошадь. А здесь особые условия, и нуклиды вдыхаешь вместе с дымом.

Дмитрий насмешливо посмотрел на Василия, губами пожевал кончик уса с желтоватым табачным налётом, решил сменить опасную разговорную тему на более приземистую:

— Слышал, что ты работал в школе учителем математики. Правда или нет?

Василий пристально смотрел на Дмитрия, будто пытался изучить его. Сухо прокашлялся в сжатый кулак. В его глазах промелькнула задумчивость, словно он хотел вспомнить что-то бывшее в жизни. А там хватало различных событий и перипетий, как если бы крутить детский цветной калейдоскоп.

— Да, пришлось поучительствовать некоторое время, а потом сменил профессию на более стрессоустойчивую.

— Какую, если не секрет, или, может, интриги какие были в школе? — с нескрываемым интересом в голосе спросил Дмитрий и даже подошёл ближе, вслушиваясь в собеседника. Для него эта профессия была почти святой.

— Прошла тёмная полоса, с женой разошёлся, оказалось, что не сошлись характерами, как бы сказал мой знакомый вольный поэт Голубкин: «Пришла любовь, огонь горел, потом остались только угли». Квартиру разменяли, чтобы не видаться, и мне пришлось заехать в коммуналку на шесть хозяев с общим коридором и кухней. Вот развёсёлая жизнь там началась, чуть не скатился на самое дно. Не жизнь, а праздник каждый день. Ладно, встретил одну женщину, она меня вытянула из этого тёмного омута, — с явным нежеланием Василий продолжал разговор, хотя ему крайне не хотелось ворошить старые события минувших лет. Но сослуживец Большов, с которым они уже несколько месяцев вместе и успели присмотреться друг к другу, внушал ему доверие своей тихой рассудительностью и крестьянской покладистостью.

— Ну а какая была последняя должность? У тебя же высшее образование, это же не я — деревенский тракторист, — всё не унимался Дмитрий.

— Что ни есть полезная в обществе: сторожу свёклу и капусту на городской овощебазе номер два. Всё вроде

спокойно было, и душа в теле торжествовала, но прямо в выходной с утра заявляются ко мне нежданно-незванно два херувима: наш участковый Мишкин и какой-то молодой старлей военкоматовский. Стоят за порогом, напустили на себя строгости, а я ещё не отошёл от сна, смотрю на них липкими глазами и не могу понять, чего они хотят от меня грешного. Старлей, у которого едва редкие усы наметились под острым носом, достал из планшета повестку и под расписку вручил мне, чтобы я утром следующего дня явился на сборный пункт, — Василий хмыкнул. — Случаются в жизни разные сюрпризы, о которых и представить не можешь, — ему хотелось рассказать о своих мытарствах, случайных встречах с пустыми и порой опасными людьми, но он осёкся, замолчал и стал вглядываться вдаль, поверх верхушек сосен.

— Сколько нам до дембеля осталось, ты хоть знаешь? — Дмитрий вытянул из нагрудного кармана календарик за 1986 год и стал водить пальцем, считать, шевеля губами: — Один, два месяца и, наконец, долгожданный дембель. Ничего себе, ёшкин кот, тут так закоптимся, что дома не узнают.

— Ладно, не кипятись, дружище! — прервал его Василий, пощёлкал суставами на пальцах рук. — Ты же знаешь: нервная система у гомо сапиенса не восстанавливается. Береги эти самые нейроны, дома пригодятся. Мы ведь здесь не бином Ньютона собрались доказывать, а люди подневольные, служивые. Дали приказ — и поедем на станцию, других вариантов нам не предложили. Может, я пожелал бы вечером откусать фрикасе с бокалом белого вина в ресторане «Астория», но, увы... А пока садись и выполняй важное задание: личный состав должен быть накормлен!

Они повернулись друг к другу боком и молча продолжили чистить клубни картофеля, бросая в воду, брызги летели в разные стороны на жёлтый сырой песок.

У Дмитрия как бы ненароком всплыли воспоминания первых дней в Чернобыльской зоне. Команду уральцев привезли на двух бортовых машинах в батальон. Разместили в палатках, и буквально через два дня его взвод поехал рубить «рыжий» лес, росший недалеко от станции. Взрывом разнесло четвёртый энергоблок, и мощные потоки излучения прошли по хвойному лесу, спалив его. Впереди пошли два разведчика-дозиметриста, они с приборами ДП-5 промерили места, где им придётся работать. Основными инструментами были двуручные пилы да топоры. Пока валили лес, нахватали радиацию на себя. По приезде в батальон они, уставшие, сразу пошли в столовую. Ночью несколько солдат заходились в сухом, надрывном кашле, во рту стоял металлический привкус.

Пришлось Дмитрию поработать на самой станции и видеть разрушенный четвёртый энергоблок: он был развален взрывом, внутри оставалось ещё ядерное топливо. Солдаты собирали в железные контейнеры обломки урановых стержней и порой, затаив дыхание, бежали вперёд из-за высокой радиации. Тогда спина покрывалась холодным потом, в горле стоял сухой ком. После такой работы голова становилась словно чугунная. Так шёл один день за другим в чередё солдатской жизни.

Прошла неделя, вторая, и Дмитрия охватил взявший-ся неизвестно откуда болезненный жгут страха, он затаился где-то под сердцем, сдавливал грудь, мешал дышать. Это ощущение держалось ещё несколько дней и не давало спать. Тогда он тихо вставал и выходил в туалет покурить. Прошло время, он смог подавить в себе страх перед неизбежным положением, обретя более спокойную способность к осмысленному пребыванию в радиоактивной зоне.

В начале июня в деревне закончилась посевная, засеяли вспаханные поля яровыми. И если лето не будет засушливым и знойным, то урожай соберут богатый. Председатель

колхоза Иван Данилович Чернышов жил недалеко от правления. Утром, наскоро перекусив на кухне пшённой кашей с колбасой, быстро зашагал на работу. Уже год, как он был на пенсии, и всё подумывал немного отдохнуть и махнуть к сыну к Тихому океану. Хотелось порыбачить, посидеть на камне и посмотреть вдаль, где вода соприкасается с небесами. Но его не отпускали и обещали на следующий год решить эту проблему. «А пока работай и ищи себе замену», — похлопал дружески по плечу Сандуков, руководитель района. На ответ Чернышова, что он пока не может найти подходящую замену, Сандуков твёрдо заключил: «Тогда не думай о пенсии, у тебя колхоз передовой».

Одноэтажное здание правления, под цинковой кровлей с красным флагом на коньке, было построено шабашниками-молдаванами из белого силикатного кирпича. Они жили в пристрое дома культуры, где по вечерам ярко горела лампа на столбе, вились полчища комаров, играл магнитофон с зарубежной попсовой музыкой, и деревенские девахи тайком заглядывали к ним. Вера, засидевшаяся в девках библиотекарь, забрюхатела от бригадира Чобана цыганистого покроя, и об этом шепталась вся деревня. Председатель колхоза Чернышов, узнав об этом, решил больше не приглашать любвеобильных строителей.

Зайдя в свой кабинет с двумя окнами, не стал закрывать за собой дверь, пройдя по скрипучему крашенному коричневой краской полу, распахнул настежь оконные створки. С улицы потянуло утренней прохладой и запахом сирени, росшей под окном на солнечной стороне. Чернышов опустил своё грузное тело на стул, рукой подвинул пачку бумаг, задумался, потёр седые виски, где-то в голове стучала пульсирующая боль. Ночью он плохо спал, ворочался в постели, не давая уснуть супруге Ирине, потом закутался в одеяло и вышел на застеклённую веранду. Прилёг на низенький диван, глаза не хотели спать, и он смотрел на слабый

жидковатый рассвет. Коротко задремал на два часа, проснулся как по будильнику в семь утра.

У Ивана Даниловича было приподнятое настроение: несмотря на все сложности с посевной зерновых и картофеля, колхоз уложился в график, и можно было смело отрапортовать об этом районному начальству. Налил из стеклянного графина в стакан тёплой воды, подержал в руке, пить не стал. Стряхнул невидимую пылинку с рукава белой рубашки и крикнул в полуоткрытую дверь:

— Маша, ты здесь?! Зайди ко мне.

Ему ответил девичий звонкий голосок:

— Да, здесь я, Иван Данилович. Что вы хотели? — спросила Маша, думая, что председатель не стал пить потому, что она не успела принести холодной родниковой воды. — Извините, я сейчас по-быстрому сбегая на родник и принесу свежей воды, — в проёме двери появилась Маша, задержалась на секунду и прошла в кабинет к председателю. Солнечная дорожка из окна стелилась по полу и упиралась прямо в её ноги. Невысокого роста, в приталенном лёгком платье, из-под которого видны расчёсанные от комаров упругие ноги в тупоносых лакированных туфлях на невысоком каблучке. Наивными серо-зелёными глазами на припухлом лице она доверчиво смотрела на Ивана Даниловича.

— Не поэтому кличу тебя, а нужно срочно отправить телефонограмму в район о том, что мы закончили посевную в срок. Поняла?

— Всё сделаю! Но пока час ранний, и начальство не пришло на работу.

— Хорошо. И ещё найди мне срочно нашего агронома Максима Петровича. Да свяжись с мехмастерскими, спроси, там ли Дмитрий Большов? Пусть включает пятую передачу и ко мне срочно в кабинет. А то я через час уезжаю в район на конференцию по животноводству.

Секретарша с полусонным, ещё детским лицом слушала председателя с приоткрытым ртом.

— Ты вот что, рот-то закрой, а то ненароком галка залетит, — председатель усмехнулся, но, услышав, шум на улице, подошёл ближе к окну. По грейдерной дороге гнал на мотоцикле «Иж» с прицепной коляской пенсионер Герасим Бабакин. Он ехал без каски, густо заросшее лицо седыми волосами было угрюмо и встревожено. Из синей коляски торчали несколько бамбуковых удилиц. За ним бежала женщина с неубранной головой в просторном платье и громко кричала в след, в правой руке она держала коричневую курицу. Оказывается, Герасим задавил несущку и старался поскорее скрыться от рассерженной хозяйки.

— Вот дуралей, не гонял бы как сумасшедший. Ведь лишили его прав, нет, неймётся. Будет тебе взбучка от Лиды.

Председатель знал характер хозяйки курицы, она работала на ферме дояркой, и лучше ей на зуб не попадать.

— Ты всё ещё здесь?! — Иван Данилович повернулся от окна и посмотрел на пигалицу.

Маша мотнула косичками, постукивая каблучками по полу, исчезла, и в приёмной зазвенел её тонкий голосок:

— Михаил Потапович, доброе утро! Там далеко Большов? Пусть, как только приедет, сразу прямиком к Ивану Даниловичу в кабинет! Нет, не провинился. Вчера звонили из райвоенкомата.

Через полчаса Дмитрий стоял на высоком крыльце колхозного правления и, подобрав небольшую палочку, тщательно счищал налипшую глину с кирзовых сапог. Вечерней зорькой он ходил с другом Лёшкой на речку порыбачить. Берега, заросшие редким кустарником, там высокие, и, пока спускались вниз к урезу воды, намесил липучую глину на сапоги. Небольшая речка несла свои воды спокойно. Выбрали место, закинули удочки и стали ждать поклёвок. Со стороны леса прилетела пара серых

уточек, они поплыли возле берега и скрылись в высокой траве. Рыбалка не задалась, было несколько поклёвок, да на середине речки невидимая рыбина ударила хвостом по воде, разгоняя круги.

Дмитрий стоял, собираясь с мыслями о причине такого скорого вызова к председателю, и смотрел на кусты сирени, посаженные два года назад, которые хорошо прижились и стояли, плотно образуя непроходимую изгородь. В глаза бросилась зелень муравы, мягким ковром стелющаяся к самой стене здания. На крыше, поддаваясь слабому утреннему ветерку, живился красный флаг. В начале улицы, поднимая серую пыль, ехал гусеничный трактор. Было видно, как большая лохматая собака с хвостом в виде кренделя поодаль бежала за ним.

Он ещё немного потоптался на месте, будто затягивая для себя время, потянул входную дверь и оказался в полутёмном коридоре. Под побелённым потолком светились лампы дневного света.

В приёмной он увидел свою дальнюю родственницу, она приходилась ему троюродной племянницей. Маша подняла голову, улыбнулась, и лицо запунцовело:

— Здравсьте, дядя Дима! Вас Иван Данилович уже поджидает, так что заходите к нему. Ему скоро нужно будет ехать в район.

Сдёрнув с головы куцеватую серую фуражку, Дмитрий волнительно мямл её в руке, отворяя дверь.

Солнце из окна поднялось уже на стену, где висел под стеклом в деревянной раме портрет генерального секретаря компартии Михаила Горбачёва, на лобастой голове блестела лысина, и только тёмное пятно было неким таинственным знаком о скорых переменах.

Легкий ветерок слегка трепал белые занавески на окнах. Председатель, увидев растерянного Большова, вытянул руку вперёд, приглашая присесть:

— Проходи, не стесняйся! Садись на стул, надо с тобой потолковать об одном деле.

Большов подошёл ближе к столу и присел на краешек стула, слегка вытянув вперёд почерневшую от майского загара шею. Узловатые руки сначала положил на столешницу, но, посмотрев на грязь под ногтями, скоро убрал себе на колени.

— Вот что я тебе скажу, — председатель зачем-то придвинул к себе кожаную папку с золотым теснением. — Звонили вчера из военкомата, сказали, чтобы ты до обеда был у них.

— А зачем не сказали, Иван Данилович? — голос у Большова от волнения дрогнул.

— Да шут его знает! Может, так просто, для проверки документов. А ты когда был на военных сборах последний раз?

— Да как из армии вернулся, и никаких сборов. Это, почитай, годов так двадцать будет.

Иван Данилович поёрзал на стуле, отчего тот застонал под его весом.

— Напомни мне, какая у тебя военная специальность?

— А вы как будто не знаете? Механик-водитель танка Т-60. Кстати, самая лучшая боевая машина в то время, — Большов нервно улыбнулся, показывая тёмный провал беззубого рта.

— Ну, ладно, ладно, ты всё понял? — председатель серьёзней лицом, на прощание протянул тёплую мягкую руку. Большов резво встал со стула и, натянув фуражку на самые уши, обрадованный, что председатель не допытывал его о ремонте трактора, зачастил словами:

— Сейчас сразу домой! Переоденусь, возьму военный билет — и в район.

Красный пазик трясся по ухабистой и разбитой дороге. Пыль витала в воздухе, попадала в нос, отчего хотелось

чихать. Рядом с Дмитрием на дерматиновом сиденье восседала доярка Евгения Кочнева. Они сидели плотно и задевали друг друга плечами. Женские груди под сиреневой блузкой на ухабах колыхались волной, нервно беспокоя своего соседа. Он косил на них острыми глазами, и Евгения, ухмыльнувшись, как бы ненароком больно двинула ему в рёбра. Повернулась к нему полноватым лицом с карими игривыми глазами.

— Ты чего это, Дмитрий, глазищами зыркаешь, как таракан запечный?! Может, мне Раисе рассказать, что у тебя глаза не на месте.

— Да ладно придумывать всякую глупость, просто у тебя грудь красивая, принимай как комплимент, — поткровенничал Дмитрий, ему стало неловко, он хотел отодвинуться ближе к окну, но был прижат тугим бедром своей соседки.

— А у твоей Раисы разве меньше? Баба она у тебя тоже сдобная! — засмеялась Евгения, широко раскрывая рот, прикрыв глаза веками с густыми ресницами.

Автобус спустился с большака и нырнул на лесную дорогу. Ветки деревьев хлестали по стёклам, норовя своими лапами попасть в салон. Справа меж высокого сосняка виднелась полянка. Облупленный синий трелёвочник от науги выбрасывал из трубы в прозрачный воздух клубы смолянистого дыма. Тащил он к дороге толстую, в два обхвата у самого комеля, сосну. Дмитрий повернулся к окну и грустно вздохнул:

— Да, губим лес почём зря, нет настоящего хозяина на всё это добро.

Евгения поправила выбившиеся волосы из-под светлой косынки в горошек, провела тыльной стороной кисти по лбу, усмехнулась, показывая ровный ряд зубов:

— Тебе-то что до всего этого?! На наш век хватит, а потом хоть трава не расти! Ты мне лучше скажи, зачем все работают на один карман?

— Как на один карман? — переспросил Дмитрий.

— Ты чего, совсем недотёпа? — не унималась она, вздёрнув брови на лоб. — Работаем всей бригадой, боремся за надой, а как премию получать за перевыполнение плана — дак одна Евдокия Матвеева. Ей и путёвку на курорт в первую очередь дадут, и грамоту к празднику. Уразумел? — сердито сказала Евгения и сурово поджала засиневшие губы.

Разговор приобретал переход на личности, что Дмитрия не устраивало. Он не любил досужих разговоров, сморщился, сделал отрешённое лицо и упёрся глазами в затылок с двумя жирными складками сидевшего впереди мужчины в белой панаме. Лес закончился, они выехали на простор, где висело подсинённое небо, солнце стояло в зените, и свежий воздух ворвался в салон автобуса. Юркий пазик выскочил на асфальтированную дорогу, а там было совсем рукой подать до автовокзала.

Районный городок был похож на многие другие, разбросанные по российским весям. Улицы разбегались в разные стороны от городской площади, словно ручейки в ненастную погоду. Деревянные дома теснились друг к другу, грозя спалиться пожаром в одночасье. Тот, кто жил побогаче, обзавёлся оцинкованными крышами, они блестели под солнцем, выделяясь среди других домов.

Дмитрий вышел из автобуса, кивнул головой Евгении, та ехидно скривилась, посмотрела равнодушно поверх его головы и, быстро перебирая ногами, исчезла за глухими воротами дома, где жила её кума.

Хорошо сохранившийся двухэтажный кирпичный дом с резными наличниками и высоким крыльцом стоял возле перекрёстка. Его построил купец Никифор Глориягин, торговавший лесом и зерном, и дела у него шли в гору. Но случилась напасть — пролетарская революция. Гегемоны, недолго думая, всё экспроприировали, а самого

его отправили подальше в северный лагерь. Так и сгинул неведомо где, а семья пошла побираться по дворам. В доме купца сначала обосновался ЧК, потом управление культуры, и только в шестидесятые годы его передали военкомату.

Дмитрий поднялся по скрипучим ступеням, держась за отполированные руками перила с точёными балясинами. Дверь подалась ему не сразу, только со второй попытки. Скрипнув железными петлями,пустила его на первый этаж. Низкорослый, какой-то плоский прапорщик в начищенных до блеска сапогах шёл упруго ему навстречу, уткнувшись в бумаги.

— Здравия желаю, товарищ прапорщик! — по-военному обратился Дмитрий. — Не подскажите, как пройти к военкому?

Тот, не останавливаясь, поднял начинающую сесть голову, посмотрел узкими татарскими глазами, молча махнул рукой в конец коридора и заскрипел сапогами дальше.

У военкома района майора Петра Бенекдитовича Бедрова на почти квадратном лице с глазами щёлками висел тяжёлый подбородок. Он стоял возле окна, заложив руки за спину, и с нескрываемым интересом наблюдал за дракой двух кобелей. Шерсть у них стояла на спине дыбом, собаки скалились, обнажая крупные клыки. Один, который был покрупнее, рыжей масти, с порванным ухом в уличных драках, встал на задние лапы и всем своим телом навалился на чёрного пса с коротким хвостом и схватил его за загривок, стал трепать в разные стороны. Тот жалобно заскулил, повалился на бок.

Услышав стук в дверь, он пересел за стол и сделал твёрдое лицо. Он давно засиделся в майорах, и ему хотелось вырваться из районного городка куда-нибудь в область, лишь бы не слышать почти ежедневные капризы жены. Она была заядлой театралкой и жаждала светской

жизни, но только не в провинции. Женился Петя неожиданно для себя. На танцах познакомился с девушкой с тёмно-зелёными глазами, она сама подошла к нему первой и, взяв за потную, подрагивающую от волнения руку, повела в середину танцзала. А потом всё закружилось в его жизни вальсом.

— Войдите! — сказал военком и, увидев суховатого небольшого роста мужчину в сапогах, спросил резким голосом: — Как фамилия и по какому вопросу?

— Большов Дмитрий. Председатель вчера сказал, что нужно явиться к вам, — у него при виде сурового вида майора затряслась правая нога, и, чтобы её как-то унять, он незаметно сильно ущипнул пальцами через штанину, как обычно делал, когда ногу схватывало судорогой в холодной воде.

Майор Бедров смерил его взглядом с ног до головы, помял губами, стал что-то искать на столе, перебирая бумаги.

— Вот, нашёл приказ! — он немного приподнял серую бумагу с печатным шрифтом.

— Поедешь в Чернобыль, наверное, слышал, где он находится. Военные сборы будут проводиться в течение полугода. Кем служил на срочной?

Дмитрий замялся с ответом. Во рту было сухо от волнения, набрал полную грудь воздуха, почти крикнул:

— Механиком-водителем в танковом полку, товарищ майор!

— Ладно. Танкисты — надёжные солдаты. Может, будешь там на бульдозере работать. Если всё сложится хорошо, то вернёшься раньше. Осенью, как раз к снегу, даже по дому не успеешь соскучиться. Отлынивать не советую: прокурор может возбудить уголовное дело, там статья соответствующая есть. Так что подумай конкретно. А сейчас поднимайся на второй этаж, там врачи посмотрят тебя

и дадут заключение. Ну, я вижу, ты совсем гвардеец! Вопросы есть?

Дмитрий Большов стоял в растерянности от только что услышанного и не мог себе представить, что его призовут на военные сборы и нужно будет ехать неизвестно куда. Он не чурался никакой работы, и если нужно было, то прихватывал и выходные, когда шла уборка хлеба. Садился за штурвал комбайна, не считаясь со временем, собирал выращенный урожай и был привязан к своей земле пуповиной. Представил себе, как скажет жене Раисе, своим детям, что уезжает от них на полгода. Дмитрий стоял в кабинете и молчал...

Майор, не услышав ничего в ответ, только махнул рукой: «Тогда свободен», — и повернулся крупным рыхловатым телом к окну. Увидел, как из дома напротив выкатилась на крыльцо дома костистая, невысокого роста женщина с покрасневшим лицом и забранными в узел на затылке русыми волосами. В руках она держала полено и так сильно закричала, что было слышно в кабинете:

— Кобели проклятые, с ума все посходили! Житья от вас совсем не стало.

Она широко размахнулась рукой с поленом, бросила его, но оно, не долетев до собак, упало в грязную лужу, брызги взметнулись вверх. Подняла голову и, заметив в окне фигуру майора Бедрова, сконфузилась, дёрнула острым подбородком, крутанулась на месте, так что клетчатая юбка надулась пузырьрём, и быстро исчезла за дверью.

В большой светлой комнате, окна которой выходили на главную улицу, скучали два врача. Терапевт Вадим Модестович, немного полноватый, с копной кудрявых волос на голове, с большим мясистым носом и весёлыми от природы глазами, сидел небрежно, покачивая ногой в чёрной туфле.

Женщина находилась в том опасном возрасте, когда даже наблюдательный человек затруднился бы дать ей

точный или даже приблизительный возраст. Она отвернулась от Вадима Модестовича, села спиной к нему и незаметно, как ей казалось, смотрелась в круглое зеркальце, пальцем разглаживая на переносице глубокую морщину. Белый халат был ей узковат и застёгнут на все пуговицы, вплоть до самого подбородка, но даже такая небольшая хитрость не могла скрыть морщинистую шею. Ей очень хотелось привлечь внимание своего коллеги, чтобы он хоть разок остановил на ней мимолётный, невзначай брошенный взгляд.

Вадим Модестович, увидев вошедшего Большова, перестал качать ногой, уставился на него серыми глазами.

— Любезный, если вам не трудно, представьтесь. Как фамилия?

Большов назвалсся. Ему понравился вежливый доктор.

— Ну что же, совсем хорошо, будем проводить медосмотр вместе с Ираидой Васильевной. Вчера все прошли медкомиссию, и только вас поджидаем.

Та, услышав это, кокетливо кивнула головой.

— Итак, на что жалуемся, любезный? Подходите поближе.

Большов, немного смущаясь, подошёл ближе к столу.

— Почки не беспокоят? — доктор два раза ребром ладони стукнул по спине так, что у него болезненно отдавалось внутри. — Ночью крепко спите и не встаёте в туалет по-малому?

Большов покраснел лицом, помотал головой, не понимая, зачем доктор спрашивает его о нужде. Спит он крепко, наработайся на тракторе весь день и уснёшь так, что жена не может утром растолкать.

— Хорошо, сделайте несколько приседаний и подойдите ко мне, давление измеряем.

Пока он делал эти манипуляции, Большов бросил взгляд в окно, где протекала сонная жизнь провинциального городка. По разрытой накануне улице тащился

небольшой зелёный грузовичок, набитый доверху строганой доской. Передние колёса попали в траншею, машина накренилась, и доски свалились через борт на землю. Водитель, молодой парень с лохматой головой, в футболке с длинными рукавами, шустро выскочил из кабины и, обежав вокруг неё с испуганными глазами, встал как вкопанный, не зная, что предпринять в такой ситуации. Как обычно бывает в таких случаях, сразу же собрались зеваки. Уличный гам залетел в полуоткрытое окно.

— Ираида Васильевна, не в службу, а в дружбу, гляньте, что там опять стряслось? Случаем, там никто не пострадал?

— Да всё в порядке, опять этот Пермьяков, видимо с похмелья сел за руль. Предупреждали ведь мы его на комиссии: «Не пей, иначе всё закончится трагично!» И на тебе, случилось! Хорошо, что никого не задавил!

— Спасибо, коллега! Продолжим осмотр товарища Большова. Давление хорошее, хоть сейчас прямо в отряд космонавтов записывай. Так, у меня вопросов больше нет, идите к Ираиде Васильевне, она продолжит и сделает заключение на предмет вашей годности к военным сборам.

Большов, на ходу заправляя выпроставшую из штанов рубаху, подошёл к столу, за которым восседала врач-невропатолог. От неё зависела дальнейшая его судьба.

— Жалоб особо нет, я так понимаю. У вас, Большов, такой возраст, когда ещё рано думать о болезнях.

Она бросила взгляд на своего коллегу, который был увлечён развивающимися на улице событиями.

— Ну будут у мужичка неприятности, точно можно сказать! Приехал сам начальник милиции Агафонов, а он такие выезды особо не любит! Точно скажу, лишит прав года на два.

— Прилягте на кушетку! — попросила она, достала из кармана небольшой никелированный молоточек

и поводила им перед самыми глазами Большова. — Достаньте указательным пальцем нос. Так, ладно, вставайте. А сейчас проверим зубы.

Большов широко раскрыл рот, так что хрустнуло в челюсти. Врач наклонилась к нему и посмотрела в провал рта. В нём торчали несколько передних зубов, а дальше на десне пеньки испорченных коренных.

— Да у вас зубов почти совсем нет? — удивилась она.

— Точно нет! Чуть заболит, я его сразу шёл удалять, шибко боюсь бормашины, да и некогда ходить к зубному, всё на работе, — как-то виновато ответил он, краснея лицом.

— Выйдите в коридор, пожалуйста, мы немного посоветуемся и пригласим вас.

Большов протопал сапогами по давно не крашеному полу, оставил врачей наедине.

— Ну и чего делать будем, уважаемая Ираида Васильевна? При таком состоянии полости рта сборы в Чернобыль ему строго противопоказаны — статья пятьдесят четвёртая. А вы как считаете?

Она неуверенно приподняла плечи:

— Даже и не знаю, что ответить. А так я с вашим мнением солидарна, пусть военком Бедров принимает решение, это как раз по его ведомству набор проводить.

Ираида Васильевна потянулась к телефону, стоявшему на самом краю стола, стала накручивать тугой диск указательным пальцем.

Через полчаса Большов стоял перед майором Бедровым, и в голове проносились варианты дальнейшей его жизни.

О Чернобыле он немного слышал от своего бригадира Павловича, дальние родичи которого проживали поблизости в Белоруссии. В обеденный перерыв он заехал в мехмастерские проверить масло в двигателе. Только

соскочил с подножки трактора, тут как тут стоит Павлович и дружелюбно светится карими глазами.

— Пойдём посидим, перекурим!

— Да некогда, Павлович, работа в коровнике ждалась.

— Ну ничего, ничего! Немного подождут, от этих баб ничего не убудет, — он за рукав потянул Большова в спасительную прохладу бытовки. — Хочу с тобой поговорить на такую тему, — расстегнув вдруг ставшую тесной в горле рубахи верхнюю пуговицу, он задумчиво произнёс: — Ты про атомные электростанции слышал?

— Вроде есть такие где-то, — неуверенно ответил Большов, ему не хотелось разговаривать, да и на ферме ждали.

— Ты не обижайся! Спросил по причине того, что родичи написали, будто у них недалеко атомная станция взорвалась. Они, правда, не открыто, а так только намекнули. Но для смышлёных людей понятно.

Большов слушал того вполуха. Зачем это нужно ему знать? Это далеко, отсюда не видать. Здесь тайга, всё спокойно. Жизнь течёт размеренно, без особых потрясений, да, впрочем, зачем они нужны? Так и не дослушав бригадира, махнул ему рукой на прощанье, толкнул обитую серым войлоком дверь и оказался во дворе. Яркий дневной свет слепил глаза. Совсем недалеко пасся серый крутолобый бычок с упрямыми завитушками на лбу. Он без конца дергал верёвку, которая была привязана к ржавому шкворню, вбитому в землю. При виде Большова замычал, замотал головой.

От такой деревенской идиллии потеплело в груди: Большов только один раз за всю свою жизнь далеко отлучался из дома, тогда его всей деревней провожали на службу в армию. Он даже не ездил в областной город: совсем не было нужды там быть. К новому учебному году жена с соседкой

отправлялись туда по магазинам сделать покупки детям. А он по обыкновению в сарае что-нибудь мастерил. Любил рубанком пройти по доске, чтобы стружка в кольцо закрутилась да запах оставила. Или, накопав червей в навозной огородной куче, брал удочки, шёл на речку порыбачить. Спускался с берега вниз, закидывал в воду крючок с наживкой и смотрел на красный поплавок. Потом, присев на корточки, разглядывал качающуюся под водой зелень, как мелькнёт маленькая рыбка и исчезнет в тёмной глубине. По воде плыли пузатые белые облака. На душе становилось радостно и спокойно, что он, Дмитрий Большов, отец семейства, не зря живёт на этой земле. Всегда казалось Большову, что жизнь так размеренно и пройдёт своим чередом, не меняясь из года в год.

Военком Бедров находился в задумчивости. План по призыву надо выполнить, если будет недобор, по головке областной комиссар не погладит. Он разжал пухловатые губы, легко побарабанил пальцами правой руки по столу и снисходительно поинтересовался:

— А дома чем ты питаешься?

Большов пожал плечами, дрогнул губами, ему не хотелось откровенничать, и он решил отшутиться:

— Да так, обычно щи да каша — еда наша. Пища простая, деревенская. Особых изысков на столе нет.

— Ну, ладно, съездишь в Чернобыль, а когда вернёшься, поставим тебе зубные протезы за счёт Минобороны, понял?

— Ну как тут не понять? Мне приказано, значит, вполне, отлынивать не буду.

— Сейчас иди к прапорщику Зинкину, он тебе выпишет повестку, и чтобы завтра утром был как штык. Понял?!

— Так точно, товарищ майор, — Большов поднял подбородок, повернулся через правое плечо и вышел из кабинета.

Команда вскоре оказалась в уральском городе N, где они прошли курсы, ему и сослуживцам пояснили, что такое радиация.

Моложавый офицер в звании подполковника, выбритый до кожной синевы, под носом чернели узкие усики, ходил, скрипя сапогами. Остановился, посмотрел поверх голов и, взяв длинную указку, стал водить по плакату, закреплённому на стене:

— Вот что, товарищи солдаты, объясню коротко, но понятно, чем отличается боевой атомный взрыв от Чернобыльской катастрофы, — он стукнул концом указки по столу. — В первом случае имеется высокая температура, ударная волна и радиационное поражение местности и личного состава. На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария на четвёртом энергоблоке, он полностью разрушился и возник небольшой выброс радиоактивных элементов в атмосферу. У нас есть все силы и средства для локализации этой аварии. Там на месте получите защитные средства. Вопросы есть?

Вопросов не было. Всем было непонятно, что в действительности произошло на Чернобыльской атомной электростанции. В окно самоотверженно билась большая зелёная муха, она пыталась вылететь из помещения и только скользила по стеклу. Хотелось ей помочь.

Слышно было, как за окном громко разговаривают женщины, словно пытаясь, перекричать друг друга, вскоре они замолчали и пошли дальше. Просигналила невидимая машина, и стало опять тихо.

Солдаты дочистили картофель и, взявшись вдвоём за ручки алюминиевого бачка, высыпали содержимое в кипящий котёл.

— Вот, зараза, и сигареты подмочил! — Дмитрий раздосадовано полез в карман, вокруг которого растекалось тёмное пятно.

— Да не волнуйся, покуришь мои, — Василий протянул сигареты и, скосив в сторону, проговорил: — Вот нам кого только и не хватало! Наш сержант собственной персоной пожаловал!

Осторожно ставя ноги, обутые в кирзовые сапоги, к ним приближался сержант Квасов. На хмуром лице сгустились краски настроения. Короткие рыжеватые волосы торчали на голове. Одарив их скупой улыбкой, обмяк лицом, выдохнул запах карамели:

— Ну, господа хорошие, ужин по расписанию?

— Да, всё в норме: картоху в котёл загрузили, рыба жарится. Впрочем, хочу тебя спросить, — Василий скользнул взглядом по новым сапогам Квасова, — а почему рыба не первой свежести, так сказать, пониженного качества? Ты, когда её со склада нам выдавал, хоть бы для порядка нюхнул. Сразу определил бы кисловатый запах, да в глазки ей глянул бы — они уже помутнели давно от грусти, одиночества. Ты, Квасов, я смотрю, второй день ходишь мутный, как эта рыба. Смотри, доложу замполиту, будешь со всеми на станцию ездить, с отбойным молотком развлекаться.

Квасов заскучал глазами, повертел головой в разные стороны, словно ища у кого-то помощи или поддержки, внезапно перешёл в словесное наступление:

— Ты мне зубы не заговаривай! Рыба свежая, недавно с продовольственного склада получил. И не надо провокационных разговоров тут затевать!

Сержант Квасов немного потоптался на месте, понимая, что разговор дальше не потянется, ему стало скучно, и он, широко ставя ноги, двинулся в сторону небольшого соснового леса. Его широкая спина покачивалась в такт движениям, он наклонил голову вниз, словно ища что-то у себя под сапогами.

Дмитрий, присев на корточки, чертил на песке какие-то знаки.

— Слушай, Василий, сегодня у меня последний наряд на кухне, завтра еду со всеми на станцию.

— А что случилось? — удивился Василий.

— Вчера, после развода, ко мне подошёл взводный и сказал, что я поеду на станцию со всеми дезактивацией заниматься на третьем энергоблоке.

— Ну и дела! — не сдержался Василий, огорчённо махнул рукой, на бледноватое лицо легла тень, уголки губ упрямо потянулись вниз. — Какая тебе там работа?! По логике вещей, если материализовать твоё пребывание здесь, то ты не должен вообще быть призван на сборы ввиду отсутствия зубов. Ты понял, дуралей? — он постучал согнутым указательным пальцем по лбу Дмитрия. — И никто тебе здесь зубы не вставит, не до тебя, мы тут совсем маленькие пешки, а небожители, — он своим длинным перстом ткнул в небо, — за нас с тобой всё давно решили. Вот так-то, удалец-молодец! Коптись и не портись во веки веков. В этих местах нельзя будет жить столетия, даже больше, так что на экскурсию по боевым местам я не поеду, если вдруг предложат.

Василий стал напевать себе под нос:

...Чем дорожу, чем рискую на свете я?

Мигом одним, только мигом одним...

Утром всё окрест было затянуто белой густой пеленой, в ней растворились палатки, деревья. Солдаты возникали из тумана, словно привидения, и снова исчезали, доносились только их приглушённые, не отошедшие от сна голоса. В стороне слышался отдалённый гул, это в сторону станции двигалась техника. К полудню солнце растворит белёсый туман, он поредеет, останется только в низине, окутав кустарники, деревья, и будет висеть на сырых ветках ватными клочками.

Содержание

Командировка к морю	3
Мой Рыжик	33
Ночной звонок из прошлого	68
Беспокойный сосед	87
Неприятная история	103
Как молоды мы были	124
Дождливый вечер	138
Не судьба	155
Неожиданное знакомство	165
Один день и вечер	176
Повезло	208
Смятение чувств	217
Февральский снег	229
Сон в руку	239
Есть только миг	252

Литературно-художественное издание

Абдулаев Александр Шарифович

КОМАНДИРОВКА К МОРЮ

Рассказы

Художественный редактор *А. Воробьёв*

Корректоры: *Н. Тронина, Т. Соловьёва*

Компьютерная вёрстка *М. Милуковой*

Формат 70х100/32. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Гарнитура MinionPro

Тираж 300 экз. Заказ 3150.